Журнал основан в 1998 г.
Выходит 4 раза в год

ВЕСТНИК
ТЮМЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Гуманитарные исследования.
Humanitates

Том 10. № 1 (37)
2024

TYUMEN STATE UNIVERSITY HERALD
Humanities research.
Humanitates

Founded in 1998
A quarterly journal

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук

Тюменский государственный университет
ТюмГУ

Главный редактор

И. М. Чубаров, Тюмень, Россия

Редакционная коллегия

Г. И. Баязитова, Тюмень, Россия
В. М. Костомаров, Тюмень, Россия
Вяч. С. Кулешов, Тюмень, Россия
А. В. Кононова, Тюмень, Россия
Н. В. Кузнецова, Тюмень, Россия
А. А. Медведев, Тюмень, Россия
Е. В. Михалькова, Тюмень, Россия
Е. В. Новокрещенных, Тюмень, Россия
Н. С. Чижов, Тюмень, Россия

Ответственный секретарь

И. Н. Пупышева, Тюмень, Россия

Редакционный совет

А. А. Арустамова, Пермь, Россия
Н. Н. Белозёрова, Тюмень, Россия
Т. В. Викторова, Страсбург, Франция
Д. Франческа Вирдис, Кальяри, Италия
Т. Вюни, Пассау, Германия
С. Гартон, Астон, Великобритания
Н. В. Дрожащих, Тюмень, Россия
А. Г. Еманов, Тюмень, Россия
О. В. Зырянов, Екатеринбург, Россия
Р. Кинг, Сан-Диего, США
С. А. Комаров, Тюмень, Россия
А. В. Кононова, Тюмень, Россия
Н. В. Лабунец, Тюмень, Россия
П. Марийо, Тулуза, Франция
А. К. Нефёдкин, Белгород, Россия
Н. П. Парфентьев, Челябинск, Россия
С. С. Пашин, Тюмень, Россия
М. Саббатини, Пиза, Италия
Т. Н. Хомутова, Челябинск, Россия
Э. Хшановска-Ключевска, Краков, Польша
Р. Чая, Торунь, Польша
Е. Н. Эртнер, Тюмень, Россия

ISSN 2411-197X (Print)
ISSN 2500-0896 (Online)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-72166 выдано 29 декабря 2017 г. (ранее: ПИ № ФС77-60411 от 29 декабря 2014 г.) Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель	ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»	
Издатель/редакция/типография	ТюмГУ-Press 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6 +7 (3452) 59-75-34, 59-74-81	
Прием статей	vestnik-humanitates@utmn.ru Публикация статей для авторов бесплатна	
Журнал распространяется	В открытом доступе	http://www.elibrary.ru http://vestnik.utmn.ru
	По подписке	Каталог Российской прессы (индекс ПА252)

Editor-in-chief

I. M. Chubarov, Tyumen, Russia

Editorial board

G. I. Bayazitova, Tyumen, Russia
V. M. Kostomarov, Tyumen, Russia
Vyach. S. Kuleshov, Tyumen, Russia
A. V. Kononova, Tyumen, Russia
N. V. Kuznetsova, Tyumen, Russia
A. A. Medvedev, Tyumen, Russia
E. V. Mikhalkova, Tyumen, Russia
E. V. Novokreshchenykh, Tyumen, Russia
N. S. Chizhov, Tyumen, Russia

Executive Secretary

I. N. Pupysheva, Tyumen, Russia

Editorial council

A. A. Arustamova, Perm, Russia
N. N. Belozerova, Tyumen, Russia
T. V. Victorova, Strasbourg, France
D. F. Virdis, Cagliari, Italy
T. Wünsch, Passau, Germany
S. Garton, Aston, UK
N. V. Drozhashchikh, Tyumen, Russia
A. G. Yemanov, Tyumen, Russia
O. V. Zyryanov, Yekaterinburg, Russia
R. King, San Diego, USA
S. A. Komarov, Tyumen, Russia
A. V. Kononova, Tyumen, Russia
N. V. Labunets, Tyumen, Russia
P. Marillaud, Toulouse, France
A. K. Nefedkin, Belgorod, Russia
N. P. Parfentiev, Chelyabinsk, Russia
S. S. Pashin, Tyumen, Russia
M. Sabbatini, Pisa, Italy
T. N. Khomutova, Chelyabinsk, Russia
E. Chrzanowska-Kluczewska, Krakow, Poland
R. Czaja, Toruń, Poland
E. N. Ertner, Tyumen, Russia

ISSN 2411-197X (Print)
ISSN 2500-0896 (Online)

Founded by	University of Tyumen	
Published, edited and printed by	UTMN-Press 6 Volodarskogo St., Tyumen, 625003, Russia +7 (3452) 59-75-34, 59-74-81	
For article submission	vestnik-humanitates@utmn.ru No publication charges	
The journal is distributed	Accessed at	http://www.elibrary.ru http://vestnik.utmn.ru
	Subscription to	Russian Post catalogue (No. ПА252)

Содержание

Языкознание

6 К развитию субстантивной формы русского глагола (проблема категории вида в образованиях на *-(е)ние, -тие* XVIII — нач. XXI в.)
Демидов Д. Г., Власов С. В.

29 Эколингвистические компоненты литературного образа Арктики в травелоге В. Н. Матонина «Кочевой дневник»
Долгих А. И.

50 Диалектная лексика с корнями количественной семантики в вологодских говорах
Ильина Е. Н.

Литературоведение

62 «Лунный Новый год» А. Паркау: память культуры
Арустамова А. А., Гао Чуньюй, Кондаков Б. В.

84 Онтологический экфрасис в стихотворении Елены Шварц «Воспоминание о фреске Фра Беато Анджелико „Крещение“ при виде головы Иоанна Крестителя в Риме»
Чертенко Е. А.

100 Автор и повествователь в текстах фанфикшн-сообщества (на материале фанфиков по литературной классике)
Петров В. В.

История

116 Консульские счета города Альби XIV–XV вв.
Байдуж Д. В., Раевский Л. О.

132 «Воззвание Дэвида Уокера … » — главный манифест радикального афроамериканского аболиционизма
Шумаков А. А.

153 Проблема возвращения похищенных артефактов в современных международных отношениях: пример стран Ближнего Востока
Нелаева Г. А., Шахназарян М. Т.

Обзоры, рецензии, научные события

175 Медиевистика как ремесло и искусство: беседа с А. Г. Емановым
Байдуж Д. В., Еманов А. Г.

187 Содержание за 2023 год

Contents

Linguistics

6 On the development of the substantive form of the Russian verb (the problem of the verb aspect in *-(e)nie, -tie* word forms in the 18th–early 21st c.)
Demidov, D. G., & Vlasov, S. V.

29 Ecolinguistic components of the Arctic literary image in Vasily Matonin's travelogue *Kochevoy dnevnik*
Dolgikh, A. I.

50 Dialect vocabulary with the roots of quantitative semantics in Vologda dialects
Ilyina, E. N.

Literature Studies

62 "Lunar New Year" by A. Parkau: cultural memory
Arustamova, A. A., Gao, Chunyu, & Kondakov, B. V.

84 Ontological ekphrasis Elena Shvarts' poem "Memory of the Fresco of Fra Beato Angelico 'Baptism' at the Sight of the Head of John the Baptist in Rome"
Chertenko, E. A.

100 Author and narrator in fanfiction community texts (a study of fanfics based on literary classics)
Petrov, V. V.

History

116 Consular accounts of the city of Albi in the 14th–15th c.
Bayduzh, D. V., & Raevskii, L. O.

132 *Walker's Appeal...* is the main manifesto of radical African-American abolitionism
Shumakov, A. A.

153 The question of looted heritage return in contemporary international relations: Middle East as a case-study
Nelaeva, G. A., & Shakhnazaryan, M. T.

Reviews, Critique, Events

175 Medieval studies as craft and art: conversation with Alexander G. Emanov
Bayduzh, D. V., & Yemanov, A. G.

187 Contents for 2023

Научная статья / Research Article
Языкознание

https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-1-6-28
УДК 81'36 / 811.161.1

К развитию субстантивной формы русского глагола (проблема категории вида в образованиях на *-(е)ние, -тие* XVIII — нач. XXI в.)

Дмитрий Григорьевич Демидов[1]✉, Сергей Васильевич Власов[2]

[1] Государственный университет Чжэнчжи, Тайбэй, Китайская республика (Тайвань)
[2] Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
Контакт для переписки: demidoffs@rambler.ru✉

Аннотация. К субстантивной форме глагола в русском языке в статье относятся образования на *-ние, -ение, -тие.* Усматривается историческая тенденция к грамматикализации данных образований. Категория вида проникает в их состав прежде всего через формы на *-ывание,* сохраняющие значение несовершенного вида. Рост их продуктивности происходит с середины XVIII в. «волнами», достигая максимума в 1761–1800, 1861–1880, 1921–1940 и 2001–2020 гг. Половина форм на *-ывание* образуется раньше своих пар на *-(е)ние, -тие,* которые соединяют в себе значения обоих видов, от глаголов совершенного вида; в синхронно действующей системе «достраивается» видовая пара. С чистовидовыми приставками *по-* и *с-* формы на *-ывание* практически не образуются. Если видовой оппозиции на этапе перфективации не складывается, приставочные глаголы совершенного вида на этапе имперфективации легко образуют свою видовую пару на *-ывание.* Таким образом, категория вида проникает в систему субстантивной формы глагола, усиливая действие этой глагольной категории на именные формы глагола.

Ключевые слова: субстантивная форма глагола, вид глагола, видовая пара, приставочная перфективация, суффиксальная имперфективация, относительная хронология, историческая тенденция

Цитирование: Демидов Д. Г., Власов С. В. 2024. К развитию субстантивной формы русского глагола (проблема категории вида в образованиях на *-(е)ние, -тие* XVIII — нач. XXI в.) // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 10. № 1 (37). С. 6–28. https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-1-6-28

Поступила 11.07.2023; одобрена 14.02.2024; принята 04.03.2024

© Автор(ы), 2024

On the development of the substantive form of the Russian verb (the problem of the verb aspect in *-(e)nie, -tie* word forms in the 18th–early 21st c.)

Dmitrii G. Demidov[1]✉, Sergei V. Vlasov[2]

[1] Chengchi State University, Taipei, Republic of China (Taiwan)
[2] St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
Corresponding author: demidoffs@rambler.ru✉

Abstract. The substantive form of the verb in the Russian language includes *-nie, -enie,* and *-tie* word forms. There is a historical tendency towards the grammaticalization of these formations. The category of aspect penetrates into their composition through the *-yvanie* forms, preserving the meaning of the imperfective aspect. Their productivity has been growing since the middle of the 18th c. by "waves," reaching a maximum in 1761–1800, 1861–1880, 1921–1940, and 2001–2020. Half of the *-yvanie* forms are formed earlier than their pairs from the perfective verbs ending in *-(e)nie* and *-tie* which combine the meaning of both types; in the synchronously operating system, the aspectual pair is "completed." With pure aspectual prefixes, *po-* and *s-,* the *-yvanie* forms are practically not formed. If the aspectual opposition does not add up at the stage of perfectivization, perfective prefix verbs easily form at the stage of imperfectivization their aspectual pair ending in *-yvanie.* Thus, the category of aspect penetrates into the system of the substantive form of the verb, enhancing the effect of this verbal category on the nominal forms of the verb.

Keywords: substantive form of the verb, verb aspect, aspect pair, prefix perfectivization, suffix imperfectivization, relative chronology, historical tendency

Citation: Demidov, D. G., & Vlasov, S. V. (2024). On the development of the substantive form of the Russian verb (the problem of the verb aspect in *-(e)nie, -tie* word forms in the 18th–early 21st c.). *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, *10*(1), 6–28. https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-1-6-28

Received Jul. 11, 2023; Reviewed Feb. 14, 2024; Accepted Mar. 4, 2024

Введение

Отглагольными именами существительными и прилагательными в современном русском языкознании называются самостоятельные производные от глагола слова: *болтать* (языком) > *болтовня, болтать* > *болтливый.* Чтобы различить обозначение части речи и лишь ее внешнего грамматического оформления, в современной русистике принято часть речи

называть по-русски, внешнее оформление — по-латыни (латинскими по происхождению терминами). Адъективной формой бесприставочного глагола *болтать* является *болтающий,* субстантивной (по происхождению) — *болтать;* в статье будет показано, что еще одной субстантивной формой глагола (далее — СФГ) выступает также *болтание,* а от приставочных глаголов несовершенного вида типа *забалтывать — забалтывание.* По крайней мере, можно смело утверждать, что тенденция к грамматикализации подобных образований в начале XXI в. возросла до такого уровня, когда на повестку дня выходит обсуждение вопроса о еще одной именной форме русского глагола.

В разных языках мира подобная форма называется *герундий, масдар, глагольное имя* (в противоположность самостоятельным словам — *от*глагольным именам). *Герундий* известен в латинском и английском, *масдар* — в арабском, *глагольное имя* (или, по арабской грамматической традиции, также *масдар*) — в тюркских языках.

В латинском языке герундий образуется с помощью суффикса *-nd-.* Он сохраняет глагольное управление и даже не может развивать при себе согласуемого определения, а, как и личная форма глагола, определяется наречием. Склоняется только в ед. числе и не имеет формы Им. падежа, потому что в значении прямого падежа употребляется инфинитив — другая субстантивная форма глагола [Откупщиков, 1990].

Как известно, в английском языке форма герундия образуется с помощью суффикса *-ing.* И, в отличие от латинского, употребляется в позиции не только дополнения, но и подлежащего. Хотя она появилась в языке недавно, развила категорию относительного времени: для выражения действия, одновременного с глаголом, выражающим сказуемое, употребляется основная форма герундия; для выражения предшествующего действия — перфектная аналитическая. Герундий изменяется и по залогу.

В арабском языке масдар по времени не изменяется, образуется многими разными способами в зависимости от глагола. Сохраняет переходность/непереходность производящего глагола, часто соответствует по своему значению русскому инфинитиву. Получая конкретное значение, арабский масдар переходит в обычное существительное и приобретает возможность образовать форму мн. числа [Ковалев, Шарбатов, 1998, с. 218].

Распространение образований на *-(е)ние, -тие* в русском литературном языке происходило за счет его церковнославянской основы. Вторичные, но длительные и интенсивные контакты с тюркскими языками создали благоприятную почву для дальнейшего развития таких образований.

Это обстоятельство требует остановиться более подробно на тюркских языках. В них особые субстантивные формы глагола, глагольные имена, представлены настолько широко, что, будучи распространенными зависимыми словами, заменяют собой внушительное множество индоевропейских придаточных предложений. Их отличают от производных слов — *от*глагольных имен и называют *глагольными именами* [Гузев, 1976, с. 56–57].

Так, в кумыкском языке простыми предложениями на основании передачи глагольными именами эквивалентов выделенных слов в русских переводах передаются следующие сложноподчиненные предложения: Когда *шел* дождь, я промок. Я видел, что ты *метнул* стрелу (букв. «твое метание стрелы»). Это случилось потому, что ты был *голоден.* Он не смог приехать потому, что война уже *началась* [Дмитриев, 1962, с. 319].

Словоизменительный характер тюркских глагольных имен «доказывается тем, что они 1) всегда обозначают действие (или представляют иные явления в виде действия), 2) сохраняют глагольное управление, 3) способны выступать в продуктивных залоговых формах...» [Гузев, 1976, с. 58]. Приводится еще два дополнительных специфически тюркских признака.

Возможно, тюркское влияние просматривается в древнерусском языке в оборотах вроде «Купец же иде ко Дракуле *и поведа ему изгубление злата*» [Повесть о Дракуле, 1964, с. 131], на которые обратил внимание А. А. Бурыкин [Бурыкин, 2017, с. 201].

В статье будет показано, что есть существенные основания для выделения СФГ и в русском языке, по крайней мере в виде устойчивой тенденции. В русской грамматической традиции части речи и формы слова принято называть по-русски. Можно вынести на обсуждение термин *сущедетие,* составленный в духе М. Смотрицкого (ср. *причастодетие*[1]).

Обзор литературы

Развитие видовой корреляции в русском языке изучено достаточно хорошо, см. [Маслов, 1984; Кузнецов, 1959, с. 172–189; Никифоров, 1952, с. 35–134] и мн. др. Как замечает П. С. Кузнецов, «образования на *-iva- (-yva-)* и отчасти на *-va-* первоначально получили распространение именно как производные от приставочных образований в связи со всё дальше идущей дифференциацией совершенного и несовершенного видов» [Кузнецов, 1959, с. 189]. Ко второй половине XVI в. «префиксация … являясь у глаголов основным словообразовательным средством, в качестве способа видовой корреляции, повидимому, стоит на втором месте» [Никифоров, 1952, с. 133]. Конкуренция форм несов. вида типа *перетрясать — перетрясывать, укладать — укладывать* (примеры С. Д. Никифорова) разрешается, в целом, в пользу новообразований на *-ивать, -ывать.* Это дает толчок к позднейшему распространению СФГ на *-ивание, -ывание.*

Для осмысления продуктивности глагольных суффиксов *-ива-, -ыва-,* а также инфиксов *-ив-* и *-ыв-* (см. [Демидов, Камчатнов, 2019]) принципиальное значение имеет принадлежащая проф. В. М. Маркову идея значения субъективной оценки действия бесприставочных глаголов на *-ивать, -ывать,* развитая и обоснованная Л. Р. Валеевой [Валеева, 2013]. Именно это значение, а не «плюсквамперфект», послужило залогом дальнейшей качественно-видовой имперфективации приставочных глаголов. Оно же хорошо объясняет появление конфиксов в глаголах вроде *прихрамывать, похлопывать, накрапывать, разгуливать, вызванивать, отплясывать.* Заметно наследие субъективной оценки, особенно ярко проявлявшейся в таких глаголах без приставок у А. Т. Болотова и И. А. Крылова [Валеева, 2013, с. 16], в окказиональных именных формах с приставками на *-ывание* у М. Е. Салтыкова-Щедрина (см. ниже). Этот же автор употреблял и глаголы типа *хаживать* как средство авторской иронии [Валеева, 2013, с. 18].

Наиболее радикальный взгляд на русские имена действия как на формы глагола предлагается авторами Тамбовской лингвистической школы. Все случаи сохранения лексического значения глагола в имени существительном, невзирая на внешнее оформление,

[1] См. [Демидов, Камчатнов, 2020; Власов, Демидов, 2023а, б; Демидов, Власов, 2023].

предлагается считать формами глагола [Руделев, 1979, с. 22], выводя за рамки «лексемообразования» [Шарандин, 1990, с. 28] и ограничивая число двувидовых субстантивных форм глагола тремя процентами [Егорова, 2009, с. 18].

Особенности словообразовательных моделей имен действия изучены достаточно хорошо. См., напр., работы [Хохлачева, 1969; Лемов, 1975; Лузина, 2001; Мусатов, 2011, 2012, 2015] и авторов, на которых имеются ссылки в этих публикациях.

Модели образований на *-ние, -ение, -тие* по своей продуктивности далеко отстоят от таких, по которым образованы слова типа *борьба, странствие, строительство* и даже *уборка, выборка* или *выбор, убор.* Последние гораздо хуже сохраняют процессуальное лексическое значение, отрываясь от своего производящего или соотносительного глагола. Форманты *-(е)ние, -тие,* генетически связанные с причастием, по всей видимости, лучше рассматривать как сверхпродуктивный морфологический фон собственно словообразовательного варьирования прочих формантов, напр.: *ласка**ни**е — ласка**тельств**о, уч**ени**е — уч**еб**а, болта**ни**е — болт**овн**я, отбелива**ни**е — отбел**к**а* (ср. [Кадькалов, 2007]). Мы считаем, что наиболее реальными «кандидатами» на перенесение из разряда производных слов в разряд именных форм глагола с внешним субстантивным оформлением являются модели на *-ние, -ение, -тие.*

Образования на *-ние* издавна привлекали к себе внимание грамматистов в отношении их грамматикализации. Так, А. Х. Востоков полагал: «В существительном отглагольном теряется означение времени настоящего и прошедшего, принадлежащее причастиям и деепричастиям, но сохраняется вид глагола, неокончательный, совершенный и многократный, например читание, прочтение, читывание» [Востоков, 1831, с. 112]. Однако, при всех оговорках, большинство русских языковедов не решалось полностью отнести субстантивированные производные какого-либо образования от глаголов к формообразованию, обычно все русские девербативы относили к словообразованию. Неясно, насколько это соответствует действующим тенденциям русского литературного языка XVIII — нач. XXI в. Так, О. В. Трофимова и А. А. Сандуца, освещая проблему по трудам А. Х. Востокова, А. А. Потебни, Я. К. Грота, В. В. Виноградова, приводят мнение В. Д. Левина и Е. Э. Пчелинцевой об ограничении в новейшее время семантических и функциональных возможностей имен действия по сравнению с периодом конца XVIII — начала XIX в. [Трофимова, Сандуца, 2015, с. 57–58], однако сами приходят к более осторожному выводу только «об определенном несовпадении семантики и грамматики девербатива в XVIII и XXI вв.» [Трофимова, Сандуца, 2015, с. 65]. Наши материалы показывают устойчивую тенденцию к грамматикализации девербативов на *-(е)ние, -тие.*

Согласно промежуточной точке зрения, СФГ в русском языке существует, однако в объем этого понятия входят не все имена действия, а только образования на *-ние, -ение, -тие.* Эту точку зрения разделяем и мы. Выводы, подобные нашему, уже делались в прошлом: «Эта группа имен действия [...] представляла собой как бы особую именную его [глагола] форму» [Свердлов, 1961, с. 20]. Образования на *-ние* в старославянском языке считал именными формами глагола А. Вайан [1952, с. 277]. Другие ученые, придерживающиеся этой точки зрения в отношении других славянских языков, в частности чешского и словацкого, перечислены в ст. [Коряковцева, 1996, с. 58]: Гавранек, Едличка,

Паулиный, Ружичка, Сотак, Штольц. В русистике близкие взгляды на глагольно-именные характеристики отглагольных имен разделял Г. П. Павский, который считал формы типа *чтение* заменой инфинитива *читать* в косвенных падежах: «В имен. падеже един. числа говорим: *читать* книги полезно, а в прочих падежах *читать* (lesen) переменяем на *чтение* (das Lesen), и говорим: от *чтения* книг много пользы» [Павский, 1842, с. 36].

К этой точке зрения можно было бы причислить и Г. О. Винокура, который считал, что «суффиксы *-ание* и *-ение* можно прямо считать формальными признаками глагольности имен» [Винокур, 1928, с. 80]. Но здесь не подвергается сомнению словообразовательный характер деривации, и образования типа *играние* или *совершение* считаются самостоятельными существительными, следовательно, ученый примыкал к точке зрения большинства, но различал глагольные существительные 1) с сохранившимся значением глагольности и 2) без значения глагольности. «Стилистическую дефектность» он видел в именах первой группы [Винокур, 1928, с. 84], как бы пытаясь остановить тенденцию к грамматикализации СФГ.

В нашу задачу входит обосновать включение в состав именной формы глагола СФГ исторически, показав яркую тенденцию проникновения категории русского глагольного вида на ступени имперфективации в состав этой именной формы, в которой маркированной оказывается форма несов. вида.

Из всех глагольных основ, от которых образуются СФГ на *-ние,* наиболее показательной для рассмотрения вопроса о развитии категории вида в области СФГ является основа несов. вида, оформленная суффиксом *-ыва-* или конфиксом с участием этого суффикса. Такие основы всегда сохраняют значение несов. вида и в своих производных формах на *-ывание,* способствуя проникновению категории вида в область СФГ и закрепляя их грамматикализацию в русском языке. Они были рассмотрены в [Пчелинцева, 2015], однако в этой статье обобщенное состояние в последние три века неверно называется «тенденцией». Яркое видовое значение образований на *-ывание, -ивание* подчеркивается В. В. Виноградовым [1947, с. 118]. Об этом же пишет и Е. И. Коряковцева: «Ярко выраженное видовое значение (несовершенного вида) сохраняется лишь за существительными, образованными от глаголов с суффиксом *-ыва-/-ива-* (*расстегивание, отбрасывание, покашливание, развешивание* и т. п.)» [Коряковцева, 1996, с. 59]. Синхронное описание вообще не может выявить какие бы то ни было тенденции развития языка. Поэтому в данном исследовании в качестве обязательного введен диахронический фактор.

Методы исследования и краткая характеристика источников

Поскольку в задачи нашего исследования входит анализ процесса распространения категории вида в отглагольных именных образованиях, применяется структурно-исторический метод с привлечением принципа относительной хронологии последовательного наращивания именных форм глагола, репрезентативных для развития видовой оппозиции. Благодаря использованию корпусных данных применяются также методы сплошной выборки и количественных сопоставлений.

Язык рассматривается нами в отношениях его системы, нормы и узуса. Составители словарей далеко не всегда фиксируют реальные узуальные формы. В конце XVIII в., на заре русской академической лексикографии, словарный источник служил также справочником, предписывающим системно оправданное потенциальное нормативное отглагольное образование. Это качество толковых словарей прослеживается до середины XIX в. НКРЯ, широко отражающий публицистический и художественный узус на основе сложившейся нормы, показывает реальное становление новообразований. Новейшие образования берутся из поисковой системы «Яндекс», хорошо отражающей новейший узус, не всегда строго нормативный. Таким образом, источники исследования разбиваются на 1) такие, которые могут содержать множество потенциальных форм, обусловленных закономерностями системы (словари), 2) такие, которые содержат только реальные формы, как правило нормативные (примеры из НКРЯ), и 3) такие, которые наиболее приближены к живой стихии узуса (примеры из поисковой системы «Яндекс»).

Результаты и обсуждение

Историческая динамика роста продуктивности СФГ на *-ывание*

Приведем результаты обследования образований на *-ывание* по НКРЯ и поисковой системе «Яндекс» с учетом хронологии первых появлений той или иной СФГ на *-ывание,* хорошо сохраняющей значение несов. вида, и его возможного видового коррелята, образованного от глагола сов. вида с помощью суффиксов *-ни(е), -ени(е), -ти(е),* но нейтрализованного по виду.

Перечисленные суффиксы являются продуктом опрощения суффикса страдат. причастия прош. времени *-(е)н-* или, после корней на гласный, *-т-* и собирательного суффикса *-ь(е)//-и(е),* который легко принимает значение действия. Опрощение произошло вследствие переразложения: *погасить* > *погашен* > *погашен-ие* > *погаш-ение.* После опрощения стали возможны образования и от непереходных глаголов, минуя ступень причастия: *угасать* > *угаса-ние.*

Категория СФГ складывается в русском языке первоначально благодаря таким древнейшим калькам с греческого, как *воскресение, преображение, уныние* и под. К ним относятся и единичные образования типа *опасывание* («Пчела»), уже в домонгольскую пору привносящие значение многократности.

По данным НКРЯ, до 1700 г. сложилось только три видовых пары СФГ, в которых сначала появляется форма сов. и любого вида, затем — несов. вида: *подкапание — подкапывание, приложение — прикладывание, обрезание — обрезование* (так!); столько же таких пар, в которых форма несов. вида появилась раньше формы сов. и любого вида: *проведывание — проведание, розведывание — разведание, закопывание — закопание;* одна форма без пары: *скатывание.* Это означает, что до начала XVIII в. категория вида еще не направляла ход образования новых СФГ на *-ывание.*

Приведем количественные данные, начиная с 1700 г., по 20-летиям (таблица 1).

Наблюдается общий неуклонный рост СФГ на *-ывание* с 1700 по 1760 г. Это 1-й большой период, его можно назвать «Периодом прорыва СФГ на *-ывание*». В течение этого периода

преодолевается разрыв между русским оформлением производящего глагола на *-ывать* и славянским оформлением суффикса *-ни(е)*. Далее наступает 2-й период устойчиво высокой продуктивности с 1761 по 1800 г. Существенное падение новообразований на *-ывание* к началу следующего периода объясняется, вероятно, зарождением языка художественной литературы: такие формы считались малоэстетичными и вовсе не подходящими к изящной словесности, несмотря на деятельность составителей САР-1. Эффект от этой деятельности скажется только в 20-е гг. XIX в. и позже.

С 1801 по 1880 г. — 3-й период быстрого устойчивого плавного роста. Нами учитывались только первые употребления той или иной СФГ на *-ывание,* если бы даже образование новых СФГ падало, всё равно повторное образование поддерживало бы их распространение. Но в течение 3-го периода число новых СФГ увеличилось в 14 раз. Это говорит о том, что в начале и середине XIX в. происходило самое бурное накопление новых форм на *-ывание* и именно этот период сыграл ключевую роль в проникновении категории вида в русскую СФГ, продвигая ее грамматикализацию.

4-й период с 1881 по 1940 г. можно назвать «периодом второго роста», в течение которого развивается прежняя тенденция. 5-й период с 1941 г. по наше время — это «период третьего роста». Следует отметить особый скачок в начале XXI в., сравнимый разве что со скачком в 1861–1880 гг.

Таблица 1. Динамика образования новых СФГ на *-ывание* с 1700 по 2020 г.
Table 1. The dynamics of the formation of new substantive forms of the verb ending in *-yvanie* in 1700–2020

Период	***-ывание*** **после** ***-ние, -тие*** **от СВ**	***-ывание*** **до и без** ***-ние, -тие*** **от СВ**	Всего
1700–1720	1 (16,7%)	5 (83,4 %)	6 (100%)
1721–1740	1 (33,3%)	2 (66,7%)	3 (100%)
1741–1760	6 (46,2%)	7 (53,8%)	13 (100%)
1761–1780	18 (54,5%)	15 (45,5%)	33 (100%)
1781–1800	15 (46,9%)	17 (53,1%)	32 (100%)
1801–1820	6 (75,0%)	2 (25,0%)	8 (100%)
1821–1840	13 (36,1%)	23 (63,9%)	36 (100%)
1841–1860	29 (40,3%)	43 (59,7%)	72 (100%)
1861–1880	47 (41,2%)	67 (58,8%)	114 (100%)
1881–1900	23 (32,9%)	47 (67,1%)	70 (100%)
1901–1920	26 (42,6%)	43 (57,4%)	61 (100%)
1921–1940	44 (47,3%)	49 (52,7%)	93 (100%)
1941–1960	15 (41,7%)	21 (58,3%)	36 (100%)
1961–1980	22 (40,7%)	32 (59,3%)	54 (100%)
1981–2000	20 (35,1%)	37 (64,9%)	57 (100%)
2001–2020	47 (48,5%)	50 (51,5%)	97 (100%)

Вопреки ожиданиям, не происходит постоянного роста доли образования новых СФГ от имперфективированных глаголов на *-ывание* после уже существующих СФГ от глаголов сов. вида с собственным двувидовым значением. Эта доля с 1741 г. по наше время колеблется вокруг 45% с незначительными отклонениями, которыми можно пренебречь. Рост этой доли образования новых СФГ на *-ывание* можно отметить только с 1700 по 1780 гг. Новую тенденцию подметили составители САР-1 и кодифицировали в своем Словаре. Следовательно, вовсе не сто́ит расценивать САР-1 как смотрящий только в прошлое — его составители смело и свободно смотрели в будущее, предлагая желательные формы. Они верно подметили динамическую особенность **системы** языка и потому предложили идеальное направление развития его **нормы**.

Видовая корреляция в области СФГ действует уже с середины XVIII в. как парадигматически обусловленное синхронное функционирование категории субстантивной именной формы русского глагола. Это состояние хорошо сохраняется и в самые последние годы. Так, образуются, например, формы *задремание* (при *задремывание*), *зашугование* (*русла*) (при *зашуговывание бухты*), *освежевание* (при *освежевывание*), *проскользание* (при *проскальзывание*) и др. Наши современники, как это происходило уже в течение почти трех веков, как бы «достраивают» видовую оппозицию, создавая ее немаркированный член, который в историческом отношении всегда свободнее изменяется, чем член маркированный, или даже образуется заново. В качестве изоморфной аналогии можно назвать новую русскую фонему /ф/, возникшую на конце слова и перед глухими, и составившую оппозицию /ф$^{-}$: в$^{+}$/.

Роль словарей в развитии СФГ и проникновении категории вида в эту именную форму глагола. М. Е. Салтыков-Щедрин

Ключевую роль в культуре образования СФГ на *-ывание* сыграли усилия составителей САР-1. Так, они отмечают в своем Словаре имеющиеся в НКРЯ формы, появившиеся прежде: *всхлипывание, выдумывание, выцарапывание, вычерпывание, закапывание* и др. Можно ожидать двух-трехкратное увеличение таких **реальных** СФГ с учетом не включенных в НКРЯ источников XVIII в. Однако нельзя исключать и наличие еще бóльшего количества СФГ на *-ывание,* которые составители САР сами предложили в виде **потенциальных** форм, допустимых и рекомендуемых в русском литературном языке, исходя из кодификаторских задач Словаря. Текст САР-1 мы рассматриваем как текст особого рода, качественно отличный от тех, которые учитывает НКРЯ, и не имеющий оснований для включения в общие подсчеты. Основной единицей описания в САР-1 было не слово, а гнездо слов, что сближало продуктивные производные слова́ с производными формами сло́ва и позволяло составителям фактически относиться к формам на *-(е)ние, -тие* как к морфологической категории и давать при них такие грамматические пометы или элементы дефиниций, которые позже станут осмысляться как видовые. Например: «*Втáптывание,* нія. с. ср. Дѣйствие втаптывающего. *Втоптáніе*, нія. с. ср. Исполненное дѣйствіе втаптывавшего» [САР-1, т. 6, стлб. 189]. Эта традиция была подхвачена В. И. Далем, который более последовательно давал видовые грамматические пометы, описывая СФГ: «Вытаптыванье ср. длит. вытоптание окончат. действ. по знач. глаг.» [Даль].

После САР-1 и, по всей видимости, благодаря их удачной кодификации, в этом Словаре писатели стали употреблять формы [1] *взнуздывание, втаптывание, вытаптывание, выторговывание, выхватывание, вычесывание, выщипывание, дописывание, заклепывание, запрятывание, засасывание, затаптывание, зачесывание, заштопывание, защипывание, обсасывание, обсчитывание, обуздывание, обхватывание, обхлопывание, общипывание, обыгрывание, опутывание, отаптывание, отламывание, отпарывание, отсчитывание, отчерпывание, отщепывание, очаровывание, ощипывание, перекачивание, перекидывание, перемарывание, пересчитывание, перетолковывание, перехватывание, перечитывание, перепутывание, подхватывание, потаптывание, потрясывание, похлопывание, пощипывание, притаптывание, приторговывание, прихватывание, прихлебывание, прихрамывание, причесывание, пришепетывание, просчитывание, протаптывание, проторговывание, процарапывание, прочитывание, разнуздывание, распроведывание, рассчитывание, растаптывание, растрясывание, расхватывание, расцарапывание, расчесывание, расщипывание, схватывание, утаптывание, ухватывание* и др.

НКРЯ не отмечает вообще никаких употреблений форм, имеющихся уже в САР-1 (жирным шрифтом выделены формы, не реализованные даже в последние годы и отсутствующие в «Яндексе»): *вытрясывание, выхлебывание, досчитывание, дотесывание, дохлебывание, дочесывание, дощипывание, истаптывание,* ***истрясывание,*** *исцарапывание, надтяпывание, насчитывание, обчесывание, отрепывание, отрясывание, охапывание, оцарапывание,* ***перевзнуздывание,*** *перетесывание, переторговывание, перечесывание, перещипывание, подтесывание, потяпывание, похлебывание, почитывание, прихвастывание, прощипывание, расщепывание, стаптывание, стесывание, счерпывание, счесывание, утесывание, утрясывание.* Такое обилие СФГ на *-ывание,* «воскрешенных» только в начале XXI в., показывает незаурядную проницательность составителей САР-1, предсказавших образование форм в отдаленном будущем, уже без очевидного влияния Словаря.

Многие из примеров, попавших в САР-1, повторяются в «Словаре живого великорусского языка» В. И. Даля, который обычно восстанавливает видовую пару СФГ. И составители САР-1, и В. И. Даль характеризовали видовое значение членов таких пар.

Другим автором, кто сознательно развивал в своем словесном творчестве категорию русской СФГ, был М. Е. Салтыков-Щедрин. Он впервые образовал формы *всхлебывание, заглатыванье, захлебыванье, наверстывание, начертывание (словес на стенах), незагадывание, неувертывание (шей платками), обмазывание (дегтем), подбрасывание (подметных пасквилей), поматывание (головы).*

Салтыков-Щедрин тонко чувствовал видовые различия. В одном и том же его произведении 1872 г. «Дневник провинциала в Петербурге» встречается и форма *самообкладывание* (о современных ему лицах) и *самообложение* (о «дедах наших», которые «не были скопидомы и не тряслись над каждою копейкой»). В разных произведениях у него есть и *выбрасывание,* и *выброшение.* И в этом случае, и в случае *расхлебывание — расхлебание*

[1] Полный перечень таких форм здесь и в следующем абзаце приводится только по 6-му тому САР-1. Всех СФГ обоих типов, следовательно, примерно в 6 раз больше тех, что приводятся в статье.

он «достраивает» видовую оппозицию созданием производной формы от глагола сов. вида к существовавшей до него СФГ несов. вида на *-ывание*. К его новообразованиям *закапание (капель), замарание, откушение* и *расклевание* видовые пары *замарывание, откусывание* и *расклевывание* создали потомки XX–XXI в. В этом случае действует прямая хронология.

Рост продуктивности образования СФГ от непарных по виду глаголов несов. вида

Росту продуктивности образования парных по виду СФГ несов. вида способствуют и непарные несов. вида. Первым НКРЯ отмечает *приигрывание* (на гуслях, 1752 г.). Далее образуются *нашептывание* (с 1822 г.), *поглядывание* (на часы, с 1829 г.), *пошаптывание* (с 1841 г.), *почесыванье* (с 1842 г.), *посвистывание* (с 1852 г.), *пришептывание* (с 1852 г.), *притоптывание* (каблучка, с 1855 г.), *пришепетывание* (с 1858 г.), *пощипывание* (с 1863 г.). Динамика по 20-летиям может быть учтена лишь с конца XVIII в. (таблица 2).

Таблица 2. Динамика продуктивности образований на *-ывание* от непарных по виду глаголов с 1781 по 2020 г.

Table 2. The dynamics of productivity of *-yvanie* formations from unpaired verbs in 1781–2020

Годы	В абсолютных числах	В процентах
1781–1800	9	7,5
1800–1820	0	0,0
1821–1840	2	6,0
1841–1860	7	10,9
1861–1880	17	16,0
1881–1900	9	14,5
1901–1920	2	3,5
1921–1940	8	9,3
1941–1960	4	12,5
1961–1980	6	13,0
1981–2000	15	23,8
2001–2020	8	8,9

При общей тенденции к увеличению, бурный рост образования таких СФГ отмечается в периоды 1861–1880 и 1981–2000 гг. Вероятно, в первом случае это отражение в нашей словесности натуральной школы, во втором — постмодерна.

«Достраивание» видовой пары

Видовая пара как у самого глагола, так и у СФГ, складывается не во всех лексических значениях. На это указывал В. В. Виноградов [1947, с. 118]. Напр., *расписывание* (потолка) — *расписание* (занятий). СФГ, сохраняющая значение глагола, остается только в несов. виде; в форме, производной от глагола сов. вида, произошел сдвиг в имя существительное.

Бывает только частичная реализация видовой пары в СФГ: *рассмотрение* (вопроса) — *рассматривание* (вопросов), но только *рассматривание* (брошки). И всё-таки это не типичные случаи — видовые пары «достраиваются» и для СФГ. Поисковая система «Яндекс» позволяет убедиться, что образование новых СФГ на *-ывание* стремительно нарастает. Так, от приставочных глаголов *-хлебать* отсутствуют в НКРЯ, но появляются в речи наших современников формы *выхлебывание, ухлебывание* и *похлебывание.* При этом формы *выхлебываньe* (длит.) и *выхлебание* (окончат.) отмечаются у Даля, впервые они отмечены в САР-1, а затем перенесены в СЦРЯ:

Вы́хлебаніе, нія. с. ср. Дѣйствіе выхлебавшаго [САР-1, т. 6, с. 549; СЦРЯ, т. 1, с. 238].

Выхле́бываніе, нія. с. ср. Дѣйствіе выхлебывающаго [САР-1, т. 6, с. 549; СЦРЯ, т. 1, с. 238].

СФГ *похлебывание* образована от глагола прерывисто-смягчительного способа глагольного действия, непарного по виду. Частичная проверка ожидаемых СФГ от глаголов на *-ывать* по обратному словарю в «Яндексе» показывает, что в последние годы активно восполняются пробелы, имеющиеся в НКРЯ. От единичных редких глаголов пока не образуется СФГ: *раскоряжевывать, переборонювывать* и нек. др. Но вряд ли от таких глаголов образуется и всё множество других теоретически возможных форм.

В последние годы продолжается и интенсивное обратное «достраивание» видовой пары, чего еще не успевает фиксировать НКРЯ, но уже отражает «Яндекс». В скобках приводится дата первого употребления по НКРЯ: *самосмазывание* (2001) — *самосмазание, самоприписывание* (2003) — *самоприписание, несрабатывание* (2003) — *несработание, отхлебывание* (2003) — *отхлебнутие, прикатывание* (2004) — *прикачение, призадумывание* (2009) — *призадуманье, долистывание* (2013) — *долистание.* Русская СФГ в **узусе** быстро расширяет сферу полного выражения категории вида. Это явный признак **системной** тенденции.

Возникает вопрос, как связан рост числа СФГ на *-ывание* с появлением новых глаголов на *-ывать,* в которых Ы входит в суффикс, а не в корень. Приведем хронологический список глаголов на *-ывати/-ывать* по НКРЯ с указанием дат первого употребления глаголов до 1400 г. и дат появления их СФГ. Если СФГ не образуется, ставится прочерк (таблица 3).

Таблица 3. Время появления глагола на *-ывать* и его СФГ
Table 3. The time of the appearance of the verb on *-yvat'* and its substantive form

Глагол	Время его появления	Год появления его СФГ
прикладываеть	сер. XI в.	1634 г.
складывати	сер. XI в.	1770 г.
оутьрпывати	вт. пол. XI в.	—
съвязывающа	XI–XII вв.	1755 г.
наказывающа	XI–XII вв.	1857 г.
раскопаваему	XI–XIII вв.	1858 г.
потоптываху	XI–XIII вв.	—

Окончание таблицы 3
Table 3 (end)

Глагол	Время его появления	Год появления его СФГ
съказывалъ	Бер. гр. 1075–1100	1741 г.
оберътываючи	1110-е гг.	1789 г.
испадываетъ	1110-е гг.	—
складываемъ	1111–1305 гг.	1770 г.
порезывая	1111–1305 гг.	—
вскладывають	1111–1305 гг.	—
оукладываю	1119–1199 гг.	1795 г.
покладываешь	1119–1199 гг.	—
прикладывахуть	1119–1199 гг.	1634 г.
испирывати (платъ)	1140–1156 гг.	—
вкладывает	1165–1186 гг.	1850 г.
поведывати	1165–1186 гг.	—
оуказываеть	1165–1186 гг.	1752 г.
накладывают	ок. 1200 г.	1795 г.
приказываю	ок. 1255–1257 гг.	—
роскопывати	1262–1292 гг.	1858 г.
докладываю	1262–1292 гг.	1839 г.
покладывая	1262–1292 гг.	—
переписываете	Бер. гр. 1300–1320 гг.	1745 г.
сотесываете	Бер. гр. 1300–1320 гг.	—
прекладывая	1319–1320 гг.	*перекладывание* 1726 г.
изведывати	1343–1353 гг.	1768 г.
отпечатывают	1348–1349 гг.	1892 г.
повертывает	1348–1349 гг.	1872 г.
подхватывают	1348–1349 гг.	1794 г.
пригадывающа	1378 г.	—

Хотя производящих глаголов в XI–XIV вв. образовано достаточно, СФГ регулярно стали образовываться от них не ранее XVII в. Это означает, что до XV в. нет прямой связи с образованием новых приставочных глаголов на *-ывать* и новых СФГ. От появления глагола до появления СФГ от него проходило значительное время. Если глагол выходил из активного употребления, то СФГ от него не образовывалась, и наоборот: если СФГ уже образовалась, то она остается в языке, несмотря на подновление глагола, ср. *дыхати* > *дыхание* при *дышать*. Приставочные глаголы на *-ывать* распространялись значительно раньше, чем образовались СФГ от них. Из этого следует, что развитие СФГ несов. вида происходило, в целом, независимо от роста лексической массы приставочных

глаголов на *-ывать.* Конечно, повышение продуктивности образования таких глаголов способствовало грамматикализации СФГ, но прямой и непосредственной зависимости здесь, по крайней мере до XV в., не было.

В отличие от СФГ на *-ывание,* СФГ не от глаголов несов. вида на *-ывать,* заканчивающаяся на *-ние, -тие,* будучи немаркированной по виду, быстрее осуществляет метонимические переносы в самостоятельные существительные, см., напр., [Ерофеева, 2010]. СФГ на *-ывание, -ивание* несов. вида являются опорными формами на пути грамматикализации этой именной формы. Соответствующие глаголы относятся к последней ступени видообразования, которая к нашему времени легче других способна образовать СФГ, ср.: *стоять* > *отстоять* > *отстаивать, отстаивание.*

Повышение роли категории вида в СФГ вполне соотносимо с «полной победой» вида над временем в области деепричастий. Так, еще у Пушкина в значении деепричастий употребляются краткие действительные причастия вроде *читав, читавши, пришед(ши), принес(ши).* Позже деепричастия несов. вида прош. времени вышли из употребления, а деепричастия сов. вида прош. вр. заменяются на формы, производные непосредственно от форм несов. вида: *идя* > *придя, неся* > *принеся.*

Трудности с образованием СФГ от приставочных глаголов сов. вида с «чистовидовыми» приставками

Категория вида всё шире распространяется среди именных форм глагола, начиная со спрягаемых родовых форм прош. времени. Можно сказать, что категория вида распространяется в глагольном слове от его грамматического центра (личных форм) к периферии (именным формам). Чем сильнее то или иное именное производное подвергается воздействию категории вида, тем более уверенно можно говорить о формообразовательной природе такого производного. Возникает закономерный вопрос: почему категория вида не распространялась в СФГ на этапе перфективации (*чтение — прочтение*) и почему она столь последовательно стала распространяться на этапе имперфективации (*прочтение — прочитывание*)?

Полного ответа на этот вопрос дать пока невозможно, но некоторые подступы к нему очертить уже можно. Побочным продуктом развития словообразовательных значений глагольных приставок являются так называемые «чистовидовые» приставки. Как правило, производный приставочный глагол сов. вида при этом отвечает требованиям общерезультативного способа глагольного действия. Но приставки сохраняют свою продуктивность и в других, неграмматикализованных словообразовательных значениях, успешно обеспечивая дальнейший ход приставочной перфективации. Лишь немногие, чаще церковнославянские, приставки не переводят производный глагол в разряд сов. вида (ср. *стоять* > *предстоять*).

Однако ни такие невидовые, ни «чистовидовые» приставки не составляют центрального содержания процесса перфективации. Меняя свое лексическое значение, в процессе прирастания к нему приставки глагол образует и свою СФГ, уже не соотносимую с СФГ от бесприставочного глагола в чисто грамматическом отношении. Видовой оппозиции не образуется, и СФГ легко употребляется в значениях обоих видов, в зависимости

от контекста. СФГ от бесприставочного глагола несов. вида часто переживает разнообразные лексико-семантические сдвиги и переходит в полноценное имя существительное, но образуется намного более регулярно, чем СФГ от приставочных глаголов сов. вида, ср., напр.: *венчание, прощание, христосование, глажение, ломание, ранение, говорение, прошение, благодарение, кормление, везение, терпение.* Соответствующие СФГ с приставкой *по-* не образуются (см. ниже). Иногда с большим трудом в существительное переходят и некоторые СФГ на *-ывание.* Напр., *высказывание,* по данным НКРЯ, только с конца XIX в. (у Ф. Ф. Эрисмана, 1878–1908 гг.).

Только на этапе суффиксальной имперфективации глагол приобретает свою устойчивую видовую пару. Но в бинарной оппозиции типа *прочитать*⁻ : *прочитывать*⁺ маркированным оказывается член несовершенного (многократного) вида. Эта маркированность переходит и на СФГ. Если в области личных форм глагола, инфинитива, причастия и деепричастия сохраняется маркированность сов. вида (*прочитаю, прочитать, прочитавший, прочитав,* ни одна из этих форм не может иметь значения несов. вида, значения настоящего времени, если не считать переносного наглядно-примерного значения), то в области вторичной именной формы СФГ, образованной в конечном счете от основы страдательного причастия прошедшего времени, маркированной становится форма несов. вида.

Более того, «чистовидовые» приставки не способствуют, а препятствуют образованию русской СФГ. Рассмотрим материал по видовым парам, образующимся с помощью наиболее распространенных «чистовидовых» приставок *по-, с-, за-, о-, на-* [Аверьянова, 2008, с. 126]. В тех случаях, когда глагол развивает всю видовую триаду типа *вредить — повредить — повреждать, сторониться — посторониться — посторанивать,* реализуется хотя бы один из членов видовой пары СФГ: *повреждение, посторанивание:* «Только в этом случае можно рассчитывать на *„посторанивание“* перед ним других стран и народов» [Управленческая карусель..., 2022]. В тех случаях, когда видообразование останавливается на первой же ступени приставочной перфективации, образование СФГ от глаголов сов. вида затруднительно. Материал приводится по состоянию на 27.06.2023.

С приставкой *по-,* по данным НКРЯ на 11.07.2023, не образуются: *женить(ся)* > *поженить(ся), *поженение* (потому что нет **поженять(ся)* или **поженивать(ся)*), по той же причине не образуются **попрощание, *похристосование, *подрание, *поглажение, *поломание, *поговорение, *поспорение, *побранение, *похвастание, *попрошение, *пощучение, *поблагодарение, *пообещание, *посоветование, *полюбопытствование, *поинтересование, *покормление, *полакомление, *позавтракание, *пообедание, *поужинание, *повезение.*

Редкие реализующиеся СФГ имеют книжный характер: *покривление (спинного столба, рта), пожалование, похваление, поругание, покаяние, погрешение* и нек. др.

С приставкой *с(о)-,* по данным НКРЯ на 11.07.2023, не образуются: **смастерение, *спроектирование, *сформулирование, *слукавление, *схитрение, *сробение, *смалодушничанье, *словчение, *сподличанье, *сфальшивление, *сконфужение, *солгание, *съязвление, сдерзить* > **сдержение, *сгрубление, *съябедничанье, *съехидничанье, *соткровенничанье, *скомандование, *сагитирование, *спародирование, *сфантазирование.*

Единичные реализующиеся СФГ также имеют книжный характер, причем приставка *с(о)-* обычно содержит фонетический славянизм — незакономерно проясняющийся редуцированный: *соделание, сотворение.*

С этой приставкой довольно много и полных триад: *мять, мятие (пара)* > *смять, смятие* > *сминать, сминание, ёжиться* > *съёжиться* > *съёживаться, съёживание, есть, едение* > *съесть, съедение* > *съедать, съедание* и др.

От глаголов с «чистовидовой» приставкой *за-* образуются все СФГ: *забетонирование, загрунтование, затвердение, зажирение, закабаление* и мн. др. Это обстоятельство зарождает сомнение в том, что данная приставка чистовидовая.

Немало с этой приставкой и полных триад: *вязать, вязание* > *завязать* > *завязывать, завязывание, вязнуть* > *завязнуть* > *завязать, завязание, шифровать, шифрование* > *зашифровать, зашифрование* > *зашифровывать, зашифровывание* и др.

С приставкой *о(б, бо)-* не образуются: **окрепнутие, *ослепнутие.*

Однако есть и реализованные СФГ: *ограбление, одряхление, ослабление.*

Нередки полные триады: *стричь, стрижение* > *остричь, острижение* > *остригать, остригание, штрафовать, штрафование* > *оштрафовать, оштрафование* > *оштрафовывать, штукатурить* > *оштукатурить, оштукатурение* > *оштукатуривать, оштукатуривание* и др.

С приставкой *на-* образуется СФГ *нагружение.* Нам не удалось обнаружить видовой пары, в которой от приставочного глагола сов. вида с этой приставкой не была бы известна СФГ. Это означает, что, кроме приставки *за-,* приставку *на-* также вряд ли стоит считать чистовидовой.

Полные триады: *писать, писание* > *написать, написание* > *написывать, кормить, кормление* > *накормить, накормление* > *накармливать, рисовать, рисование* > *нарисовать, нарисование* > *нарисовывать, мазать, мазанье* > *намазать, намазание* > *намазывать, намазывание, печатать, печатание* > *напечатать, напечатание* > *напечатывать, напечатывание, чертить, черчение* > *начертить, начерчение* > *начертывать, начертывание, точить, точение* > *наточить* > *натачивать, натачивание.* Их большинство в этой группе глаголов.

Таким образом, способность образовать СФГ может значительно сузить наши представления о так называемых «чистовидовых» приставках.

Заключение

В ряде языков мира, в которых хорошо различается субстантивная и атрибутивная форма, существует, кроме атрибутивной (причастие) и адвербиальной (деепричастие), также СФГ, которую в русском языке можно было бы назвать *сущедетием.* Она оформлена суффиксами *-ни(е), -ени(е), -ти(е).* Такие сущедетия свободно могут сохранять значение сов. вида своего производящего глагола и легко развивают значение несов. вида, оказываясь немаркированным членом оппозиции по виду в составе сущедетий. Сущедетия на *-ивание, -ывание* сохраняют только значение несов. вида, будучи маркированными по этому признаку. В последние четыре века их продуктивность неизменно растет. Нами была исследована историческая динамика роста продуктивности СФГ на *-ывание.*

Словари не успевают фиксировать и, по всей вероятности, никогда уже не успеют зафиксировать все такие новообразования[1]. Уровень их грамматикализации уже вполне дошел до уровня продуктивности образования причастий или деепричастий. Их и их видовые пары целесообразнее рассматривать в морфологии, а не в словообразовании.

Динамика распространения СФГ на *-ывание* позволяет выделить следующие периоды:

1. «Период прорыва СФГ на *-ывание*» — 1700–1760 гг.
2. «Период устойчиво высокой продуктивности» — 1761–1800 гг.
3. «Период быстрого роста» — 1801–1880 гг.
4. «Период второго роста» — 1881–1941 гг.
5. «Период третьего роста» — с 1941 г. по настоящее время.

В течение первого периода и первого 20-летия второго периода происходил рост доли образования новых СФГ от глаголов несов. вида на *-ывать* после уже существующих СФГ от парных глаголов сов. вида. В дальнейшем рост этой доли прекратился. Историческая тенденция перешла в синхронное состояние функционирования русской глагольной системы, которое сохраняется до сих пор. При новых формах на *-ывание* не только особо выражается процессуальное или многократное значение, но и «достраивается» парадигматически необходимая видовая пара СФГ, немаркированная по виду и образованная от глагола сов. вида.

Сейчас мы переживаем настоящий бум СФГ на *-ывание,* и если такая форма образовалась до СФГ от глагола сов. вида, то и такая нейтрализованная по виду форма на *-(е)ние, -тие* «достраивает» полную видовую пару.

Выдающуюся роль в кодификации СФГ-сущедетия сыграли составители САР-1, СЦРЯ сохранил эту традицию, а В. И. Даль добавил в свой Словарь множество новых узуальных СФГ, по возможности подавая их как видовую пару. Большим ценителем СФГ был М. Е. Салтыков-Щедрин. Он впервые составил так много таких форм, иногда даже по видовым парам, что уже затруднительно эти новообразования относить к лексическим авторским неологизмам. Даль и С.-Щедрин более свободно относились к категории СФГ и усиливали в своем узусе эту грамматическую тенденцию.

Приставочные глаголы на *-ывать* образовывались значительно раньше образования от них СФГ. Рост продуктивности СФГ не связан напрямую с ростом продуктивности приставочных глаголов на *-ывать.* Это самостоятельный процесс, связанный со всё бóльшим проникновением категории вида непосредственно в СФГ.

Будучи нейтрализованными по виду, СФГ от глаголов сов. вида легче переходят в самостоятельные имена существительные со своими лексическими значениями, чем СФГ от глаголов несов. вида на *-ывать.*

---

[1] Так, например, в словарных материалах «Новое в русской лексике» фиксируется появление новых слов, связанных с новыми реалиями, а не СФГ глагола, никак не связанных с новыми понятиями. Естественно, новые окказиональные образования на *-ывание* новыми словами можно назвать лишь с большой натяжкой, таких образований в этих словарных материалах ожидать не приходится. Так, в выпуске [Новое, 2022] закономерно нет ни одной СФГ на *-ывание.*

Процесс развития категории вида в области образований СФГ хорошо коррелирует с таковым в области деепричастий.

Среди приставок, которые считаются чистовидовыми, из наиболее частотных *по-, с-, за-, о-, на-,* приставки *за-* и *на-* в качестве «чистовидовых» вызывают сомнения, поскольку они не отвечают закономерности, характерной для чистовидовых приставок: глаголы с такими приставками редко развивают полную видовую триаду, а ограничиваются видовой парой из бесприставочного глагола несов. в. и приставочного глагола сов. в., от которого СФГ обычно не образуется.

В дальнейшем необходимо рассмотреть историческую динамику образования СФГ от всех других глаголов несов. вида и исследовать всю полноту корреляции по виду в области русской СФГ. Можно предполагать существование СФГ в русском языке и уверенно утверждать об этой глагольной категории как потенциальной, создающей мощную тенденцию грамматикализации.

Истоки этой категории лежат в общеславянском по широте распространения старославянском языке, который на русской почве дал известный ряд славянизмов. Абсолютное большинство СФГ сохраняет в своем суффиксе бывший «напряженный» редуцированный в виде *и* (*собрание, прибытие*); русские варианты на *-ье* или *-ьё* оказываются на периферии системы СФГ. Предстоит тщательно изучить исторические изменения в синтаксических свойствах русской СФГ, выяснить развитие ее лексико-синтаксической комбинаторики, как это сделано для современного языка в кн. [Казаков, 1994]. Требуется объективно и непредвзято изучить, в какой степени в становлении русской категории СФГ проявилось влияние других близкородственных славянских языков, в частности, польского языка. Русский литературный язык, со своей спецификой, примыкает к общеславянскому процессу.

Отдельной задачей является установление степени реального воздействия на славянские языки греческой, латинской, татарской, немецкой и французской традиции в отношении СФГ. Многие формы на *-ывание,* по всей видимости, были перенесены в САР-1 из Словаря Ивана Ивановича Нордстета [Нордстет], а тот, в свою очередь, просто калькировал их с немецкого и французского языков. Ни в немецком, ни во французском языках категории СФГ нет, однако их имена действия ложились на обогащенную видом русскую грамматикализованную почву СФГ, отчего пышным цветом произрастали и произрастают действительные русские СФГ («сущедетия»).

Список источников

Аверьянова Г. Н. 2008. Русские глагольные приставки. М.: Русский язык. Курсы. 167 с.

Бурыкин А. А. 2017. «Слово о полку Игореве»: текст, язык, автор. СПб.: Петербургское Востоковедение. 416 с.

Вайан А. 1952. Руководство по старославянскому языку. М.: Изд-во иностранной литературы. 447 с.

Валеева Л. В. 2013. Бесприставочные глаголы на *-ивать/-ывать* в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань. 22 с.

Виноградов В. В. 1947. Русский язык. (Грамматическое учение о слове). М.- Л.: Гос. учебно-педагогическое издательство Мин-ва просвещения РСФСР. 784 с.

Винокур Г. О. 1928. Глагол или имя? Опыт стилистической интерпретации // Русская речь. Новая серия / под. ред. Л. В. Щербы. Л.: Academia. [Вып.] III. С. 75–93.

Власов С. В., Демидов Д. Г. 2023а. Истоки «причастодетия» в Грамматике Мелетия Смотрицкого (1619–1648) // Slověne. Vol. 12. № 1. С. 83–120. https://doi.org/10.31168/2305-6754.2023.1.03

Власов С. В., Демидов Д. Г. 2023б. Категория причастодетия в русском литературном языке XVIII века (на примере произведений сибирского цикла А. Н. Радищева) // Сибирский филологический журнал. № 2. С. 221–234. https://doi.org/10.17223/18137083/83/17

Востоков А. Х. 1831. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же Сокращенной грамматики, полнее изложенная. 2-е изд. СПб.: Тип. И. Глазунова. XXIV. 408 с.

Гузев В. Г. 1976. Система именных форм тюркского глагола как морфологическая категория (на материале староанатолийского и турецкого языков) // Turcologica. К семидесятилетию академика А. Н. Кононова / отв. ред. С. Г. Кляшторный, Ю. А. Петросян, Э. Р. Тенишев. Л. С. 56–64.

Даль В. И. Толковый словарь Даля онлайн. https://www.slovardalja.net/word.php?wordid=5235 (дата обращения: 02.07.2023).

Демидов Д. Г., Власов С. В. 2023. Сегмент энергии славяно-русского глагола: попытка интерпретации новейших образований на *-тельн-* // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. № 2. С. 221–230. https://doi.org/10.52452/19931778_2023_2_221

Демидов Д. Г., Камчатнов А. М. 2019. Происхождение двух моделей инфиксального глагольного словообразования в истории русского языка: глаголы на *-ать (-ять)* и *-ивать, -ывать* // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 2 (76). С. 115–124. https://doi.org/10.25986/IRI.2019.76.2.010

Демидов Д. Г., Камчатнов А. М. 2020. Причастодетие и его роль в русском историческом словообразовании // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 2 (80). С. 98–111. https://doi.org/10.25986/IRI.2020.80.2.007

Дмитриев Н. К. 1962. Строй тюркских языков. М.: Изд-во восточной лит-ры. 607 с.

Егорова Е. Н. 2009. Девербативы как субстантивные формы глагола: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов. 18 с.

Ерофеева И. В. 2010. Роль производных образований с суффиксом *-(е)ние* в категоризации явлений средневековой действительности // Вестник СПбГУ. Язык и литература. № 4. С. 105–116.

Кадькалов Ю. Г. 2007. Из истории отвлеченных существительных: имена с суффиксом *-ij-(-j)* в русском языке. Саратов: ИЦ «Наука». 120 с.

Казаков В. П. 1994. Синтаксис имен действия. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та. 147 с.

Ковалев А. А., Шарбатов Г. Ш. 1998. Учебник арабского языка. М.: «Восточная литература» РАН. 751 с.

Коряковцева Е. И. 1996. Статус имени действия // Вопросы языкознания. № 3. С. 55–66.

Кузнецов П. С. 1959. Очерки исторической морфологии русского языка. М.: Изд-во АН СССР. 275 с.

Лемов А. В. 1975. Деривационно-функциональный анализ имен действия в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л. 18 с.

Лузина Г. Л. 2001. Исследования отглагольных имен существительных в русском языке (обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6, Языкознание: Реферативный журнал. № 1. С. 111–23.

Маслов Ю. С. 1984. Очерки по аспектологии. Л.: Изд-во ЛГУ. 264 с.

Мусатов В. Н. 2011. Полисемантичные отглагольные суффиксальные существительные — лексические дериваты мутационного типа. Орел: Орловский гос. ун-т. 140 с.

Мусатов В. Н. 2015. Деривация и словообразовательная полисемия отглагольных существительных с нулевым суффиксом. Барнаул: ИП Колмогоров И. А. 159 с.

Мусатов В. Н. 2012. Деривационные суффиксальные форманты, формирующие отраженную полисемию (на материале отглагольных существительных). М.: Флинта: Наука. 207 с.

Национальный корпус русского языка. https://ruscorpora.ru (дата обращения: 22.06.2023) (НКРЯ).

Никифоров С. Д. 1952. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века. М.: Изд-во АН СССР. 344 с.

Новое в русской лексике. Словарные материалы — 2022 / отв. ред. М. Н. Приёмышева. СПб.: ИЛИ РАН, 2023. 254 с.

Нордстет И. И. 1780. Российский, с немецким и французским переводами словарь, сочинённый надворным советником Иваном Нордстетом. Часть первая, А-Н. СПб.: И. К. Шнор. 434 с.

Откупщиков Ю. В. 1990. Герундий // Лингвистический энциклопедический словарь. М. С. 103. https://tapemark.narod.ru/les/103b.html

Павский Г. П. 1842. Филологические наблюдения протоиерея Г. Павскаго над составом русского языка: Рассуждение 1-3. Рассуждение 2: Об именах существительных. СПб: Тип. Российской академии. XVI. 356 с.

Пчелинцева Е. Э. 2015. Роль имперфективных суффиксов в аспектуальной характеристике отглагольных имен действия в русском языке // Мир русского слова. № 4. С. 15–20.

Повесть о Дракуле. 1964 / исследование и подготовка текстов Я. С. Лурье. М.-Л.: Наука. 211 с.

Руделёв В. Г. 1979. Существительное в русском языке.: уч. пособ. Тамбов: ТГПИ. 74 с.

Свердлов Л. Г. 1961. Отглагольные имена существительные на *-ние (-ение), -тие* в русском литературном языке XVIII века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. 20 с.

Словарь Академии Российской (в 6 томах). 1789–1794. СПб.: Типография Имп. Академии наук. (САР-1).

Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук (в 4 томах). 1847. СПб.: Типография Имп. Академии наук. (СЦСРЯ)

Трофимова О. В., Сандуца А. А. 2015. Русские отглагольные существительные XVIII века в словаре, тексте и корпусе (экспериментально-стилистический аспект) // Вестник ТюмГУ. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 1. № 1 (1). С. 57–68.

Управленческая карусель современности, или как мы скачем по кругу. 2022. 18 ноября // Дзен.ру: оф. сайт. https://dzen.ru/a/Y3aWLbfI3z1zlK7u (дата обращения: 10.03.2024).

Хохлачева В. Н. 1969. К истории отглагольного словообразования существительных в русском литературном языке нового времени. М.: Наука. 152 с.

Шапошникова Л. В. 1988. Семантико-словообразовательная типология отглагольных имен существительных на *-ние (-ание, -ение)* в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов. 19 с.

Шарандин А. Л. 1990. Лексическая семантика русского глагола в морфологическом освещении: уч. пос. Тамбов; Л.: Тамбовский ГПИ. 137 с.

References

Averyanova, G. N. (2008). *Russian Verb Prefixes*. Russkij jazyk. Kursy. [In Russian]

Burykin, A. A. (2017). *"The Song of Igor's Campaign": Text, Language, Author*. Petersburg Oriental Studies. [In Russian]

Vaillant, A. (1952). *Guide to the Old Church Slavonic language.* Publishing House of Foreign Literature. [In Russian]

Valeeva, L. V. (2013). *Unprefixed verbs in* -ivat'/-yat' *in Russian* [Cand. Dissertation Abstract]. [In Russian]

Vinogradov, V. V. (1947). *Russian language (Grammatical doctrine of the word)*. State Educational and Pedagogical Publishing House of the Ministry of Education of the RSFSR. [In Russian]

Vinokur, G. O. (1928). A verb or a name? Experience of stylistic interpretation. In L. V. Shherba (Ed.), *Russian Speech. New Series* (Vol. 3, pp. 75–-93). Academia. [In Russian]

Vlasov, S. V., & Demidov, D. G. (2023a). The origins of the category of prichastodetie (Gerundivum) in the Slavonic Grammar of Meletius Smotritsky (1619–1648). *Slověne, 12*(1), 83–120. https://doi.org/10.31168/2305-6754.2023.1.03 [In Russian]

Vlasov, S. V., & Demidov, D. G. (2023b). The category of prichastodetie (Gerundivum) in the Russian literary language of the 18th century (a case study of the works of the Siberian cycle by A. N. Radishchev). *Siberian Journal of Philology,* (2), 221–234. https://doi.org/10.17223/18137083/83/17 [In Russian]

Vostokov, A. Kh. (1831). *The Russian grammar of Alexander Vostokov, according to the outline of his Abbreviated Grammar, more fully presented* (2nd ed.). Printing house of I. Glazunov. [In Russian]

Guzev, V. G. (1976). The system of nominal forms of the Turkic verb as a morphological category (on the material of the Old Anatolian and Turkish languages). In S. G. Kljashtornyj, Yu. A. Petrosyan, & E. R. Tenishev (Eds.), *Turcologica. On the occasion of the seventieth birthday of Academician A. N. Kononova,* (pp. 56–64). Nauka. [In Russian]

Dal' V. I. (n.d.) *Explanatory Dictionary online*. Retrieved Jul. 2, 2023, from https://www.slovardalja.net/word.php?wordid=5235 [In Russian].

Demidov, D. G., & Vlasov, S. V. (2023). Energy Segment of the Slavic-Russian verb: an attempt to interpret the newest formations in *-teln-*. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,* (2), 221–230. https://doi.org/10.52452/19931778_2023_2_221 [In Russian]

Demidov, D. G., & Kamchatnov, A. M. (2019). The origin of two models of infixal verb word-formation in the history of the Russian language: verbs in *-at' (-jat')* and *-ivat', -yvat'*. *Ancient Russia. Questions of medieval studies,* (2), 115–124. https://doi.org/10.25986/IRI.2019.76.2.010 [In Russian]

Demidov, D. G., & Kamchatnov, A. M. (2020). Prichastodetie (Gerundivum) and its role in the Russian historical word formation. Ancient Russia. Questions of medieval studies, (2), 98–111. https://doi.org/10.25986/IRI.2020.80.2.007 [In Russian]

Dmitriev, N. K. (1962). *The Structure of the Turkic Languages*. Publishing House of Eastern Literature. [In Russian]

Egorova, E. N. (2009). *Deverbatives as substantive forms of the verb* [Dissertation]. [In Russian]

Erofeeva, I. V. (2010). The role of derivative formations with the suffix *-(e)nie* in the categorization of phenomena of medieval reality. *Vestnik of St. Petersburg State University. Language and Literature*, *9*(4), 105–116. [In Russian]

Kad'kalov, Yu. G. (2007). *From the History of Abstract Nouns: Names with the Suffix* -uy-(-y) *in Russian.* Nauka. [In Russian]

Kazakov, V. P. (1994). *Syntax of Action Names*. Publishing House of St. Petersburg. University. [In Russian]

Kovalev, A. A., & Sharbatov, G. Sh. (1998). *Textbook of the Arabic Language*. Eastern Literature, RAS. [In Russian]

Koryakovtseva, E. I. (1996). The status of nomen actionis. *Voprosy Yazykoznaniya*, (3), 55–66. [In Russian]

Kuznetsov, P. S. (1959). *Essays on the Historical Morphology of the Russian Language*. Publishing House of the USSR Academy of Sciences. [In Russian]

Lemov, A. B. (1975). *Derivational-Functional Analysis of Action Names in Russian*. [Cand. Diss. Abstract, Leningrad]. [In Russian]

Luzina, G. L. (2001). Research of verbal nouns in the Russian language. (review). *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 6. Linguistics*, (1), 111–123. [In Russian]

Maslov, Yu. S. (1984). *Essays on Aspectology*. Leningrad State University Publishing House. [In Russian]

Musatov, V. N. (2011). *Polysemantic Verbal Suffixal nouns — Lexical Derivatives of Mutational Type*. Orel State University. [In Russian]

Musatov, V. N. (2015). *Derivation and Word-Building Polysemy of Verbal Nouns with Zero Suffix*. Kolmogorov I. A. [In Russian]

Musatov, V. N. (2012). *Derivational Suffixal Formants That Form Reflected Polysemy (On the Material of Verbal Nouns)*. Flinta. [In Russian]

Russian National Corpus (RNC). (n.d.) Retrieved Jun. 22, 2023, from https://ruscorpora.ru [In Russian]

Nikiforov, S. D. (1952). *Verb, Its Categories and Forms in Russian Writing of the Second Half of the 16th c*. Publishing House of the USSR Academy of Sciences. [In Russian]

Pavlova, A.S., Priemysheva, M. N., & Ridetskaya, Yu. S. (Eds.). (2023). *New in Russian vocabulary. Vocabulary materials — 2022*. ILI RAS. [In Russian]

Nordstet, I. I. (1780). *Russian, with German and French Translations, a Dictionary, composed by court councilor Ivan Nordstet. Vol. 1, A–N*. I. K. Shnor. [In Russian]

Otkupshhikov, Yu. V. (1990). Gerund. In V. N. Yartseva. *Linguistic Encyclopedic Dictionary*. Retrieved Mar. 27, 2023, from https://tapemark.narod.ru/les/103b.html [In Russian]

Pavskii, G. P. (1842). *Philological observations of Archpriest G. Pavskii over the composition of the Russian language: Vols. 1–3. Vol. 2: On nouns*. Printing house of the Russian Academy [In Russian]

Pchelintseva, E. E. (2015). The role of imperfective suffixes in the aspectual description of verbal nouns of action in Russian language. *World of the Russian Word*, (4), 15–20. [In Russian]

Likhachev, D. S. (Ed.) (1964). *The Tale of Dracula*. (Ya. S. Lurie, Res. and Prep.). Nauka. [In Russian]

Rudelyov, V. G. (1979). *Noun in the Russian language*. TSU. [In Russian]

Sverdlov, L. G. (1961). *Verbal nouns ending in* -nie (-enie), -tie *in the Russian literary language of the 18th c.* [Dissertation Abstract, M. V. Lomonosov Moscow State University]. [In Russian]

Bogatova, G. A. (Ed.). (1789–1794). *Dictionary of the Russian Academy: in 6 vols. Vol. 1*. Printing house of the Imperial Academy of Sciences. [In Russian]

The Second Department of the Imperial Academy of Sciences. (1847). *The Dictionary of Church Slavonic and Russian*: *in 4 vols*. Printing house of the Imperial Academy of Sciences. [In Russian]

Trofimova, O. V., & Sanduca, A. A. (2015). Russian verbal nouns of the 18th century in the dictionary, text and corpus: experimental and stylistic aspects. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, 1*(1), 57–68. [In Russian]

Radey za trudy drugikh. Gordis' svoim. Chti traditsii. (2022, Nov. 18). *The managerial carousel of modernity, or how we ride in a circle*. Yandex.Dzen. Retrieved Mar. 10, 2024, from https://dzen.ru/a/Y3aWLbfI3z1zlK7u

Khohlacheva, V. N. (1969). *On the History of Verbal Word Formation of Nouns in the Russian Literary Language of Modern Times*. Nauka. [In Russian]

Shaposhnikova, L. V. (1988). *Semantic and Derivational Typology of Verbal Nouns in* -nie (-anye, -enie) *in the Modern Russian Language* [Dissertation abstract, Saratov Chernyshevsky State University]. [In Russian]

Sharandin, A. L. (1990). *Lexical semantics of the Russian verb in morphological light*. Tambov Pedagogical Institute. [In Russian]

Информация об авторах

Дмитрий Григорьевич Демидов, доктор филологических наук, доцент, Государственный университет Чжэнчжи, Тайбэй, Китайская республика (Тайвань)
demidoffs@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0001-6202-1411

Сергей Васильевич Власов, кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
s.vlasov@spbu.ru, https://orcid.org/0000-0001-6639-4928, http://www.researcherid.com/rid/c-3969-2016

Information about the authors

Dmitrii G. Demidov, Dr. Sci. (Philol.), Associate Professor, Chengchi State University, Taipei, Republic of China (Taiwan)
demidoffs@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0001-6202-1411

Sergei V. Vlasov, Cand. Sci. (Philol.), Associate Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
s.vlasov@spbu.ru, https://orcid.org/0000-0001-6639-4928, http://www.researcherid.com/rid/c-3969-2016

Научная статья / Research Article
Языкознание
https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-1-29-49
УДК 81'27

Эколингвистические компоненты литературного образа Арктики в травелоге В. Н. Матонина «Кочевой дневник»

Анастасия Игоревна Долгих✉

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
Контакт для переписки: stud003943892@study.utmn.ru✉

Аннотация. Данная статья посвящена выявлению эколингвистических компонентов, формирующих литературный образ современной Арктики на примере травелога В. Н. Матонина «Кочевой дневник». На сегодняшний день в научной литературе значительная часть работ посвящена арктическим образам прошлого, описанным на заре освоения этого региона либо во времена его активной трансформации в течение XX в. Современное исследование образа Арктики не равно исследованию современного образа Арктики, представленного в данной статье, что и обусловливает актуальность работы. Материалом исследования выступил арктический травелог Василия Николаевича Матонина «Кочевой дневник», в котором описано путешествие автора в 2012–2013 гг. по трем регионам, принадлежащим к Арктической зоне РФ. Примененный в статье контекстный анализ направлен на систематическое выделение и описание различных контекстов изучаемых явлений. Анализ произведения выполнен в рамках эколингвистического подхода, который связывает отдельные компоненты репрезентации места в комплексную экосистему. Применение эколингвистических рамок для изучения формирования литературного образа современной Арктики определяет научную новизну работы. В статье рассмотрены структурно-функциональные особенности травелога как литературного жанра (к коим относится его композиция, квазисоциализация автора в новой реальности, ретрансляция субъективного образа пространства, авторская рефлексия, манифестация важности языка как неотъемлемого элемента цепи взаимоотношений между человеком, обществом и природой); дано определение понятию «литературный образ Арктики», под которым подразумевается сочетание физического, символического и математического пространства отдельных полиязычных поликультурных циркумполярных территорий;

© Автор(ы), 2024

а также проанализированы лингвистические, социальные, демографические, этнокультурные, интеракционные, психические, политико-экономические и геоэкологические аспекты, конструирующие литературный образ Арктики в исследуемом травелоге.

Ключевые слова: эколингвистика, травелог, литературный ландшафт, литературный образ, российская Арктика

Цитирование: Долгих А. И. 2024. Эколингвистические компоненты литературного образа Арктики в травелоге В. Н. Матонина «Кочевой дневник» // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 10. № 1 (37). С. 29–49. https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-1-29-49

Поступила 20.11.2023; одобрена 18.02.2024; принята 04.03.2024

Ecolinguistic components of the Arctic literary image in Vasily Matonin's travelogue *Kochevoy dnevnik*

Anastasia I. Dolgikh✉

University of Tyumen, Tyumen, Russia
Corresponding author: stud003943892@study.utmn.ru✉

Abstract. This article explores key ecolinguistic components forming the literary image of the modern Arctic in V. N. Matonin's travelogue *Kochevoy dnevnik* ("Nomadic Diary"). Nowadays, a significant part of the scientific literary works covers the Arctic image of the past, from the very beginning of the circumpolar region development to its active transformation during the 20th c. The modern study of the Arctic image is not the same as the study of the modern image of the Arctic presented in this article. All above determines the relevance of the work. The research material includes the Arctic travelogue *Kochevoy dnevnik* by Vasily Nikolaevich Matonin. This book describes the author's journey through three regions belonging to the Arctic zone of the Russian Federation in 2012–2013. The contextual analysis applied in the article aims to systematically identify and describe several contexts of the phenomena studied. This study uses the ecolinguistic approach connecting some individual components of the space representation into a complex ecosystem. The use of ecolinguistic frameworks to examine the formation of the modern Arctic literary image determines the scientific novelty of this article. This work covers the structural and functional

features of travelogue as a literary genre (such as composition, author's quasi-socialization in a new reality, relaying of the subjective space image, author's self-reflection, manifesting importance of language as an essential element forming a connection between man, society and nature); defines the concept of the "Arctic literary image" as a combination of physical, symbolic and mathematical space of different multilingual multicultural circumpolar territories; and analyses some linguistic, social, demographic, ethnocultural, interactive, mental, political, economic and environmental aspects that construct the circumpolar literary image in V. N. Matonin's travelogue.

Keywords: ecolinguistics, travelogue, literary landscape, literary image, Russian Arctic

Citation: Dolgikh, A. I. (2024). Ecolinguistic components of the Arctic literary image in Vasily Matonin's travelogue *Kochevoy dnevnik*. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, *10*(1), 29–49. https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-1-29-49

Received Nov. 20, 2023; Reviewed Feb. 18, 2024; Accepted Mar. 4, 2024

Введение

На сегодняшний день значительная часть исследований, посвященных образу российской Арктики в литературе, сосредоточена на рефлексии прошлого — от периода первых попыток освоения территорий до воспоминаний о трансформации региона в позднесоветское время [Фесенко, 2016; Бурцева, 2021; Кузьмина, 2021; Филин, 2021]. Изучение современного образа Арктики обширнее представлено в лингвистических и социокультурных работах [Соловьева, 2010; Сморчкова, 2021; Дзюба, Белослудцев, 2022; Иванова, Поскачина, 2022]. Данная тенденция представляет научный интерес в рамках обогащения актуального арктического дискурса с точки зрения литературоведения. Также стоит отметить, что литературные произведения о современной Арктике, созданные авторами из циркумполярных регионов, зачастую не представлены в общем доступе — в виртуальных библиотеках или популярных сетях книжных магазинов. Они занимают локальную краеведческую нишу и часто доступны в качестве научного материала лишь исследователям из конкретных арктических областей [Издана серия книг…, 2023]. При этом тенденция к разностороннему исследованию циркумполярной цивилизации на стыке гуманитарных, социальных и естественнонаучных дисциплин наиболее полно раскрывается с помощью эколингвистического подхода, при котором отдельные компоненты репрезентации места формируют единую эколингвистическую систему в рамках арктического дискурса.

Соответственно, цель данной работы заключается в выявлении ключевых эколингвистических компонентов, формирующих литературный образ Арктики в травелоге «Кочевой дневник» [Матонин, 2020]. Под эколингвистическими компонентами подразумевается сочетание лингвистических (речевых, семантических и т. д.) и экстралингвистических (отражающих внеязыковую действительность) элементов текста.

В рамках исследования были поставлены и решены следующие задачи:

1) рассмотреть структурно-функциональные особенности травелога как литературного жанра;
2) дать определение понятию «литературный образ Арктики»;
3) проанализировать эколингвистические компоненты, влияющие на формирование литературного образа Арктики в исследуемом травелоге.

Обзор литературы

Травелог представляет собой литературный жанр, в основе которого лежит отрефлексированный авторский нарратив о путешествии, описанном от первого лица. Стандартная структура травелога может включать дату и название посещаемого места, описание ландшафта, населения, достопримечательностей и событий, осмысление полученного опыта, а также заметки о чувствах, переживаниях и размышлениях автора-персонажа [Beyer, 2022].

В работе Л. С. Кисловой и Д. Е. Эртнер ключевой особенностью травелога как литературного жанра является трансформация автора. Как пишут исследовательницы, «оказавшись в ином географическом пространстве и знакомя читателей с культурой, обычаями, образом жизни той или иной страны, автор-персонаж переживает личные драмы, попадает в авантюрные ситуации, но при этом погружается в чужую реальность и репрезентирует тот локус, в котором находится» [Kislova, Ertner, 2019, с. 129]. Помимо этого в статье упоминается, что «социокультурное взаимодействие с другой реальностью, усвоение культурных кодов, открытие новых географических объектов, особенности восприятия пространства не являются для травелога ключевыми характеристиками» [Kislova, Ertner, 2019, с. 130]. Основой же путевых заметок становится гармоничное проникновение путешественника в ментальность местных жителей, его квазисоциализация, «попытка погружения автора-персонажа в абсолютно иную реальность, которая никогда не станет своей, но при этом не останется и абсолютно чужой» [Kislova, Ertner, 2019, с. 130], а позже — представление упомянутой авторской трансформации читателям.

В статье Ф. Хамид [Hameed, 2022, с. 42–43] характерной особенностью травелога как жанра выступает репрезентация нового незнакомого пространства и опыта читателям. Автор-путешественник в таком случае занимает роль ретранслятора, документирующего отдельные аспекты путешествия. Путевые заметки или литература о путешествиях должны рассматриваться с точки зрения их содержания, манеры написания и вовлеченности личности автора, чтобы им был присвоен статус травелога. По таким критериям Ф. Хамид определяет травелог — то есть авторское литературное изложение опыта странствия читателям — как а) фантазию, представленную в виде фактов о путешествии, б) заметки о ряде реальных фактов путешествия и в) литературу о художественном изложении зафиксированных во время путешествия впечатлений и чувств. По мнению автора статьи, люди пытаются увидеть новый мир через произведения писателя, который выступает в роли информатора, советчика и гида, формирующего субъективные представления

об описываемых местах, сообществах и культурах, которым верят читатели. В этом случае главным является не трансформация автора, а трансформация образа неизвестного места в знакомое благодаря его путевым заметкам.

Сочетание вышеописанных подходов к определению структурно-функциональных особенностей и ключевых характеристик травелога как жанра можно найти в работе М. Черны [Черны, 2023, с. 79–81]. В его представлении важен автор, его рефлексия, его взаимодействие с другими героями и с будущими читателями, а также описание пространства, его этнолокальных, социальных, языковых, культурных и географических особенностей, в том числе процесса превращения незнакомого в узнаваемое. В общем, ключевыми аспектами травелога могут выступать любые компоненты, влияющие на формирование литературного образа конкретного места. Кроме того, в статье М. Черны рассматриваются такие вопросы, как роль языка во взаимоотношениях между людьми и их физическим окружением, а также в поддержании социокультурного единства его носителей. Также внимание уделяется экологическим проблемам, социальной несправедливости и культурной деградации, выраженным при помощи лингвистических и поэтических средств травелога. В целом работа использует эколингвистический подход, связывающий язык и среду обитания его носителей. Травелог манифестирует важность сохранения языкового и культурного разнообразия мира, демонстрирует роль языка в трансформации героев, их взаимоотношений с другими людьми, физическим окружением и пространством. Данная позиция укладывается в парадигму эколингвистики, в которой язык рассматривается как неотъемлемый компонент цепи взаимоотношений между человеком, обществом и природой, образующей единую экологическую систему [Haarmann, 1986, с. 7–8].

Таким образом, кажется целесообразным рассмотреть аспекты конструирования современного литературного образа российской Арктики в исследуемом травелоге именно в рамках эколингвистического подхода. При этом литературный образ места будет раскрываться через лингвистические, социальные, демографические, этнокультурные, интеракционные, психические, политико-экономические и геоэкологические компоненты, описанные в тексте.

Материалы и методы

Материалом исследования выступил травелог Василия Николаевича Матонина «Кочевой дневник», изданный в 2020 г., в котором описано путешествие автора в 2012–2013 гг. по трем регионам, принадлежащим к Арктической зоне РФ: Архангельской области, Республике Саха (Якутии) и Чукотскому АО [Матонин, 2020]. К особенностям данного травелога можно отнести сочетание различных языковых инструментов, литературных приемов и жанровых элементов. Так, в произведении представлены путевые заметки, интервью, авторские стихи, философские размышления, фрагменты фольклора коренных народов Арктики, словарь, фоторепортажи, а также карты маршрута путешествия, повторяющего арктическую экспедицию Семёна Дежнёва на кочах. Также интересной представляется репрезентация сразу трех арктических регионов, которые с авторской перспективы раскрываются для нас по-разному.

Методом исследования выступил контекстный анализ, который был направлен на систематическое выделение и описание эколингвистических контекстов изучаемых явлений, а также послужил способом исследования авторской рефлексии относительно восприятия российской Арктики и собственной трансформации во время путешествия [Калашников, 2018, с. 50]. Тён Ван Дейк определяет контекст как «ментально-вербальное представление тех свойств социальной ситуации, которые имеют отношение к созданию и пониманию определенного дискурса» [Van Dijk, 1999, с. 123]. Соответственно, в данной статье контекстный анализ выявляет категории, наполняющие арктический дискурс и описывающий ситуации, обстановку, а также действия участников травелога «в различных коммуникативных, социальных или институциональных ролях, а также их ментальные репрезентации: цели, знания, мнения, установки и идеологии» [Van Dijk, 1999, с. 123].

Выявление ключевых эколингвистических компонентов, конструирующих современный литературный образ российской Арктики, выполнено в рамках эколингвистического подхода, который связывает отдельные компоненты репрезентации места в комплексную экосистему. Х. Хаарманн выделял демографические, социальные, политические, культурные, психические, интеракционные и лингвистические доминанты, влияющие на репрезентацию объекта в языке или произведении [Haarmann, 1986, с. 7]. Также в современной эколингвистике выделяют экономические [Stibbe, 2012], исторические [Frayne, 2019], экологические [Chen, 2016], географические [Wenjuan, 2021], биологические [Bastardas-Boada, 2002] и другие компоненты — словом, в каждой конкретной ситуации могут доминировать различные эколингвистические факторы.

Результаты

Существуют различные подходы к определению литературного образа места:

1. Литературный образ места является не текстовой копией реального физического места, а отдельной его воображаемой моделью. Так, Ю. Лотман утверждает, что информация о пространстве, представленная в тексте, является неполной и, следовательно, описываемый в произведении образ пространства также не является полным: то, что не упомянуто, попросту не существует [Lotman, 1990, с. 171]. Это справедливо и для литературного образа конкретного места. Читателю приходится иметь дело с отдельной текстовой моделью места, которая искажена по отношению к физической, но при этом обе они наполнены схожими культурными кодами, которые связывают реальное и виртуальное представления места, делают их узнаваемыми, проводят между ними параллель, вкладывают новые смыслы.
2. Литературный образ места как совокупность описаний литературного ландшафта. Дж. Сазерленд пишет, что литературный ландшафт формируется из отдельных географических особенностей, местоположения персонажей, их взаимодействия с окружающим миром, а также рельефа местности, в которой происходит действие. Литературный ландшафт помогает понять, как обстановка и окружающая

среда влияют на повествование, характер героев и нашу эмоциональную реакцию как читателей [Sutherland, 2018, с. 4]. Соответственно, литературный образ места формируется из совокупности отдельных упоминаний конкретных литературных ландшафтов этого места.

3. Литературный образ места может являться фрагментом литературного образа пространства, описанного в тексте. Так, М. Поребски делит образ литературного пространства на три типа: физическое, символическое и математическое [Porębski, 1978, с. 24]. Физическое пространство переносит реальность на страницы книги, складываясь словно паззл из отдельных мест, объектов и действий. Символический тип пространства — это репрезентация местности в культуре сообщества или в сознании конкретного героя. Оно показывает, насколько мифологизировано может быть даже самое семантически нейтральное место. Математический тип пространства использует для описания местности топологические и геометрические показатели, например, расстояние, масштаб, пропорции, координаты и т. д.

В травелоге В. Н. Матонина арктический литературный образ конструируется из текстовых элементов физического (ландшафт, флора, фауна, инфраструктура), символического (культурное наследие, традиции и фольклор местных жителей, художественная репрезентация и авторская мифологизация места) и математического (карты, координаты, расстояния) описания отдельных циркумполярных территорий. При этом созданный автором литературный образ Арктики раскрывает этот регион как полиязычное, поликультурное место столкновения натуроцентризма и антропоцентризма, традиций и современности, различных мировоззрений, а также место необходимости диалога. Арктика меняет автора-персонажа, мотивирует к духовному перерождению, трансформирует его отношение к привычным вещам, влияет на коммуникацию между путешественниками и их ценностные ориентиры. Через отдельные эколингвистические аспекты читатель может проследить, как неизведанное место становится для героев знакомым местом силы. Многоликий и преемственный образ Арктики строится из отдельных образов ее территорий. При этом Архангельская область, являясь пунктом отправления, воспринимается автором как родной обжитый северный дом (ведь он там родился и вырос), а вот циркумполярные территории Якутии и Чукотки (Колыма, Тикси, Анадырь, Берингов пролив, мыс Дежнёва и т. д.) ему пришлось «покорить», чтобы они таковыми стали.

Наиболее полно литературный образ Арктики в исследуемом травелоге раскрывается через следующие эколингвистические характеристики:

1. **Лингвистические.** К ним относятся:

— Хронотопическое повествование — единство пространственных и временных параметров осуществляется путем последовательного описания маршрута путешествия и окружающей обстановки, хронологических заметок с указанием точной даты и времени, а также синхронизации ощущений, передаваемых автором-персонажем и принимаемых читателем.

— Единицы лексикона коренных народов, представленные в виде небольших словариков:

> Фрагмент якутского словаря: а***ю***н — шаман, лекарь, дюм***ы***рь — шаманский бубен, уут***э*** — зимовье, юют***э*** — юрта, кенчерг***е*** — ловушка на медведя, Ысы***а***х — якутский Новый год, олонх***о*** — эпические сказания.
>
> Фрагмент эвенкийского словаря: санг***а***р — яма, дыра, ахтыл***а***р — воспоминания, бир***а*** — река, сикт***я***х — влага, хамр***а*** — лыжный ремень.
>
> Фрагмент чукотского словаря: ***у***йна — нет, тэрг — снежный человек, эн***у***рмино — воротник, нун***я***мо — пристанище, уйъ***ы***лын — черный.

Отдельные единицы коренного лексикона также вплетены в текст в виде отрывков из размышлений и интервью, например: «береговые ландшафты местами напоминают мезенские, где крутые берега называются „щельи“» [1] [с. 22]; «мы шихались да торбались» [с. 85] (по-поморски — суетились); «якуты медведя называют эгэ, но имя его стараются не произносить. Иносказательное наименование эгэ — тыачав — „лесной“» [с. 74]; «в чукотском языке нет матерщины. Единственное ругательство — мэрки-чинген, но его значение никто не знает» [с. 171]; «„разэтос***а***мить“ — сделать что-нибудь. Это чукотский юмор» [с. 172].

— Топонимы. Упоминание локальных названий городов, сел, рек, заливов и морей помогает читателю ориентироваться по ходу повествования. Для некоторых из топонимов прописана этимология, например: Жиганск (эвенк.) — житель низовья реки; Тикси (якут.) — место встречи; Валькаркай (чукот.) — бугорок; Рыркайпий (чукот.) — затор для моржей; Ванкарем (чукот.) — народ, живущий на земле в виде клыка; Инчоун (чукот.) — нос в море; Амгуэма (чукот.) — широкая река.

— Этнографизмы описывают уникальную реалию (объект, предмет, явление, понятие), связанную с бытом, фольклором и картиной мира определенного народа, например: алгысчит (якут.) — добрый белый шаман; дамбирь (якут.) — приспособление из конского волоса для отгона насекомых и злых духов; ураса (якут.) — летнее жилище якутов, конусообразный шалаш из жердей, обтянутый берестой; салама (якут.) — ритуальные лоскутки ткани или веревки, которые повязывают на ветки; кара (якут.) — черный мир; эттэни (якут.) — шаманская болезнь; Бакалдын (эвенк.) — праздник наступления лета и встречи солнца; торбаса (чукот.) — обувь из шкуры оленей, чум-работница (чукот.) — помощница по хозяйству в чуме; яранга (чукот.) — традиционное жилище чукчей; сейд (саам.) — священный природный объект, например, скала.

— Профессионализмы. Большинство из них связаны с судоходной и морской тематикой, а также с традиционными промыслами: коч — парусно-гребное судно поморов; ют — кормовая часть верхней палубы; поворачивать лагом — поворачивать

[1] Здесь и далее все лингвистические примеры приводятся согласно Матонину [2020].

боком; ванты — укрепления для мачты; гальюн — уборная; литораль — приливно-отливная зона берега; карбазные доски — старинные доски с отверстиями; паковый лед — морской лед толщиной более 3 метров; весновка — весенняя охота, начинается в мае; летовка — период откорма оленей; акиба — кольчатая нерпа; ларга — пестрая нерпа, лахтак — морской заяц.

— Арктические метафоры. Часто встречаются сравнения Арктики с космосом, например: «за пределами каюты — открытый космос: не просто одичавшая, а дикая, не приручeнная человеком природа» [с. 159]; происходит передача живых, даже человеческих черт арктической природе и фауне, например: «представляешь океан в виде хтонического существа, которое урчит, чавкает, грызет борт лодки белыми острыми клыками» [с. 142], «можно подумать, гора ожила и заиграла мускулами под коричневой шкурой» [с. 128], «всё живет: небо, море, тундра, ветер» [с. 128], «Лена распахнулась на встречу морю» [с. 84]; субъективное восприятие окружающей реальности, например: «мы столкнулись с необозримым ледяным полем» [с. 130], «будто в другую страну попали» [с. 85], «из внешнего мира нет ни известий, ни вопросов» [с. 123], «северный человек не может замерзнуть» [с. 107], «приближение Полярного круга кожей чувствую» [с. 27], «что такое Тикси? Это когда уйдешь в тундру, возьмешь с собой яблоко или бутерброд, сядешь в укромное место, съешь, тишину послушаешь. Вот это и есть Тикси!» [с. 117], «дети учатся на материке» [с. 170] — «материком» в понимании жителей отдаленных арктических поселений являются любые другие большие населенные пункты, даже если они находятся примерно в той же географической местности.

— Языковые игры: «поморы мы, или куда? Поморы мы, или где?» [с. 84]; «возьми мористее, возьми берегистее» [с. 197]; «особенности архитектуры — „бурятское барокко“» [с. 13]; «припав к борту, я начал „кричать морю“» [с. 162] (тошнить); «Арктика бескрайняя. Запас тепла ограничен» [с. 161]; «мамонтокопатели собирают кости мамонтов, а пограничники собирают мамонтокопателей» [с. 136]; «вода почти пресная, чуть мутная… коллоидный раствор, настоянный на мамонтах и шерстистых носорогах» [с. 139]; «— *Туман. Ничего не видно. Идешь так сутками. — С чайками*» [с. 119].

— Языковая ситуация. «На севере Якутии говорят по-русски. Языка эвенков и эвенов никто не помнит. В каждом улусе свой говор. В вилюйском округе говорят нараспев. Удлиняют буквы» [с. 74]; «дети говорят по-якутски, но и по-русски понимают» [с. 76]; «родной язык эвенками утрачен» [с. 86]; «поселок чукотский, но все говорят по-русски… взрослые понимают чукотский, но сами уже не говорят на нем, а молодежь совсем не знает родной язык» [с. 176]; «на Чукотке всюду есть свои диалекты, и представители каждой языковой группы считают, что их выговор наиболее правильный» [с. 180].

2. **Социальные** (взаимодействие между устоявшимися группами людей, сообществами, народами и т. д.). К ним относятся:

— Межэтническое взаимодействие.

Мирное сосуществование: «нередко вступают в брак русские и якуты» [с. 75]; «исследователи отмечали, что дружеские отношения с соседними народами — важный фактор выживания в суровых северных условиях. Эвенков характеризуют доброжелательность, отзывчивость, гостеприимство, взаимопомощь» [с. 86]; «удивляет сосуществование и смешение религиозных традиций. Во всем видна идеологическая и бытовая эклектика. Звезды сочетаются с крестами, христианство — с шаманизмом» [с. 91]; «народ в Тикси гостеприимный, открытый. Людям нравится говорить о себе и своих проблемах. Они испытывают недостаток внимания извне — с материка, как здесь говорят. Нет закомплексованности, запуганности» [с. 119]; «не помню в Амгуэме ни одного конфликта. Что делить? Без взаимопомощи не выживешь. Нет деления людей на наш — не наш» [с. 193].

Конфликты: «не надо говорить об отсутствии национальных проблем. Якуты хороши, пока рюмку не выпьют. В нетрезвом виде они воинственны. Русским мужикам надо выпить и поговорить, а якутам — выпить и подраться» [с. 80]; «русские все для меня на одно лицо» [с. 118]; «в Тикси я — самый обыкновенный местный националист. Местный язык не выучила, потому что мне это было неинтересно. До 2005 г. здесь преобладало русское население. Теперь, куда не зайдешь, с тобой не будут разговаривать по-русски. Когда ко мне в кабинет зашли две якутки и стали говорить по-якутски, я сказала: „Девочки! Выйдите и там говорите по-своему!“» [с. 118]; «в Инчоуне живут четверо русских, остальные — чукчи и эскимосы. Все говорят по-русски, но русских недолюбливают» [с. 178].

— Оценка социального благополучия, будущих перспектив. «В целом в Кюсюре спокойно. Молодежь пьет водку. Бывает, подерутся. Милиционер уехал учиться на лейтенанта» [с. 99]; «молодежь в Тикси не хочет работать. Никто не желает оленям хвосты крутить. Молодежь гуляет. Даже дома красят приезжие. Водопровод и канализацию ремонтировать надо. Некому! И пришла мерзость запустения» [с. 119]; «среди каменных трущоб встретил почерневших от алкоголя страшных пьяных людей. Молодые якуты, сидя на крыльце возле магазина, пьют водку и вино, быстро пьянеют» [с. 120]; «насильственные меры по переселению людей из „депрессивных регионов“ означают их потерю для русских, трагедии в личной жизни, усиление потребительского отношения к природе» [с. 158]; «у чукчей одна беда — пьянство» [с. 166]; «основные проблемы в Энурмино — экология, пьянство, суицид. Молодежь видит безысходность своей жизни» [с. 178]; «в Инчоуне основные проблемы — пьянство, суицид. Всплеск самоубийств был три-четыре года назад. Много безработных» [с. 178]; «коренное население сгубили интернаты. После интерната в тундре никому не нравится жить. У оленеводов адские условия работы, поэтому молодежь не видит для себя перспектив» [с. 188]; «Чукотка вымрет. Никто ничего не делает. Чукчи пьют. Интернет появился. Молодежь придет из тундры — порнушку смотрит» [с. 193].

3. **Демографические.** К ним относятся заметки о количестве жителей, инфраструктуре, распространенных фамилиях, возрастном, половом и этническом составе, например: «Сангар был интернациональным поселком городского типа. Здесь живут русские, якуты, тунгусы, литовцы, армяне, грузины, немцы, башкиры, татары, китайцы, узбеки, казахи. До перестройки здесь жило 14 тыс. человек, сейчас — менее 4 тыс. жителей. Продолжается отток населения» [с. 79]; «в Батамае живет около 250 человек. В основном, это люди среднего возраста. Много приезжих. Население состоит из якутов, русских, эвенков. Преобладают якуты. Тут есть администрация, ДЭС, детский сад, метеостанция, почта, фельдшерский пункт, кооператив и девятилетняя школа, в которой обучается 45 детей» [с. 76]; «в Быковском поселении насчитывается 517 жителей. Преобладают эвенки (63%), вторые по численности — якуты (34%). Живут также русские, финны и литовцы. Все говорят по-русски. Коренные фамилии: Шумиловы, Яковлевы, Ачикасовы. Мужчин больше, чем женщин. В основном рождаются мальчики. Матери уезжают или умирают. Есть отцы-одиночки. Много вдовцов. Средний возраст — 35–40 лет» [с. 101]; «население Тикси состоит из якутов, эвенов, эвенков и русских. Это административный центр Булунского улуса. Население на 1 января 2012 г. — 9 044 человека. Улус включает в себя поселок и шесть сел» [с. 106]; «в Янаркае живет 160 человек, 60 из них — чукчи, остальные — русские, узбеки, татары, украинцы» [с. 162].
4. **Этнокультурные.** К ним относятся:

— Картина мира, ценностный уклад. «У якутов сохраняется уважение к старикам. Якутская молодежь ценит пожилых людей. Русская молодежь возраст не ценит» [с. 80]; «у каждого рода есть свои святыни, но о них не принято рассказывать» [с. 85]; «якуты верят, что человек не всегда может понять, на каком уровне мироздания он находится. Ландшафт земного, небесного и подземного миров не меняется, но на границе между ними дует сильный ветер» [с. 97]; «местные жители говорят: наша природа и наша душа — самое большое достояние» [с. 80]; «перспектива добычи алмазов воспринимается эвенками как оскорбление. Их верования и традиции запрещают им ранить землю. Никакие денежные дотации не смогут компенсировать уничтожение культуры маленького народа» [с. 88]; «территория народа — это его тело, а язык — душа» [с. 189].

— Традиции, вера и фольклор. «Говорухой поморы называли состояние человека, который долго был в одиночестве, а потому испытывает потребность в собеседнике. Иногда психологической реакцией на жизнь в одиночестве становится немуха — молчание» [с. 107]; «Сэргэ (священные столбы) углублены в лес. Их установка приурочена к значительным событиям в жизни поселка. Сэргэ в верхней части украшены резьбой или изображением рыбы» [с. 94]; «эвенки перед уходом на промысел огонь кормят» [с. 102]; «якутский новый год два дня празднуют. Так было даже в советское время. До революции были родовые празднования Ысыах, а сейчас формализуется все национальное» [с. 114];

«чукчи приходили к священному камню на берегу моря и рассказывали ему о своих печалях, радостях, новостях» [с. 168]; «в каждой яранге был свой священный камень, который кормили» [с. 170]; «чукчи делятся на тундровых и береговых. Для них ворон — священное животное. Для эскимосов священное животное — касатка» [с. 180]; «рисунок на клыке читается как страница книги и слева направо переворачивается» [с. 180]; «семья Сергея перешла жить из тундры на берег океана, и мальчик получил новое имя — Человек, живущий между тундрой и морем. Традиционно у чукчей фамилии не было — только имя» [с. 167]; «мое чукотское имя — Шагающая» [с. 180]; «в интернате имена давали. Одна воспитательница говорит: ты будешь Галей! А другая: ты будешь Любой! Так я и стала Любой-Галей» [с. 194].

— Быт. «Развитие промышленности губит оленеводство, меняет жизненный уклад местных жителей» [с. 81]; «жилища чукчи строили из дерна и костей кита. Сверху покрывали шкурами морских животных. Жениха невесте и невесту жениху выбирали старейшины или родители. Жених отрабатывал невесту в доме ее родителей» [с. 169]; «чукчи к детям относятся ласково. Для них чужих детей нет. Главный педагогический принцип построен на подражании — делай как я» [с. 180]; «клан у нас был хороший — никто не пил и не курил. Клан — пять яранг» [с. 170]; «дети играют в оленье стадо. Возле яранги лежат россыпью цветные камушки. Один камушек поставлен вертикально. Это оленевод» [с. 193]; «мох смешают с шерстью — вот тебе и памперс» [с. 194].

5. **Интеракционные** (взаимодействие отдельных людей между собой и внутри команды). К ним относятся:

— Столкновение взглядов и интересов. «У нашей команды сложная конфигурация. Мы все очень разные: по мировоззрению, жизненным ценностям, ориентирам» [с. 16]; «беспокоит состояние Геннадия, недавно перенесшего инсульт. У него есть потребность в одиночестве. Нервничает. Едва сдерживается. Надо контролировать каждое слово» [с. 132]; «неопределенность отношений в замкнутой социальной группе (команде) создает дополнительную психологическую нагрузку» [с. 89]; «конфликты начинаются с эмоционального импульса, задающего отрицательную динамику в развитии отношений» [с. 113]; «Усиливается состояние нервозности. Самое трудное испытание — в преодолении разобщенности. Готовность потесниться, ограничить себя — необходимое условие сосуществования людей в социуме» [с. 149].

— Пространство диалога и взаимопомощи. «Суровость климата и природных условий Заполярья компенсируется теплом человеческих отношений» [с. 157]; «вежливость и предупредительность по отношению друг к другу необходима в команде как возможность выживания» [с. 130]; «наша команда напоминает артель или монастырь со своим регламентом жизни или уставом. Ограничения — невольный пост» [с. 145]; «ситуативное управление требует от каждого члена команды особой ответственности» [с. 77]; «я предложил команде нашей

лодки в соответствии с поморской традицией обращаться друг к другу по имени и отчеству. Предложение было принято» [с. 133]; «мы пришли в Нешкан, где было много нетрезвых, но не агрессивных людей. Мы знакомились, сердечно пожимали друг другу руки, обнимались» [с. 175]; «у нашей команды хватает коллективного разума на полуслове закрывать трудные темы» [с. 90].

6. **Психические.** К ним относятся:

— Трансформация состояния и мировоззрения автора-персонажа по ходу повествования, например, «нерешаемые проблемы вытесняются повседневными заботами. Центр жизни перемещается из прошлого или будущего в настоящее» [с. 115]; «возможность познания обусловлена профессионализмом и готовностью соотносить личный опыт с иным мнением и восприятием реальности, открытостью по отношению ко всему новому и непознанному, сознанием своего несовершенства и потребностью в духовном росте» [с. 78]; «человек, завершающий сложное дело, становится другим по отношению к самому себе» [с. 89]; «мой внешний вид заинтересовал девушку: всклокоченная борода, волосы дыбом, почерневшая от загара физиономия с синими глазами и круглыми очками на распухшем носу. Кроме того, я сутки не ел и двое не спал» [с. 108]; «привыкаю к себе в новых предлагаемых обстоятельствах. Удивляюсь тому, что мое тело способно что-то знать и понимать автономно от моего сознания» [с. 122]; «устойчивая нулевая температура способствует обнулению смыслов и состояний» [с. 133]; «под влиянием качки и арктической прохлады происходит архивация смыслов, информации, впечатлений прошлого. Все, что я знаю о жизни и о себе, утрамбовывается в сознании» [с. 143]; «море лечит через преодоление болезненного физического состояния, через умирание в прежнем качестве и обретении нового. Это и есть преображение» [с. 144]; «всё-таки у каждого из нас есть значительные ресурсы приспособления к пространству. При своих значительных габаритах я научился чувствовать себя соразмерным лодке, в которой живу» [с. 186]; «кто я? Что я? Не знаю. Не понимаю себя и не узнаю» [с. 189].

— Трансформация субъективного авторского образа Арктики по ходу повествования, например, «пространство, ограниченное понятными образами и человеческими масштабами, становится обжитым и комфортным» [с. 64]; «дует устойчивый северо-восточный ветер. Мне кажется, он пахнет морем. Привет из Арктики» [с. 30]; «полярные скалы смотрят человеческими лицами, дикими масками, звериными мордами. Всё неживое жаждет воплощения» [с. 29]; «в Арктике продолжается творение мира. Масштабы нечеловеческие. Между жизнью и смертью нет ясно выраженной границы» [с. 110]; «вернутся ли сюда мои соотечественники? Что значит для нас возможность нового освоения Арктики? Примет ли нас в нашем нынешнем духовном состоянии этот суровый, но такой ранимый край земли?» [с. 131]; «я нахожу в образе моря благодарного собеседника и слушателя, словно бы разговариваю с диким зверем» [с. 164]; «Арктика — духовное измерение России» [с. 198].

7. **Политико-экономические.** К ним относятся:

— Политические аспекты разных уровней власти, например, «стремление государства к выходу в море не отделимо от имперских амбиций» [с. 125]; «в промысловые угодья эвенков лучше не заходить. Убить могут. Закон — тайга, медведь — прокурор» [с. 27]; «в Булунском улусе сверху насаждается национальный образовательный компонент. В школе изучаются якутский и эвенкийский языки. Мы своих детей приучаем говорить по-якутски. А при приеме в садик обязательно знание ребенком русского языка» [с. 101]; «в местной администрации Тикси (в „Белом доме“) идет своя жизнь. В пространстве, ограниченном шестью маленькими улицами, „борьба за портфели“ и внешняя важность руководителей выглядят несерьезно» [с. 117]; «молодых специалистов обеспечить пока не можем. Старикам удобнее жить в яранге, но в яранге не прописывают. Абрамовича вспоминают добром. От района помощь слабая. Одна отговорка — „денег нет“. Бюджет не увеличивается. Со всеми вопросами жители Амгуэмы идут сюда, в администрацию» [с. 193]; «возможность освоения Северного морского пути зависит от наличия или отсутствия нефти в море Лаптевых и перспектив ее добычи, но, если углеводороды все-таки будут здесь добывать, очевидна перспектива экологической катастрофы» [с. 117].

— Экономические аспекты, например, «через день приходит „Метеор“. Из-за отсутствия денег местные жители берут в магазине продукты „под запись“» [с. 77]; «цены в Тикси (на 2012 год): литр молока — 120 рублей. Десяток яиц — 130, сыр „Российский“ (Украина) — 520, масло сливочное — 280, курица бройлерная — 220» [с. 106]; «зарплата молодого специалиста в Тикси (на 2012 год) — 9 тыс. рублей. Оклад — 3,5 тыс. рублей. У инженера по обслуживанию метеосвязи оклад — 4,9 тыс. рублей. Билет до Якутска стоит 20 тыс. рублей. Кто из специалистов смог себе жилье обеспечить до перестройки, те уехали. Мы от нечего делать остались. Коммерческой жилки у нас не было» [с. 117]; «многие квартиры в Тикси заброшены. Коммунальные услуги не оплачиваются. Специалисты ушли. Зарплаты маленькие. У нас нет ни нефти, ни газа, ни рыбной промышленности. Ничего такого, что сулит материальную выгоду. Мы — бюджетники. Средний оклад — 5 тыс. рублей (на 2012 год). Умножьте на 2 и отнимите 13%. Это всё, что мы здесь имеем право иметь» [с. 118]; «в Рыркайпии русским выплачивается миллион рублей подъемных денег, если они, будучи старожилами, уедут отсюда. Всем, кто причастен в добыче золота, экономически выгодно организовывать работу вахтенным методом» [с. 166]; «в Ванкареме проживает 160 промысловиков. Они охотятся на ластоногих морских животных, ловят рыбу, промышляют китов» [с. 168]; «как мне сказали, один морж по стоимости равен двум оленям» [с. 175]; «раньше оленеводство дотировали на 600%. Сейчас бросили: живите, как хотите» [с. 192].

8. **Геоэкологические.** К ним относятся:

— Географические — подробное описание маршрута и ландшафта путешествия, например: «выбрались из ледового лабиринта. Льды истаивают и приобретают причудливую форму, напоминая изящные абстрактные скульптуры. Дует слабый северо-восточный ветер. Холодно. Морские котики и тюлени выглядывают из воды» [с. 133]; «сквозь плотный туман подошли к льдинам у берега Большого Ляховского острова, где возвышаются остовы разрушившихся древних гор. Одна скала похожа на мамонта. Под ногами хрустели кости, лежали оленьи рога» [с. 137]; «Движемся в сторону Индигирки: *„— Дойти до Анадыря: это мечта или желание? — Глупость“*» [с. 139]; «Колыма несет теплые воды, и юго-восточный ветер выжимает арктический холод из Колымского залива. За мысом Медвежий погода изменится» [с. 150]; «Вторые сутки идем в бухту Крестовая. Видел грустного белого мишку. Он зашел в воду, поплыл к нам, а потом повернул в сторону Америки» [с. 188]; «вчера рано утром кочи перешли 180-й меридиан, и мы оказались в западном полушарии Земли. Маневрируя между льдинами и пробираясь сквозь шугу в окрестностях мыса Шмидта, на два-три часа остановились в поселке Рыркайпий» [с. 165].

— Экологические — в широком смысле — описывают наличие либо отсутствие антропогенного воздействия на арктическую природу: «на всём, что здесь делают люди, заметен отпечаток временности, нестабильности» [с. 95]; «нет ни деревьев, ни земли. Скалы и щебенка. Видимые проявления постперестроечной разрухи сочетаются с застенчивой красотой Заполярья» [с. 114]; «на арктическую метеостанцию ехали мимо разбитой ржавеющей техники: автомобилей, БТРов, механизмов неизвестного назначения. На солнышке серебрилась мусорная свалка. Стекла домов выбиты. Одни окна заколочены досками, другие — смотрят пустыми глазницами» [с. 119]; «море и тундра — стихии, чуждые человеку, но при условии этического поведения здесь можно не только выживать, но и жить. Растения тут цветут с отчаянной яркостью. Кратковременность полярного лета делает их предсмертное сияние полным жизни» [с. 125]; «Беседуем с семидесятилетним чукотским старейшиной: *„— Айсберга были — нет. Гуся летят — гибнут. Всё не так стало. — А почему? — Экология!“*» [с. 155]; «удивляет биопродуктивность Северного Ледовитого океана. Он богат водорослями, рыбой, морскими животными» [с. 181]; «из-за антропогенного влияния изменились пути миграции северного оленя, пострадал рыбный промысел» [с. 88].

Обсуждение

В исследованном травелоге Арктика представлена как лингвистически, культурно, политически, экономически, социологически, демографически и географически неоднородный регион, каждая территория которого сохраняет стремление к самоидентификации и диверсификации. Даже сам автор описывает три арктические области

по-разному: Архангельская область предстает в его описании как родная, домашняя земля, в большей степени наследница поморского Русского Севера, обычаи и историю которого он долго изучал, хорошо знает и пытается сохранить. А вот Якутия и Чукотка в путевых заметках представлены как незнакомые многоликие наследники кочевой культуры и арктической цивилизации, борющиеся за выживание.

Соответственно, дальнейшее изучение современного образа российской Арктики в социогуманитарной сфере представляется перспективным в более диверсифицированном виде, например, в фокусе анализа культур отдельных арктических народов (чукчи, ненцы, якуты, эвены, долганы, эскимосы, вепсы, саамы и т. д.), а также в фокусе исследования актуальных жизненных миров постоянных и кочевых арктических сообществ.

Также стоит отметить сложности с открытым доступом к литературному материалу, репрезентующему современный российский циркумполярный регион, особенно созданному самими жителями арктических территорий и/или написанному на языках коренных народов Арктики. На данный момент положительная тенденция в решении данного вопроса имеется только в отдельных арктических субъектах РФ, например в ЯНАО [Руденко, 2019].

Заключение

К структурно-функциональным особенностям травелога как жанра можно отнести его строение (обычно включающее дату и название места, описание ландшафта, населения, достопримечательностей и событий); квазисоциализацию автора в новой реальности; ретрансляцию субъективного образа пространства, трансформирующего неизвестное место в знакомое; авторскую рефлексию относительно взаимодействия с другими людьми, их взглядами, культурой, незнакомыми ландшафтами, флорой и фауной, а также рефлексию относительно собственных изменений по ходу повествования; манифестацию важности языка как неотъемлемого компонента цепи взаимоотношений между человеком, обществом и природой. В процессе исследования эколингвистических аспектов, формирующих литературный образ современной Арктики в произведении В. Н. Матонина, делается вывод о том, что не следует смешивать понятия «современное исследование образа Арктики» и «исследование современного образа Арктики». Часто циркумполярная литература и научные исследования арктического дискурса посвящены рефлексии прошлого. Литературный образ Арктики представляет собой сочетание физического, символического и математического пространства отдельных циркумполярных территорий. Современный литературный образ российской Арктики раскрывает этот регион как полиязычное, поликультурное место столкновения натуроцентризма и антропоцентризма, традиций и современности, различных мировоззрений, а также место необходимости диалога, которое трансформирует персонажей. При этом читатель через отдельные эколингвистические аспекты может проследить, как неизведанное место становится знакомым. Наиболее полно литературный образ Арктики в исследуемом травелоге раскрывается через следующие эколингвистические компоненты (см. Приложение, таблица 1).

«Кочевой дневник» трансформирует образ российской Арктики в представлении автора и читателей. Транскрипты интервью, фрагменты диалогов, авторские заметки и другие материалы, имеющие важность в парадигме эколингвистики, позволяют понять характерные черты жизненного уклада представителей циркумполярных культур, их взгляды и нужды, а также особенности экономической ситуации в том или ином арктическом регионе.

Приложение

Таблица 1. Эколингвистические компоненты травелога В. Н. Матонина «Кочевой дневник», формирующие современный литературный образ российской Арктики

Table 1. Ecolinguistic components of V. N. Matonin's travelogue *Kochevoy dnevnik* creating the modern literary image of the Russian Arctic

Компоненты	Текстовое выражение	Влияние на образ Арктики
Лингвистические	Хронотопическое повествование; единицы лексикона коренных народов; средства языковой репрезентации (топонимы, этнографизмы, профессионализмы, арктические метафоры, языковые игры); языковая ситуация.	Арктика как полиязычное пространство; Арктика как источник вдохновения; Арктика как причина создания травелога.
Социальные	Описание межэтнического взаимодействия и социальных аспектов жизни в регионе, отраженное в диалогах, интервью и заметках.	Арктика как особое социолингвистическое пространство. Арктика как регион межэтнических, межпоколенческих конфликтов и др. социальных противоречий.
Демографические	Заметки о количестве жителей, половозрастном составе, инфраструктуре, самых распространенных фамилиях и другие демографические показатели и прогнозы.	Арктика как постепенно умирающий регион; неравномерно заселенное пространство, где натуроцентризм доминирует над антропоцентризмом.
Этнокультурные	Описание местного фольклора, праздников, обычаев, традиций, уклада жизни и кухни.	Арктика как поликультурное многонациональное пространство, борющееся за сохранение своих уникальных наследий.
Интеракционные	Полуструктурированные интервью с жителями исследуемых территорий, авторское осмысление коммуникации с другими путешественниками.	Арктика как пространство столкновения различных взглядов и мировоззрений. Арктика как пространство диалога и взаимопомощи.
Психические	Трансформация состояния, мировоззрения и ощущений автора по ходу повествования.	Арктика как место аскетизма, отречения от прошлой жизни, преодоления себя, духовного перерождения.

Окончание таблицы 1

Table 1 (end)

Компоненты	Текстовое выражение	Влияние на образ Арктики
Политико-экономические	Заметки о политико-экономическом состоянии региона, основных видах занятости, зарплатах, инфраструктуре, о политике в отношении коренных народов и их языков.	Арктика как регион со сложным противоречивым политико-экономическим положением, пространство конфликта между традиционным укладом жизни и современностью.
Геоэкологические	Подробное описание маршрута путешествия, ландшафтных и экологических изменений местности.	Формирование многоликого и преемственного образа Арктики из отдельных образов ее территорий.

Список источников

Бурцева Ж. В. 2021. История освоения крайнего севера Якутии как начальный этап формирования северного текста // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. № 1 (23). С. 14–20.

Дзюба Е. В., Белослудцев А. Н. 2022. Образ Арктики в современных русскоязычных средствах массовой информации // Россия в глобальном мире. № 25 (48). С. 23–41. https://doi.org/10.48612/rg/RGW.25.2

Иванова М. Н., Поскачина Е. Н. 2022. «Семантический гештальт» концепта «Арктика» в языковом сознании носителей русского языка // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. № 4. С. 99–107. https://doi.org/10.25587/SVFU.2022.99.71.008

Издана серия книг «Культурное наследие Таймыра» // Проектный офис развития Арктики. https://porarctic.ru/ru/books/kulturnoe-nasledie-taymyra (дата обращения: 01.11.2023).

Калашников В. Г. 2018. Метод контекстного анализа в методологии контекстного подхода // Педагогика и психология образования. № 2. С. 48–61.

Кузьмина А. А. 2021. Специфика геокультурных образов холода в фольклоре и литературе коренных народов Якутии советского периода // Филология: научные исследования. № 5. С. 89–100. https://doi.org/10.7256/2454-0749.2021.5.35560

Матонин В. Н. 2020. Кочевой дневник. Архангельск: ТСМ. 198 с.

Руденко Е. 2019. Пишущие на языках коренных народов авторы получили премии в ЯНАО // МК Ямал. https://www.mk-yamal.ru/culture/2019/04/29/pishushhie-na-yazykakh-korennykh-narodov-avtory-poluchili-premii-v-yanao.html (дата обращения: 01.11.2023).

Сморчкова В. И. 2021. Развитие взаимоотношений ресурсных компаний с коренными народами в арктической зоне России // Пути к миру и безопасности. № 1 (60). С. 181–196. https://doi.org/10.20542/2307-1494-2021-1-181-196

Соловьева Т. А. 2010. Образ Арктики у современных подростков // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. № 6. С. 92–97.

Фесенко Э. Я. 2016. Арктический вектор в жизни героев русской прозы XX века // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. № 4. С. 134–147. https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2016.4.134

Филин П. А. 2021. Образ Арктики в советской фантастике // Полярные чтения на ледоколе «Красин». № 8. С. 385–403.

Bastardas-Boada A. 2002. Biological and linguistic diversity. Transdisciplinary explorations for a socioecology of languages // Diverscité Langues. No. 7. Analyses et réflexions. https://philarchive.org/rec/BASBAL-2 (дата обращения: 01.11.2023).

Beyer A. L. 2022. August 8. Don't rely on social media: Here's why you should keep a travel journal // National Geographic: website. https://www.nationalgeographic.com/travel/article/dont-rely-on-social-media-heres-why-you-should-keep-a-travel-journal (accessed: 01.11.2023).

Černý M. 2023. «I would sing for you rain songs»: an ecolinguistic reading of Ofelia Zepeda's *Ocean Power* // Ostrava Journal of English Philology. No. 15. Pp. 79–91. https://doi.org/10.15452/OJoEP.2023.15.0005

Chen S. 2016. Language and ecology: a content analysis of ecolinguistics as an emerging research field // Ampersand. No. 3. Pp. 108–116. https://doi.org/10.1016/j.amper.2016.06.002

Frayne C. 2019. An historical analysis of species references in American English // Corpora. No. 4 (13). Pp. 327–349. https://doi.org/10.3366/cor.2019.0177

Haarmann H. 1986. Language in Ethnicity: A View of Basic Ecological Relations. Berlin: Mouton de Gruyter. 287 pp.

Hameed F. 2022. Travelogues: the fully emerged and innovative literary genre // International Journal of Advanced Multidisciplinary Scientific Research (IJAMSR). No. 1. Pp. 40–47. https://doi.org/10.31426/ijamsr.2022.5.1.5015

Kislova L. S., Ertner D. E. 2019. The revival of the genre: key trends in the contemporary travelogue development // Philological Class. No. 3 (57). Pp. 127–133. https://doi.org/10.26170/FK19-03-18

Lotman Y. 1990. Universe of the Mind: A Semiotic Theory of Culture. Bloomington: Indiana University Press. 302 pp.

Porębski M. 1978. O wielości przestrzeni // Przestrzeń i literature / pod red. M. Głowińskiego i A. Okopień-Slawińskiej. Wrocław.

Stibbe A. 2012. Ecolinguistics and Globalization // The Handbook of Language and Globalization. John Wiley & Sons. Pp. 413–418.

Sutherland J. 1989. Literary Landscapes: Charting the Worlds of Classic Literature. New York: Black Dog & Leventhal. 256 pp.

Van Dijk T. A. 1999. Towards a theory of context and experience models in discourse processing // The Construction of Mental Representations During Reading. Hillsdale: Erlbaum. Pp. 123–148.

Wenjuan Z. 2021. Ecolinguistics: a half-century overview // Journal of World Languages. No. 7 (3). Pp. 461–486. https://doi.org/10.1515/jwl-2021-0022

References

Burtseva, Z. V. (2021). History of development of the far north of Yakutia as the initial stage of formation of the northern text. *Arctic XXI century. Humanities*, (1), 14–20. [In Russian]

Dziuba, E. V., & Belosludtsev, A. N. (2022). The Image of the Arctic in Modern Russian Mass Media. *Russia in the Global World*, (25), 23–41. https://doi.org/10.48612/rg/RGW.25.2 [In Russian]

Ivanova, M. N., & Poskachina, E. N. (2022). "Semantic gestalt" of the concept "Arctic" in the linguistic consciousness of the Russian language native speakers. *Arctic XXI century. Humanities,* (4), 99–107. https://doi.org/10.25587/SVFU.2022.99.71.008 [In Russian]

Project Office for Arctic Development. (n.d.). *A series of books "The Cultural Heritage of Taimyr" has been published.* Retrieved Nov. 1, 2023, from https://porarctic.ru/ru/books/kulturnoe-nasledie-taymyra [In Russian]

Kalashnikov, V. G. (2018). The method of contextual analysis in the methodology of the contextual approach. *Pedagogy and Psychology of Education,* (2), 48–61. [In Russian]

Kuzmina, A. A. (2021). The specificity of geocultural images of the cold in folklore and literature of the indigenous peoples of Yakutia of the Soviet period. *Philology: Scientific Researches,* (5), 89–100. https://doi.org/10.7256/2454-0749.2021.5.35560 [In Russian]

Matonin, V. N. (2020). *Kochevoy dnevnik* [Nomad Diary]. TSM. [In Russian]

Rudenko, E. (2019). Authors writing in indigenous languages received prizes in the Yamal-Nenets Autonomous District. *MK Yamal.* Retrieved Nov. 1, 2023, from https://www.mk-yamal.ru/culture/2019/04/29/pishushhie-na-yazykakh-korennykh-narodov-avtory-poluchili-premii-v-yanao.html [In Russian]

Smorchkova, V. I. (2021). Development of relations between resource companies and indigenous peoples in the Arctic zone of Russia. *Pathways to Peace and Security,* (1), 181–196. https://doi.org/10.20542/2307-1494-2021-1-181-196 [In Russian]

Solovyova, T. A. (2010). The image of the Arctic for contemporary teenagers. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Humanitarian and Social Sciences,* (6), 92–97. [In Russian]

Fesenko, E. Ya. (2016). The Arctic vector in the life of the characters of Russian prose in the 20th c. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Humanitarian and Social Sciences,* 4, 134-147. https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2016.4.134 [In Russian]

Filin, P. A. (2021). The image of the Arctic in Soviet fiction. *Polar Readings on the Krasin Icebreaker,* (8), 385–403. [In Russian]

Bastardas-Boada, A. (2002). Biological and linguistic diversity. Transdisciplinary explorations for a socioecology of languages. *Diverscité Langues,* (7, Analyses et réflexions). Retrived Nov. 1, 2023, from https://philarchive.org/rec/BASBAL-2

Beyer, A. L. (2022). Don't rely on social media: Here's why you should keep a travel journal. *National Geographic.* Retrieved Nov. 1, 2023, from https://www.nationalgeographic.com/travel/article/dont-rely-on-social-media-heres-why-you-should-keep-a-travel-journal

Černý, M. (2023). "I would sing for you rain songs": an ecolinguistic reading of Ofelia Zepeda's *Ocean Power*. *Ostrava Journal of English Philology,* (15), 79–91. https://doi.org/10.15452/OJoEP.2023.15.0005

Chen, S. (2016). Language and ecology: a content analysis of ecolinguistics as an emerging research field. *Ampersand,* (3), 108–116. https://doi.org/10.1016/j.amper.2016.06.002

Frayne, C. (2019). An historical analysis of species references in American English. *Corpora,* 4(13), 327-349. https://doi.org/10.3366/cor.2019.0177

Haarmann, H. (1986) *Language in Ethnicity: A View of Basic Ecological Relations*. Mouton de Gruyter.

Hameed, F. (2022). Travelogues: the fully emerged and innovative literary genre. *International Journal of Advanced Multidisciplinary Scientific Research (IJAMSR),* (1), 40–47. https://doi.org/10.31426/ijamsr.2022.5.1.5015

Kislova, L. S., Ertner, D. E. (2019). The revival of the genre: key trends in the contemporary travelogue development. *Philological Class*, (3), 127–133. https://doi.org/10.26170/FK19-03-18

Lotman, Y. (1990). *Universe of the Mind: A Semiotic Theory of Culture*. Indiana University Press.

Porębski, M. (1978). O wielości przestrzeni. In M. Głowiński, & A. Okopień-Slawińska (Eds.), *Przestrzeń i literatura*.

Stibbe, A. (2012). Ecolinguistics and Globalization. In *The Handbook of Language and Globalization* (pp. 413–418).

Sutherland, J. (1989*). Literary Landscapes: Charting the Worlds of Classic Literature*. Black Dog & Leventhal.

van Dijk, T. A. (1999). Towards a theory of context and experience models in discourse processing. In *The Construction of Mental Representations during Reading* (pp. 123–148). Erlbaum.

Wenjuan, Z. (2021). Ecolinguistics: a half-century overview. *Journal of World Languages*, (7), 461–486. https://doi.org/10.1515/jwl-2021-0022

Информация об авторе

Анастасия Игоревна Долгих, аспирант кафедры прикладной и теоретической лингвистики, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
stud003943892@study.utmn.ru, https://orcid.org/0000-0002-3108-5073

Information about the author

Anastasia I. Dolgikh, Postgraduate Student, Department of Applied and Theoretical Linguistics, University of Tyumen, Tyumen, Russia
stud003943892@study.utmn.ru, https://orcid.org/0000-0002-3108-5073

Научная статья / Research Article
Языкознание

https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-1-50-61
УДК 811.161.1

Диалектная лексика с корнями количественной семантики в вологодских говорах

Елена Николаевна Ильина✉

Вологодский государственный университет, Вологда, Россия
Контакт для переписки: filfak@list.ru✉

Аннотация. В статье комментируется морфемная и словообразовательная структура слов с корнями количественной семантики на материале «Словаря вологодских говоров». Характеризуются модели именных, глагольных и наречных основ. Описываются способы и средства образования слов с количественными корнями, а также спектр словообразовательных значений производных диалектных слов. На фоне общерусских закономерностей их морфемной и словообразовательной структуры обнаруживаются диалектные отличия, касающиеся дистрибуции общерусских корней и аффиксов, а также более широкого диапазона их формального и семантического варьирования. На основе исследования лексического состава гнезд квалитативной семантики и структурной организации входящих в их состав диалектных слов делаются выводы о специфике диалектной языковой картины мира: ее антропоцентричности, прагматичности, традиционности и экспрессивности.

Ключевые слова: диалектология, морфемика, словообразование, семантика количества, региональная лексикография

Благодарности: работа выполняется при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 24-28-00123 «Диалектный словарь строения слов: от электронной базы данных к словарю корневых гнезд и аффиксальных парадигм»).

Цитирование: Ильина Е. Н. 2024. Диалектная лексика с корнями количественной семантики в вологодских говорах // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 10. № 1 (37). С. 50–61. https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-1-50-61

Поступила 17.09.2023; одобрена 08.02.2024; принята 04.03.2024

© Автор(ы), 2024

Dialect vocabulary with the roots of quantitative semantics in Vologda dialects

Elena N. Ilyina✉

Vologda State University, Vologda, Russia
Corresponding author: filfak@list.ru✉

Abstract. The article comments on the morphemic and word-formation structure of words with the roots of quantitative semantics on the material of the Dictionary of Vologda Dialects. Models of nominal, verbal and adverbial stems are characterized. The ways and means of forming words with quantitative roots are described, as well as the spectrum of word-forming meanings of derivative dialect words. Against the background of the general Russian patterns of their morphemic and word-formation structure, dialectal differences are revealed regarding the distribution of common Russian roots and affixes, as well as a wider range of their formal and semantic variation. Based on the study of the lexical composition of the nests of qualitative semantics and the structural organization of the dialect words included in them, conclusions are drawn about the specifics of the dialect language picture of the world: its anthropocentricity, pragmatism, traditionality and expressiveness.

Keywords: dialectology, morphemic, derivation, semantics of quantity, regional lexicography

Acknowledgements: the research is supported by the Russian Scientific Foundation (project No. 24-28-00123 "Dialect dictionary of word composotion: from an electronic database to a dictionary of root clusters and affixal paradigms").

Citation: Ilyina, E. N. (2024). Dialect vocabulary with the roots of quantitative semantics in Vologda dialects. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, *10*(1), 50–61. https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-1-50-61

Received Sep. 17, 2023; Reviewed Feb. 8, 2024; Accepted Mar. 4, 2024

Введение

Изучение слов с количественной семантикой сопряжено с решением целого ряда научных проблем, в том числе проблемы лингвистической категоризации количественности. Один из наиболее детализированных подходов к ее интерпретации мы обнаруживаем в трудах по функциональной грамматике, предлагающих комплексный

и интегрирующий подход «от смысла к форме», при котором за основу берутся семантические категории и семантические функции, объединяющие разноуровневые языковые средства. Предметом изучения при этом становится функционирование языковых единиц и языковой системы в речи. А. В. Бондарко определяет количественность, с одной стороны, как грамматическую категорию, которая являет собой языковую интерпретацию мыслительной категории количества [Бондарко, 1996, с. 161]. С другой же стороны ученый рассматривает количественность как функционально-семантическое поле, объединяющее лингвистические средства различных языковых ярусов, которые взаимодействуют на основе квантитативных функций [Бондарко, 1996, с. 161]. Структурируя функционально-семантическое поле количественности, исследователи представляют его как двустороннее единство, *план содержания* которого опирается на инвариантные категориальные признаки — семантические константы, вариативно представленные в языковых значениях, а *план выражения* представлен системой грамматических, лексических, а также комбинированных средств с общей функциональной основой. Принимая во внимание концепцию полицентричности функционально-семантического поля количественности [Гехтляр, Бирюкова, 2009, с. 27], внутри этого поля можно рассматривать не только грамматическую категорию числа и синтаксические ресурсы выражения количественности в сфере глагольных предикатов или количественно-именных сочетаний, но и разнообразные лексические и лексико-грамматические средства выражения квантитативных отношений, анализ которых связан с морфемной и словообразовательной структурой слова [Рычкова, 2003]. Внутри макрополя количественности могут быть выделены микрополя *определенного* (нумеральность и единичность) и *неопределенного количества* (множественность и оценка неопределенного количества). Существенное место в количественных представлениях отводится также понятию *меры,* отражающей взаимосвязь и взаимозависимость количественных и качественных изменений и представленной в языке лексически (*градус, верста, год* и др.) и лексико-грамматически (*наисильнейший, крепчайше* и др.). В пределах данной статьи мы ограничиваемся характеристикой диалектных слов, количественность в которых маркируется корневой морфемой, оставляя за пределами своего внимания весьма разнообразный арсенал средств выражения семантики количества и меры в вологодских говорах (подробнее об этом см.: [Быстрякова, 1987; Кирилова, 2007; Крылова, 2010], др.).

Результаты

Исследуя морфемную и словообразовательную структуру диалектных слов с корнями количественной семантики, мы в первую очередь обращаем внимание на корневые морфемы, обозначающие точное количество (в том числе и нерасчлененное множество), а также порядок при счете. На периферии нашего исследования находятся слова с корнями, указывающими на количество или порядок (*котор/ый, скольк/о*), обозначающими меру (в том числе по соотношению с чем-либо: *бол/ее, мен/ее*), а также первоэлементы сложных слов *пол-/полу-*.

Морфемная структура

По нашим подсчетам, в «Словаре вологодских говоров» содержится 223 слова с корнями числовой/порядковой семантики. Примерно половина из этих слов (123) — имена существительные. В словаре также достаточно много имен прилагательных (59) и наречий (33), значительно меньше представлены глаголы, числительные и производные предлоги. Как и в литературном языке, в диалектных словах преимущественно представлены корни с числовыми значениями первого десятка. Примерно треть этих слов содержит корни *-один- // -одн-* (63) и *-перв-* (24), весьма многочисленны также диалектные слова с корнями *-дв- // дв'* (34), *-тр- // -тр'* (36) и *-сем'- // -седм'-* (21). Все эти корни представлены в составе моно- и поликорневых основ различных морфемных моделей. Среди однокорневых *имен существительных* преобладают слова с суффиксально-корневой основой: **RS** (*пят/**ё**р/а* 'пять рублей' [СВГ, 8, с. 118], *седьм/**и**ц/а* 'семь дней, неделя' [СВГ, 9, с. 116] и др.); **RSS** (*шест/ер/**и**ц/а* 'ручная пила с двумя ручками' [СВГ, 12, с. 86]; *сорок/ов/**и**н/ы* 'сороковой день после смерти' [СВГ, 10, с. 83] и др.); **RSSS** (*тр/ой/н/**и**к* 'один из трех младенцев или детенышей животных, одновременно рожденных одной матерью' [СВГ, 11, с. 61], *дв/ой/н/**и**ц/ы* 'девочки-двойняшки' [СВГ, 2, с. 11] и др.) и **RSSSS** (*дв/ой/н/ич/к/**и*** 'изба из двух отдельных срубов, связанных двускатной крышей; …' [СВГ, 2, с. 10]). Существительные-композиты чаще всего имеют следующие модели основы: **RiR** (*перв/о/с**о**х/а* 'деревянная соха' [СВГ, 7, с. 26]), **RiRS** (*сем/и/р**у**ч/к/а* 'коса, длина лезвия которой составляла расстояние, равное семи мужским ладоням' [СВГ, 9, с. 120]), а также строятся по моделям с увеличением числа суффиксов при каждом корне: **RSiRS** (*тр/ой/э/г**о**н/к/а* 'имеющийся в наличии на три смены (о занавесках)' [СВГ, 11, с. 59]), **RSiRSS** (*тр/ой/**у**/род/н/иц/а* 'троюродная сестра' [СВГ, 11, с. 62]), **RSiRSSS** (*тр/ой/э/ж**и**/т/н/ик* 'испеченный из муки, которая приготовлена из смеси трех злаков — ржи, овса, ячменя, реже пшеницы' [СВГ, 11, с. 59]) и др.

Однокорневые *имена прилагательные* также преимущественно строятся по суффиксально-корневым моделям: **RS** (*пят/**ё**р/ый* 'пятый' [СВГ, 8, с. 118], *тр/**о**й/ий* 'трех сортов' [СВГ, 11, с. 60]), **RSS** (*перв/ен**и**ч/н/ый* 'первый, старший из детей' [СВГ, 7, с. 26]), **RSSS** (*сем/ер/н**и**ч/н/ый* 'сшитый из семи кусков ткани или ткани «семерник»' [СВГ, 9, с. 119]), **RSSSS** (*дв/ой/н/**и**ч/н/ий* 'являющийся одним из двойни' [СВГ, 2, с. 11]); прилагательные-композиты в основном имеют модель основы **RiRS** (*тр/ех/д**е**н/н/ый* 'трехдневный' [СВГ, 11, с. 58]), а также основы с разным количеством суффиксов при каждом из корней: **RSiR** (*тр/ой/э/с**у**к/ий* 'с тремя зубьями (об орудиях труда)' [СВГ, 11, с. 60]), **RSiRS** (*тр/ой/э/ш**е**рст/н/ый* 'из шерсти трех цветов' [СВГ, 11, с. 60]), **RSiRSS** (*тр/ой/э/ш**о**в/к/ов/ый* 'сшитый с вытачками, создающих вид трех клиньев' [СВГ, 11, с. 60]) и др.

Наречия чаще всего строятся по суффиксально-корневым моделям: **RS** (*перв/**о**й* 'сначала, прежде всего, в первую очередь' [СВГ, 7, с. 26]), **RSS** (*одн/**е**/сь* 'однажды' [СВГ, 6, с. 32]), **RSSS** (*тр/ой/н/**е*** 'втроем' [СВГ, 11, с. 6]), а также с участием префиксов: **PrRS** (*на/одн/**е*** 'наедине' [СВГ, 5, с. 55], *в/п**е**рв/о* 'сперва, сначала' [СВГ, 1, с. 86]), **PrRSS** (*по/п**е**рв/ост/и* 'первое время, первоначально' [СВГ, 5, с. 58]),

PrRSSS (*в/дв/**о**й/к/и* ‘вдвое, в два ряда’ [СВГ, 1, с. 58]). Наречия-композиты также имеют более разнообразный состав моделей, включающих только корни и интерфикс (**RiR:** *одн/о/р**я**дь* ‘однажды’ [СВГ, 6, с. 35]), а также суффиксы (**RiRS:** *одн/ов**о**/дн/и* ‘несколько дней тому назад’ [СВГ, 6, с. 32], **RiRSS:** *одн/о/л**и**ч/н/о* ‘единолично, самостоятельно вести хозяйство’ [СВГ, 6, с. 34], **RSiRS:** *тр/еть/е/дн/**и*** ‘позавчера’ [СВГ, 11, с. 57], **RSiRSS:** *тр/ет/е/г**о**д/ни/сь* ‘позавчера’ [СВГ, 11, с. 57]) и префиксы (**PrRiR:** *на/одн/о/пр**я**г* ‘в один прием, без перерывов’ [СВГ, 5, с. 55]; **PrRiRS:** *в/дв/е/р**я**д/ку* ‘вдвое, в два ряда’ [СВГ, 1, с. 58] и др.).

Глаголы с количественными корнями строятся по суффиксально-корневым моделям: **RSS** (*чет/вер/**и**/ть* ‘резать ножом крест-накрест при приготовлении творога’ [СВГ, 12, с. 39]) и **RiRS** (*дв/е/р**я**д/и/ть* ‘свивая, соединять нитки или две полоски ткани в одну’ [СВГ, 2, с. 9]), а также с участием префиксов, модифицирующих исходное действие.

Особенностью диалектных *числительных* является большая активность образования слов с участием суффиксов собирательной семантики: *двен**а**дцат/ер/о* ‘двенадцать’ [СВГ, 2, с. 8], *восемн**а**дцат/ёр/ый* ‘восемнадцатый’ [СВГ, 1, с. 85].

Производные *предлоги,* внутри которых уже затруднительно обосновать живое морфемное членение, тем не менее структурно соотносятся с мотивирующими их наречиями: *п**е**рва, п**е**рвое, перв**я**й* ‘прежде всего, опередив кого-либо’ [СВГ, 7, с. 27]. Все морфемы в составе зафиксированных в говорах слов с корнями количественной семантики являются общерусскими, диалектные особенности этих слов составляет более разнообразная и свободная дистрибуция этих морфем, а также сохранение в отдельных случаях более архаического членения основ, чем в литературном языке.

Словообразовательная структура

В процессе анализа словообразовательной структуры диалектных слов с корнями количественной семантики мы пришли к выводу о том, что подавляющее большинство этих слов сохраняет словообразовательную производность и образуется по общерусским моделям продуктивных словообразовательных типов. Далее их характеристику мы рассматриваем в соответствии с частеречной принадлежностью производного слова.

Наибольшее разнообразие средств и способов образования обнаруживают среди исследуемых слов *имена существительные.* Большую часть из них составляют производные *морфемного* суффиксального способа, внутри которых словообразовательный формант маркирует значение предмета по отношению к количеству или порядку следования, названному мотивирующим числительным (*восьмер/**и**к* ‘1) бердо, рассчитанное на 8 пасм ниток основы; 2) лапти с круглыми носами, сплетенные особым образом, имеющие узор в форме восьмерки’ [СВГ, 1, с. 86], *сороков/**и**н/ы* ‘сороковой день после смерти’ [СВГ, 10, с. 83] и др.). Спектр предметных значений словообразовательных суффиксов представлен значениями конкретного неодушевленного предмета (*семер/**и**ц/а* ‘коса, лезвие которой составляет расстояние, равное 7 ладоням’ [СВГ, 9, с. 119], *пятер/**и**к* ‘пять пальцев, ладонь’ [СВГ, 8, с. 118]), нерасчлененного множества предметов (*семер/**я**нк/а* ‘семеро человек’ [СВГ, 9, с. 119], *тр**о**/иц/а* ‘трое детей, одновременно рожденных матерью’ [СВГ, 11, с. 60]), лица или животного мужского или женского пола (*дво**ю**родн/ик,*

‘двоюродный брат’; *дво**ю**родн/иц/а* ‘двоюродная сестра’ [СВГ, 2, с. 13], *треть/**я**к* ‘животное третьего года жизни’ [СВГ, 11, с. 57], *четверт/**а**х/а* ‘четырехгодовалая корова’ [СВГ, 12, с. 40]). Производящей базой имен существительных служат числительные (*дв**о**й/н/и* ‘изба из двух отдельных срубов, связанная двускатной крышей’ [СВГ, 2, с. 10], *пятн**а**д/к/а* ‘пятнадцатикопеечная монета’ [СВГ, 8, с. 118]), а также образованные от них существительные (*тройнич/**о**к* — ср.: *тройн**и**к* ‘один из трех младенцев или детенышей животных, одновременно рожденных одной матерью’ [СВГ, 11, с. 61]) и прилагательные (*один**о**ч/к/а* ‘1) единственный ребенок; 2) изба из одной комнаты’ — ср.: *одинокий* ‘1) единственный, не имеющий родственников; 2) однокомнатный’ [СВГ, 6, с. 31]).

Производные существительные *неморфемных* способов немногочисленны: это субстантивированные количественные и порядковые числительные (*дев**я**тая* ‘праздник в девятую пятницу после пасхи’ [СВГ, 2, с. 15], *ст**о*** ‘благопожелание женщине, сидящей за ткацким станком’ [СВГ, 10, с. 129] и др.).

Дериваты *смешанного* (сложение основ с материально выраженной или нулевой суффиксацией) словообразования образуются на базе сочетаний числительного с существительным (*двук**о**лка* ‘телега с двумя парами колес’ [СВГ, 2, с. 10] — ср.: *два, колесо, девятир**у**к* ‘коса, длина лезвия которой составляла расстояние, равное девяти ладоням’ [СВГ, 2, с. 16] — ср.: *девять, рука*), числительного с глаголом (*двук**а**рка* ‘сосна, толщина ствола которой позволяет сделать на нем два специальных надреза для стока смолы’ [СВГ, 2, с. 13] — ср.: *два, карать; семир**е**зка* ‘каждая из семи досок, нарезаемых из одного бревна’ [СВГ, 9, с. 119] — ср.: *семь, резать*), а также двух числительных (*семидв**у**ха* ‘семидесятидвухпроцентная пшеничная мука’ [СВГ, 9, с. 119] — ср.: *семь, два*). Обращает на себя внимание многообразие словообразовательных синонимов: *двоек**о**лка, двук**о**лка* ‘телега с двумя парами колес’ [СВГ, 2, с. 10], *однозубец, однозубка, однозубица* ‘холст из грубой пряжи, сотканный в одну нить’ [СВГ, 6, с. 33], *первот**ё**лок, первот**ё**лка, первоот**ё**лок* ‘корова, отелившаяся один раз’ [СВГ, 7, с. 26] и др.

Весьма активно в исследуемых говорах образуются *имена прилагательные.* Среди них также преобладают производные *морфемного* словообразования, образованные суффиксальным способом: *десятеричный* ‘настроенный на 10 пасм’ — ср.: *десятер**и**к* ‘бердо на 10 пасм; холст определенной ширины, вытканный из 10 пасм пряжи’ [СВГ, 2, с. 24], *одн**а**кий* ‘одинаковый, одного возраста или цвета’ [СВГ, 6, с. 30] — ср.: *один, тр**о**ий* ‘трех сортов’ [СВГ, 11, с. 60] — ср.: *трое* и др. Суффиксы в таких производных объективируют значение относительного признака, транслируя количественную семантику через производные других частей речи: *первен**и**чный* ‘первый, старший из детей’ [СВГ, 7, с. 26] — ср.: *первенец, семерн**и**чный* ‘сшитый из семи кусков ткани или ткани «семерник»’ [СВГ, 9, с. 119] и др.

Неморфемный способ представлен немногочисленными случаями адъективации числительных: *од**и**н* ‘1) не имеющий семьи родственников, одинокий; 2) о человеке, единолично ведущем домашнее хозяйство’ [СВГ, 6, с. 30], *п**е**рвой* ‘младший, самый молодой по возрасту’ [СВГ, 7, с. 26].

Смешанное словообразование прилагательных представлено сложением основ с суффиксацией преимущественно на базе числительных и существительных: *двоеж**ё**лтышный*

‘имеющий два желтка (о яйце)’ [СВГ, 2, с. 9] — ср.: *двое, жёлтыш* ‘яичный желток’ [СВГ, 2, с. 83], *семиб**а**течный* ‘незаконнорожденный, имеющий «семь» отцов’ [СВГ, 9, с. 119], *семиш**о**вный* ‘женская кофта, расклешенная от пояса при помощи семи клиньев’ [СВГ, 9, с. 120] и др.

Наибольшее разнообразие наблюдается в производстве диалектных *наречий.* Среди них широко представлены *морфемные* суффиксальные дериваты на базе числительных (*двойм**е*** ‘вдвоем’ [СВГ, 2, с. 10] — ср.: *двое*) и прилагательных (*однол**и**чно* ‘единолично, самостоятельно вести хозяйство’ — ср.: *однол**и**чный* ‘принадлежащий единоличнику’ [СВГ, 6, с. 34]), а также конфиксальные образования на базе числительных (*в**п**ерво* ‘сперва, сначала’ [СВГ, 1, с. 86], *н**а**перво* ‘в настоящее время, теперь’ [СВГ, 5, с. 58], *поп**е**рву, поп**е**рвых* ‘первое время, первоначально’ [СВГ, 5, с. 58, 86] — ср.: *первый; наодн**е*** ‘наедине’ [СВГ, 5, с. 55] — ср.: *один*) и прилагательных (*вдвойн**е*** ‘вдвоем’ [СВГ, 2, с. 10] — ср.: *двойной*). Отмечены немногочисленные префиксальные производные: *непооди**н**ова* ‘не один раз, многократно’ [СВГ, 2, с. 71] — ср.: *оди**н**ова* ‘однажды’ [СВГ, 6, с. 32]. Морфемное образование наречий с количественными корнями отличает богатство синонимических дериватов как свидетельство о сложной истории формирования этих слов на более ранних этапах существования языковой системы: *одн**а**мо, однов**а**, одн**е**жда, одн**е**жь, одн**е**сь* ‘однажды’ [СВГ, 6, с. 32]; *п**е**рва, п**е**рво, п**е**рвое, перв**о**й* ‘1) сначала; 2) первоначально; 3) в прежнее время’ [СВГ, 7, с. 26]; *двойн**е**, двойн**е**й* ‘вдвоем’ [СВГ, 2, с. 10]; *тройн**е**, тройн**е**й* ‘втроем’ [СВГ, 11, с. 60]) и др. Наречия-композиты образуются смешанными способами на основе сложения с материально выраженной (*третьег**о**днись* ‘позавчера’ [СВГ, 11, с. 57]) или нулевой суффиксацией (*однор**я**дь* ‘однажды’ [СВГ, 6, с. 35]), а также конфиксацией (*вдвур**я**дь* ‘вдвое, в два ряда’ [СВГ, 1, с. 58]) чаще от сочетаний числительных с существительными (*двоер**я**дком* ‘вдвое, в два ряда’ [СВГ, 2, с. 10]) — ср.: *двое, ряд/рядок*) и реже от сочетаний числительных со словами других частей речи: *наоднопр**я**г* ‘в один прием, без перерывов’ [СВГ, 5, с. 55] — ср.: *один, прячь* (*запрячь, распрячь* и др.).

Образование слов других частей речи в вологодских говорах значительно менее активно. *Имена числительные* образуются суффиксальным способом (*двен**а**дцат/ер/о* ‘двенадцать’ [СВГ, 2, с. 8] — ср.: *двенадцать, восемн**а**дцат/ёр/ый* ‘восемнадцатый’ [СВГ, 1, с. 85] — ср.: *восемнадцать*), обнаруживая более заметную, чем в литературном языке, активность суффиксов собирательности (подробнее об этом в вологодских говорах см.: [Крылова, 2010]).

Глаголы образуются преимущественно морфемным (суффиксация: *четвер/**и**/ть* ‘резать ножом крест-накрест при приготовлении творога’ [СВГ, 12, с. 39] — ср.: *четверо*) и смешанным способами (сложение основ с суффиксацией: *дв/е/р**я**д/и/ть* ‘свивая, соединять нитки или две полоски ткани в одну’ [СВГ, 2, с. 9]), далее включаясь в систему отглагольной префиксации, модифицирующей основное действие: *на/двер**я**дить, с/двер**я**дить* и пр.

Предлоги образуются морфолого-синтаксическим способом вследствие перехода из состава наречий: *п**е**рва, п**е**рвое, п**е**рвой, перв**я**й* ‘прежде всего, опередив кого-либо’ — ср.: *п**е**рв/ой* ‘сначала, прежде всего, в первую очередь’ [СВГ, 7, с. 26–27].

Количественная семантика в составе производных слов существенно трансформируется под влиянием образов числа или количества, сложившихся в языковом сознании. Так, например, производные слова с первоэлементом *пол-/полу-,* выражающие в литературном языке значения количественно измеряемой половины чего-то (*полуверста*), состава пополам с чем-нибудь другим (*полушерстяной*) и неполного соответствия чему-либо (*полусидя*) [МАС, 1987, с. 270], в исследуемой нами диалектной системе в еще большей мере развивают качественную семантику, называя предметы модифицированных размеров, не в полной мере соответствующие исходному по габаритам, размеру составных частей или по геометрической конфигурации (*полукомод* ‘небольшой комод’ [СВГ, 7, с. 145], *полушкапье* ‘невысокий кухонный шкафчик, крышка которого служит столом’ [СВГ, 7, с. 147], *полуплатье* ‘платье без рукавов, сарафан’ [СВГ, 7, с. 146], *полушалек* ‘теплая шерстяная косынка’ [СВГ, 7, с. 147]), предметы невысокого качества, неравноценного подобия (*полугруздь* ‘груздь невысокого качества, переросший груздь’ [СВГ, 7, с. 144]), а также не вполне реализующие свои функции: *полудружка* ‘помощник дружки в свадебном обряде’ [СВГ, 7, с. 146] (см. об этом также: [Гапонова, 2019]). Отчетливо проявляет себя качественная семантика дериватов с корнями, семантика которых определяет начало количественного исчисления (*один*) или порядка следования (*перв/ый*): качественность развивается здесь в сторону определения самостоятельности, автономности существования (*одинакушка* ‘единственная дочь в семье’ [СВГ, 6, с. 31], *однолично* ‘единолично, самостоятельно вести хозяйство’ [СВГ, 6, с. 34]), общности (*одногодник* ‘человек одного года рождения, ровесник’ [СВГ, 6, с. 33]), близости (*одноконканин* ‘человек, живущий рядом, сосед’ [СВГ, 6, с. 34]), приоритетности по времени появления (*первоталец* ‘первый снег’ [СВГ, 7, с. 26]) и специфичности качества (*первосолка* ‘свежепросольный, малосольный огурец’ [СВГ, 7, с. 26]). Заметно также качественное продолжение семантики бинарности в производных с корнем *-дв- // -дв’-* (*дверядить* ‘свивая, соединять две нитки или полоски ткани в одну, делая переплетение более крепким’ [СВГ, 2, с. 9]), а также универсальной множественности в производных с корнем *-сем’- // -седм’-: семибатечный* ‘незаконнорожденный’ [СВГ, 9, с. 119], *семисёлка* ‘непоседливая, подвижная женщина, девушка’ [СВГ, 9, с. 120], *семишёлковый* ‘очень красивый, нарядный платок’ [СВГ, 9, с. 120] и др.

Заключение

В процессе анализа морфемной организации диалектных слов с корнями количественной семантики обнаружились типологические свойства морфемной системы русских говоров: преимущественно общерусский инвентарь морфем в составе основ этих слов имеет более широкий диапазон формального и семантического варьирования; диалектное слово обнаруживает большую прозрачность морфемных границ, с одной стороны, сохраняя архаическое морфемное членение основ, а с другой, характеризуясь большей активностью общерусских морфем в практике потенциального словообразования разговорной речи. Анализ деривационных отношений слов с корнями количественной семантики показывает, что, как и в литературном языке, наибольшей продуктивностью

образования производных характеризуются гнезда, вершинами которых являются числительные первого десятка (*один/первый, два, три, семь*). Специфику образования диалектных слов с количественной семантикой составляет многообразие синонимических образований (*двоеж**и**лый, двоеж**и**тельный, двоеж**и**тный, двуж**и**рый, двуж**и**тельный* ‘принадлежащий двум хозяевам; имеющий два жилых помещения’ [СВГ, 2, с. 9–13]).

Однако в диалектной системе действуют общерусские словообразовательные типы морфемного, неморфемного и смешанного словообразования. Наибольшее количество производных с корнями количественной семантики, как и в литературном языке, составляют имена существительные, прилагательные и наречия, реализуются типичные для словообразовательной системы русского языка деривационные значения лица или предмета, связанного с количественным исчислением или изменением (*шестер**и**ца* ‘ручная пила с двумя ручками’ [СВГ, 12, с. 86], *двул**е**ток* ‘животное второго года жизни, двухлеток’ [СВГ, 2, с. 14]), признака по отношению к количеству / количеству предметов (*тр**о**йий* ‘трех сортов’ [СВГ, 11, с. 60]; *двоеж**и**тельный* ‘принадлежащий двум хозяевам; имеющий два жилых помещения’ [СВГ, 2, с. 13]; *однор**я**дь* ‘однажды’ [СВГ, 6, с. 35]), действия по отношению к количеству (*четвер**и**ть* ‘резать ножом крест-накрест при приготовлении творога’ [СВГ, 12, с. 39]).

Значения этих производных в большинстве случаев связаны с конкретным исчислением/измерением, необходимым в практической деятельности человека: *девятер**и**к* ‘мера сыпучих веществ, равная девяти пудам; укладка ржи, пшеницы или льна из девяти снопов; бердо на девять пасм; холст определенной ширины, вытканный из девяти пасм пряжи; стручок гороха с девятью зернами’ [СВГ, 2, с. 16]; *пятис**о**тка* ‘стеклянная емкость, банка объемом 500 мл’ [СВГ, 8, с. 118]; *четверик* ‘1/4 часть чего-либо’ [СВГ, 12, с. 40] и др. Это также названия хозяйственных построек и их составных частей (*дв**о**йни* ‘изба из двух отдельных срубов, связанная двускатной крышей’ [СВГ, 2, с. 10]; *двоэт**а**жный* ‘двухэтажный’ [СВГ, 2, с. 10]; *шест**о**чина* ‘лестница в 2–3 ступеньки’ [СВГ, 12, с. 87]), строительных материалов (*семир**е**зка* ‘каждая из семи досок, нарезаемых из одного бревна’ [СВГ, 9, с. 119], *шестер**и**к* ‘бревно, длинною 6 м’ [СВГ, 12, с. 86]), транспортных средств (*двоек**о**лка* ‘телега с двумя парами колес’ [СВГ, 2, с. 10]; *однодер**е**вка* ‘лодка, выдолбленная из одного цельного дерева’ [СВГ, 6, с. 33]), ремесленных инструментов (*двоер**у**чно* ‘инструмент, в виде металлической дужки с двумя ручками для снятия коры’ [СВГ, 2, с. 10], *четвер**е**нцы* ‘вилы с четырьмя зубьями’ [СВГ, 12, с. 39]), среди которых наиболее часто встречается название *косы,* размер которой, варьируясь в зависимости от возраста и физических возможностей косца, определялся по ширине человеческой ладони: *четырёхр**у**к, пятер**и**ца, шестир**у**чка, семир**у**к* и др.

Широко представлены также названия обуви (*восьмерик* ‘лапти с круглыми носами, сплетенные особым образом, имеющие узор в форме восьмерки’ [СВГ, 1, с. 86], *семер**я**к* ‘лапти, сплетенные из 7 лык’ [СВГ, 9, с. 119]) и одежды по особенностям кроя (*семиш**о**вка* ‘юбка-семиклинка; женская кофта, расклешенная от пояса при помощи семи клиньев; кофта, имеющая шесть швов: 4 шва на спине и 2 на груди’ [СВГ, 9, с. 120], *трёхкл**и**нка* ‘шуба, у которой спинка шилась из трех клиньев’ [СВГ, 11, с. 58]), а также ремесленная терминология производства тканей и их характеристики: *двенадцатер**и**к* ‘бердо

на 12 пасм; холст определенной ширины, вытканный из 12 пасм пряжи' [СВГ, 2, с. 8]; *одно**з**убец* 'холст из грубой пряжи, сотканный в одну нить' [СВГ, 6, с. 33]. Достаточно многочисленны также слова, тематически связанные с приготовлением пищи (*первос**о**лка* 'свежепросольный, малосольный огурец' [СВГ, 7, с. 26]) и особенно выпечных изделий (*семидв**у**ха* 'семидесятидвухпроцентная пшеничная мука' [СВГ, 9, с. 119], *двоё**н**ка* 'продолговатая оладья в 2 раза больше обычной' [СВГ, 2, с. 10], *троеж**и**тник* 'испеченный из муки, которая приготовлена из смеси трех злаков — ржи, овса, ячменя, реже пшеницы' [СВГ, 11, с. 59]). Слова с корнями количественной семантики нередко называют явления природного мира, определяя внешний вид растений и животных (*семигл**а**зка* 'рыба, имеющая семь пар жаберных щелей; минога ручьевая' [СВГ, 9, с. 119]), их потребительские свойства (*двук**а**рка* 'сосна, толщина ствола которой позволяет сделать на нем два специальных надреза для стока смолы' [СВГ, 2, с. 13]), возраст (*двул**е**ток* 'животное второго года жизни, двухлеток' [СВГ, 2, с. 14], *четверт**а**ха* 'четырёхгодовалая корова' [СВГ, 12, с. 40]), очередность или одновременность рождения (*тройнич**о**к* 'один из трех младенцев или животных, одновременно рожденных одной матерью' [СВГ, 11, с. 61]) , а также готовность к воспроизводству (*первотёлка* 'корова, отелившаяся один раз' [СВГ, 7, с. 26]).

Многие из этих характеристик одновременно относятся к человеку и животному (*тройн**и**к* 'один из трех младенцев или детенышей животных, одновременно рожденных одной матерью' [СВГ, 11, с. 61]), свидетельствуя о единстве восприятия человека и животного в контексте общих законов природного мира. В характеристиках человека обнаруживается его оценка с точки зрения традиционных крестьянских представлений о красоте и пользе: маркируются обычно отступления от эстетического (*шестоп**а**л* 'человек с шестью пальцами на руке или ноге' [СВГ, 12, с. 87]) и этического эталонов (*семиб**а**течный* 'незаконнорожденный' [СВГ, 9, с. 119], *одновы**д**енный* 'расточительный человек, живущий одним днем' [СВГ, 6, с. 32]). Таким образом, можно сделать вывод о том, что диалектные слова с корнями количественной семантики весьма ярко отражают особенности диалектной языковой картины мира, которой свойственны антропоцентричность, прагматичность и оценочность [Вендина, 1998; Радченко, Закуткина, 2004; Ильина (науч. ред.), 2021; др.].

Список источников

Бондарко А. В. 1996. Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. СПб.: Наука. 264 с.

Быстрякова О. И. 1987. Названия мер жидкости в русском языке XVII в. (К вопросу о системности в лексике) // Диалектное и просторечное слово в диахронии и синхронии: межвуз. сб. науч. трудов. Вологда: ВГПИ. С. 10–20.

Вендина Т. И. 1998. Русская языковая картина мира через призму словообразования (макрокосм). М.: Индрик. 236 с.

Гапонова Ж. К. 2019. Семантика слов с префиксоидом полу- в русском языке (историко-лексикологический аспект) // Верхневолжский филологический вестник. № 2 (17). С. 91–96.

Гехтляр С. Я., Бирюкова М. А. 2009. Семантика и структура функционально-семантической категории количественности в русском и английском языках. Брянск: Брянский гос. ун-т. 232 с.

Ильина Е. Н. (науч. ред.). 2021. Речевая культура Белозерья в фокусе говора одной деревни: монография. Вологда: ВоГУ. 683 с.

Кирилова Е. Н. 2007. Сложные слова с количественным значением в современных вологодских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). СПб. С. 405–413.

Крылова А. Б. 2010. Структура диалектных собирательных имен существительных в современных вологодских говорах: дис. … канд. филол. наук. Вологда: ВГПУ. 194 с.

МАС — Словарь русского языка: в 4 т. 1985–1988 / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык.

Радченко О. А., Закуткина Н. А. 2004. Диалектная картина мира как идеоэтнический феномен // Вопросы языкознания. № 6. С. 25–48.

Рычкова Е. Л. 2003. К вопросу о лексико-семантическом выражении категории количественности в современном русском языке // II Международные Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность: труды и материалы: в 2 т. / под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Г. А. Николаева. Казань. Т. 1. С. 168–170.

СВГ — Словарь вологодских говоров. Вып. 1–12. 1983–2007 / науч. ред. Т. Г. Паникаровская, Л. Ю. Зорина. Вологда: Вологодский гос. пед. ин-т: Вологодский гос. пед. ун-т.

References

Bondarko, A. V. (1996). *Theory of Functional Grammar. Quality. Quantity*. Nauka. [In Russian]

Bystryakova, O. I. (1987). Nazvaniya mer zhidkosti v russkom yazyke XVII v. (K voprosu o sistemnosti v leksike). In Yu. I. Chaikina (Ed.) *Dialectal and Colloquial Words in Diachrony and Synchronicity* (pp. 10–20). VGPI. [In Russian]

Vendina, T. I. (1998). *Russian Linguistic Picture of the World through the Prism of Word Formation (Macrocosm)*. Indrik. [In Russian]

Gaponova, Zh. K. (2019). Semantics of Words with a Prefixoid polu- (half-) in Russian (historical and lexicological aspect). *Verhnevolzhski philological bulletin*, 2 (17), 91–96. [In Russian]

Gekhtlyar, S. Ya., & Biryukova, M. A. (2009). *Semantics and Structure of the Functional-Semantic Category of Quantitative in Russian and English Languages*. Bryansk State University. [In Russian]

Ilyina, E. N. (Ed.). (2021). *Speech Culture of Belozerye in the Focus of One Village's Colloquialism*. VoGU. [In Russian]

Kirilova, E. N. (2007). Compound words with quantitative semantics in modern Vologda colloquialisms. In A. S. Gerd (Ed.). *Lexical Atlas of Russian Folk Vocabularies (Materials and Research)* (pp. 405–413). Nauka. [In Russian]

Krylova, A. B. (2010). *Structure of dialectal collective nouns in modern Vologda colloquialisms*. [Dissertation abstract, VGPU]. [In Russian]

Evgenyeva, A. P. (Ed.). (1985–1988). *Dictionary of the Russian Language: in 4 vols*. (3rd ed.). Russkiy yazyk. [In Russian]

Radchenko, O. A., & Zakutkina, N. A. (2004). Dialect picture of the world as an idioethnic phenomenon. *Voprosy yazykoznaniya*, (6), 25–48). [In Russian]

Rychkova, E. L. (2003). On the issue of lexico-semantic expression of the category of quantity in modern Russian. In K. R. Galiullina, & G. A. Nikolaeva (Eds.), *2nd International Baudouin Readings: Kazan Linguistic School: Traditions and Modernity: Works and Materials: in 2 vols.* (Vol. 1, pp. 168–170). Kazan Federal University. [In Russian]

Panikarovskaya, T. G., & Zorina, L. Yu. (Eds.). (1983–2007). *Dictionary of Vologda Dialects*: vols. 1–12. Vologda State Pedagogical University. [In Russian]

Информация об авторе

Елена Николаевна Ильина, доктор филологических наук, профессор, Вологодский государственный университет, Вологда, Россия
filfak@list.ru

Information about the author

Elena N. Ilyina, Dr. Sci. (Philol.), Professor, Vologda State University, Vologda, Russia
filfak@list.ru

Научная статья / Research Article
Литературоведение
https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-1-62-83
УДК 821.161.1(09)(1-84)

«Лунный Новый год» А. Паркау: память культуры

Анна Альбертовна Арустамова[1]✉, Гао Чуньюй[2], Борис Вадимович Кондаков[1]

[1] Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия
[2] Цицикарский университет, Цицикар, Китай
Контакт для переписки: aarustamova@gmail.com✉

Аннотация. В статье литература русского восточного зарубежья рассмотрена в аспекте реализации принципов межкультурной коммуникации и взаимодействия культуры России и Китая. Тема эта стала разрабатываться литературоведами в 1990-е гг., и в настоящее время творчество многих русских писателей Харбина и Шанхая остается неисследованным. Особенности взаимодействия национальных традиций анализируются на основе стихотворения «Лунный Новый год» малоизученной поэтессы русского зарубежья А. Паркау, опубликованного в поэтической книге «Огонь неугасимый».

Стихотворение «Лунный Новый год», включенное в цикл «Горькие пути», посвящено описанию китайского праздника. Его содержание обусловлено китайской культурой, а на художественную форму произведения оказала воздействие русская поэтическая традиция. В статье прослеживаются связи стихотворения с китайской культурой и философией, с одной стороны, и с контекстами русского поэтического слова XIX в., выраженными стихотворными метрами, с другой. Авторы статьи исследуют композиционно-семантические принципы организации книги стихов и приходят к выводу, что анализируемое стихотворение включено одновременно в несколько циклов — календарный, отражающий жизнь природы, и социальный, выражающий экзистенциальные представления эмигрантов через мотивы одиночества, страха смерти и др.

Ключевые слова: память культуры, русское зарубежье, Китай, Паркау, книга стихов, поэтический цикл, праздники, Новый год по лунному календарю

Благодарности: исследование Гао Чуньюй выполнялось при поддержке гранта Научного фонда отдела образования провинции Хэйлунцзян (проект № 145309366).

© Автор(ы), 2024

Цитирование: Арустамова А. А., Гао Чуньюй, Кондаков Б. В. 2024. «Лунный Новый год» А. Паркау: память культуры // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 10. № 1 (37). С. 62–83. https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-1-62-83

Поступила 26.01.2024; одобрена 29.01.2024; принята 04.03.2024

"Lunar New Year" by A. Parkau: cultural memory

Anna A. Arustamova[1]✉, Gao Chunyu[2], Boris V. Kondakov[1]

[1] Perm State University, Perm, Russia
[2] Qiqihar University, Qiqihar, China
Corresponding author: aarustamova@gmail.com✉

Abstract. This article considers the Russian émigré literature in China in the aspect of implementing the principles of intercultural communication and interaction between the cultures of Russia and China. Scholars began to study it in the 1990s, and currently the work of many Russian writers from Harbin and Shanghai remains unexplored.

Features of the interaction of national traditions are analyzed in the poem "Lunar New Year" (Chinese New Year) by the poet of the Russian diaspora — A. Parkau, published in the poetic book *Unquenchable Fire.* Her artistic world still is not in the focus of the scholars.

The poem "Lunar New Year," included in the *Bitter Paths* cycle, is the artistic description of the Chinese holiday. Its content is determined by Chinese culture, and its artistic form is determined by the Russian poetic tradition. The article traces the connections of the poem with Chinese culture and philosophy, on the one hand, and with the contexts of the Russian poetry of the 19th century, expressed in poetic meters, on the other.

The authors of the article examine the compositional and semantic principles of organizing a book of poems and come to the conclusion that the analyzed poem is included simultaneously in several cycles — calendar, reflecting the life of nature, and social, expressing the existential ideas of emigrants, expressed with the motives of loneliness, and fear of death, among others.

Keywords: cultural memory, Russian diaspora, China, Parkau, book of poems, poetic cycle, holidays, Lunar New Year (Chinese New Year)

Acknowledgements: Gao Chunyu's research was supported by a grant from Heilongjiang Provincial Education Department Science Foundation (China), project No. 145309366.

Citation: Arustamova, A. A., Gao, Chunyu, & Kondakov, B. V. (2024). "Lunar New Year" by A. Parkau: cultural memory. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, 10*(1), 62–83. https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-1-62-83

Received Jan. 26, 2024; Reviewed Jan. 29, 2024; Accepted Mar. 4, 2024

Введение

Литература русского зарубежья (особенно восточного) постоянно продолжает привлекать внимание исследователей. Экзистенциальный опыт выживания в «иной» культуре, накопленный диаспорами Харбина и Шанхая, сохраняет свое значение в наши дни и нуждается в дальнейшем осмыслении и научном изучении филологами, социологами, философами.

Цель настоящей статьи — исследование принципов межкультурного взаимодействия в поэтическом творчестве А. П. Паркау (по мужу — Нилус) (1887–1954) — одной из наименее исследованных до сих пор поэтесс русского восточного зарубежья. В качестве материала литературоведческого анализа нами было выбрано стихотворение «Лунный Новый год», опубликованное в поэтической книге «Огонь неугасимый», изданной в Шанхае в 1937 г.

Обзор литературы и методы исследования

Место творчества А. Паркау в поэзии русского восточного зарубежья и основные особенности ее творчества были охарактеризованы и работах А. Забияко, В. Крейда, Г. Эфендиевой. А. А. Забияко, например, указала на то, что в творчестве поэтессы (как и некоторых других поэтов «восточного зарубежья» — Л. Андерсон, Б. Беты, Л. Ещина, Н. Светлова, Н. Щёголева и др.) произошло «жанровое синтезирование» русской и китайской литературных традиций — «скрещение экзотических реалий и семантических ореолов знаковых метров русского стиха» [Забияко, Эфендиева, 2008].

В других исследованиях характеризовались отдельные аспекты ее творчества. Так, например, Т. Башмакова [2009] раскрывала связи произведений А. Паркау с импрессионизмом в поэзии, а Мяо Хуэй [2015] и Хэ Тинтин [2021] показывали особенности воспроизведения в творчестве писательницы реалий китайского быта и культуры. А. Богодерова [2021] отмечала значение интертекстуальных отсылок в стихотворениях А. Паркау. Последнее представляется особенно важным, т. к. поэтесса как никто иной умела воспринимать окружающий мир сквозь призму культуры, а ее стихотворения были насыщены аллюзиями из русской литературы. А. Арустамова указала на то, что в творчестве А. Паркау (как и Н. Фёдоровой или О. Скопиченко) большую роль играет усадебный (как вариант — парковый) топос и связанные с ним символы, ориентированные на традицию изображения «дворянских гнезд» [Арустамова, 2023, с. 52].

В статье мы ставим задачу показать на примере отдельного стихотворения, анализируемого в качестве части поэтического цикла, как индивидуальные особенности творчества А. Паркау, так и некоторые общие принципы восприятия действительности,

характерные для всей эмигрантской поэзии. Для этого мы будем рассматривать место стихотворения в составе цикла и контекстов, с которыми оно связано.

При проведении исследования нами будут использоваться историко-типологический и культурно-контекстуальный методы, которые позволят выявить (на примере конкретного произведения) особенности межкультурного взаимодействия, реализованные в творчестве поэтессы, а также его связь с традициями русской поэзии.

Результаты и обсуждение

Выбор для анализа стихотворения «Лунный Новый год» обусловлен тем, что в нем пересеклись многие важнейшие для творчества А. Паркау темы: диалог прошлого и современности, встреча культур (русской и китайской), взаимодействие праздничного и повседневного. Стихотворение впервые было опубликовано в 1931 г. в журнале «Рубеж», а затем включено в поэтическую книгу «Огонь неугасимый», опубликованную в Шанхае в 1937 г. [Паркау, 1937]. Эта книга вместила в себя итоги многолетних творческих исканий поэтессы и ее лучшие произведения (в отличие от менее удачной второй книги «Родной стране» [Паркау, 1942]).

Книга стихов — это особое метажанровое образование, сформировавшееся во второй половине XIX в.; произведения, входящие в нее, являются «одним текстом и одним общим смыслом, а не… конгломератом текстов и смыслов» [Тюпа, 2001, с. 125]. Смыслы, выраженные в книге стихов, — как сам «прафеномен циклических форм» — «следует искать в глубоких пластах художественной культуры», — отмечал ведущий исследователь лирических циклов М. Дарвин [1987, с. 57].

Книга стихов «Огонь неугасимый» полностью отвечала указанным принципам: с одной стороны, она действительно была погружена в русскую классическую культуру, с другой — обладала сложной художественной структурой. Она следовала традициям таких книг конца XIX в. (сам ее заголовок как бы указывал на диалог с классическими поэтическими книгами А. Фета «Вечерние огни»), и ее можно назвать одним из лучших образцов данного жанра, издававшихся русскими эмигрантами.

> «В лучших своих образцах итоговые книги 1870–1890-х гг. в той или иной степени представали цельными лирическими произведениями. Продуманность архитектоники, содержательность сферы обрамления, динамизм мотивного комплекса… всё это свидетельствовало о том, что традиция циклизации в это время обретала разнообразные законченные формы и становилась влиятельным фактором литературного развития» [Мирошникова, 2003, с. 86].

Книга стихов обычно выражает авторскую концепцию мира, реализуемую художественной системой произведения. В стихотворении, открывающем книгу, поэтесса обозначила место поэзии в трагических событиях первых десятилетий XX в.:

> Пускай мои стихи не создадут эпохи,
> В них нет ни новых форм, ни жгучих откровений;
> Я собрала печаль, мечты, сомненья, вздохи
> Трагично гибнущих со мною поколений.

Всех тех, кто воспринял в своеобразной раме
Культуры попранной развенчанное слово
И выброшен со мной бурлящими волнами
В мертвеющую гладь недвижного былого [Паркау, 1937, с. 3].

Книга «Огонь неугасимый» имеет сложную структуру. В нее включено несколько авторских циклов («Огонь неугасимый», «Паутинки», «Листья шелестящие», «Горькие пути», «Камень Александрит»), каждый из которых поименован по первому стихотворению, концентрирующему основные мотивы всего цикла. Внутри сборника можно выявить еще несколько типов циклов, объединенных на основании разных аспектов содержания и формы (тематики и проблематики, метра и ритма, типа символики и т. д.).

Стихотворный эпиграф к сборнику указывал на две его основные темы: трагедию поколения, оказавшегося в противоречии со своим временем, и роль культуры («развенчанного слова») в историческом бытии человечества.

Художественный мир А. Паркау отличается открытостью и разомкнутостью. Поэтесса умела видеть и понимать не только свое эмигрантское окружение, но и китайскую действительность.

А. Паркау обращала внимание на самые разные стороны жизни: и драматические будни, и яркие праздники. Не случайно в ее творчестве постоянно появляются исторические и театральные персонажи и ситуации, а также фольклорные образы. Поэтессой было создано много стихотворений, посвященных двум главным русским календарным праздникам — Рождеству («Рождество», «Рождественский базар», «Кикимора», «Одинокая елка», «Петербургская елочка», «Мишкино горе») и Пасхе («Вербная свечка», «Постом», «Страстная неделя», «Дружная Пасха», «У заутрени», «Простое яичко», «Ты — один»). Воспроизведенное в ее стихах праздничное ощущение жизни помогало высветить самые разные стороны современности и заглянуть в глубокое прошлое.

А. Паркау была не только поэтессой, но и журналистом. Эта профессия требует умения разбираться в политике, экономике, культуре, образовании, военном деле и многих других аспектах современной жизни, находить новую информацию, достоверно ее воспроизводить и обрабатывать, выделять главное содержание, чтобы донести его до широкого круга читателей. Будучи одаренным репортером, она отлично понимала окружающий мир: благодаря профессии она была прекрасно осведомлена о китайских нравах и обычаях. В ее журналистских публикациях появлялась информация о новостях как российской общины, так и Китая, причем она могла касаться как страны в целом, так и отдельных ее уголков, затерянных в хутунах Пекина или Харбина. За время пребывания в Харбине А. Паркау опубликовала множество материалов, которые свидетельствуют не только о ее глубокой интеллигентности и умении изображать жизнь в стране, но и успешно трансформировать увиденное в Китае «чужое» в «свое» [Цюй Сюэпин, 2012б, с. 29[1]].

[1] В сносках на работы китайских литературоведов указываются фамилии и имена авторов (в соответствии с китайскими правилами).

В своих стихотворениях поэтесса отражала как повседневную, так и праздничную жизнь китайцев, сверяя эпоху не только с русским, но и китайским календарем (стихотворение «По китайскому календарю»). Календарный цикл указывает на вечные (неизменные, постоянные) ориентиры времени, на фоне которых ярко высвечивается повседневность — течение современной жизни.

Китайский Новый год, Чуньцзе [春节], или Праздник весны по лунному календарю, — важнейший национальный праздник Китая, который впитал в себя мифологию, историю и современность.

Проникновение в сущность праздника — это прекрасный способ для иностранца получить представление о людях страны и китайской культуре. Праздник весны отмечается в последний день Старого и первый день Нового года по лунному календарю, однако обычно он празднуется на протяжении примерно трех недель, а сам день Нового года является его кульминацией. Во время Праздника весны китайцы по традиции собираются всей семьей, чтобы вместе поклониться Буддам, помянуть предков, помолиться о хорошем урожае в начинающемся году. Основная идея этих действий заключается в том, чтобы убрать из жизни старое и ненужное и поприветствовать новое, приносящее радость и счастье.

Стихотворение «Лунный Новый год»[1] начинается с описания картины прекрасного зимнего дня:

Солнце село над кольцом строений,
Зимний вечер благостен и мирен,
Тонкий дым сжигаемых курений
В окнах фанз и у камней кумирен.

Эти строчки, обрисовывающие окружающее пространство, оказываются своеобразным камертоном, задающим читателю настроение. В следующих четырех строчках стихотворения изображаемое пространство сужается: лирический герой как бы заглядывает через окно внутрь фанзы и описывает экзотические предметные детали, конкретизирующие подготовку семьи к китайскому Новому году:

В синих плошках клейкие пельмени,
Убраны дракончиками нары,
И цветы и звери в пестрой смене
Женских курм [одежд] расцвечивают чары.

В третьей строфе зрительные и обонятельные мотивы замещаются звуковыми, которые как бы сдвигают зрительные на второй план. Художественное пространство опять расширяется, но при этом теряет свою определенность: мирная картина первых двух строф сменяется *иллюзией* войны. Согласно китайским народным преданиям, шум петард, красные фонари и надписи на домах должны помочь людям прогнать страшное чудовище по имени Нянь [年], которое появляется в первый день Нового года и может принести людям многочисленные беды, а победа над ним вселяла в людей надежду на грядущие блага:

[1] Здесь и далее стихотворение «Лунный новый год» цитируется по изданию «Огонь неугасимый» [Паркау, 1937, с. 116–117].

Но внезапно отдых благодушный
Оглушает громом канонада,
Роют снег фонтаны искр воздушных,
Ленты улиц, точно жерла ада.

В этой строфе появляется двойной мотив Жизни/Смерти, данный в своеобразном преломлении: это картина *праздничной жизни,* насыщенной *мнимой смертью* («гром канонады» оказывается не признаком войны, столь хорошо известной российским эмигрантам, а традиционным для китайцев новогодним фейерверком, вид «жерл ада» принимают праздничные улицы).

Следующие строфы развивают мотивы двух предшествующих, но приобретают светлую окраску, и в них также преобладают звуковые и цветовые детали:

Что ж не слышно жалоб или стонов?
Дружный хохот воздух оглашает.
Как созвездья дальних небосклонов
Огоньки фонариков мелькают.

Не страшат ни свисты, ни раскаты,
Ни ракет оранжевые мушки,
И гремят с заката до заката
Частой дробью шумные хлопушки.

В шестом четверостишии картина праздничного города сменяется рефлексией автора; дистанция между лирическим героем и участниками праздника опять сокращается, что позволяет услышать шепот и понять выражение лиц. В стихотворении возникает очень важное в контексте Праздника весны упоминание о «добрых людях», которые своими поступками активно противостоят «злым духам»:

Добрым людям взрывы не опасны,
Их боятся только злые духи,
Шепчут глухо, быстро и бесстрастно
Заклинанья древние старухи.

В этой строфе возникает мотив *молитвы,* представленный в данном случае в виде «заклинаний древних старух», которые должны отвратить злых духов и помочь «добрым людям» (да и сами «древние старухи» должны относиться к таким «добрым людям», поскольку именно доброта продляет жизнь людей). Тема «добрых людей» была актуальна для русских эмигрантов, поскольку жизнь их во многом зависела от отношения к ним окружающего населения. Но одновременно следует отметить, что упоминание о «добрых людях» органично и в контексте Праздника весны: оно свидетельствует о знании русской поэтессой представлений, связанных с китайским праздником.

«Добрый человек» — одна из важнейших категорий китайской философии. Разъясняя эту этическую категорию, мыслитель-неоконфуцианец Чжу Си[1] раскрывал связь

[1] Чжу Си [朱熹] (1130–1200) — выдающийся философ-неоконфуцианец, текстолог, политик, педагог и поэт времен династии Южная Сун. Считается создателем конфуцианского Четверокнижия — Сы Шу [四书]. Один из «трех мудрецов с Юго-Востока».

окружающего мира с человеком: «…В человеческом плане природа — предшествующее, а добро — последующее» [有是理后生是气] [Чжу Си, 2018]. В древних книгах «Чжуан-цзы[1]» (глава 28) и «Ле-цзы[2]» (глава 7) упоминается мифический персонаж Шань Цюань [善卷][i] (фамилия которого означает «добро»), нравственно превосходящий обычных людей и обладающий своим «путем» — Дао.

Представления о «добром человеке» занимают огромное место в китайской народной культуре, в частности в преданиях, связанных с Праздником весны, в которых рассказывалось о благородных людях, которые заботились в первую очередь о благополучии других, за что судьба награждала их удачей и охраняла от вмешательства в их дела злых демонов. Древняя китайская пословица гласит: «Душевные люди, которые добры к соседям, — это сокровище страны» [亲仁善邻, 国之宝也]. Добродетельный чиновник Чжан Чжунцзин [张仲景], живший во времена династии Восточная Хань, уйдя на покой и вернувшись на родину, был очень огорчен тем, как бедно живут его земляки и как они страдают зимой от холодов. Будучи также врачом, Чжан Чжунцзин придумал угощение, согревающее тело и вместе с тем укрепляющее здоровье человека. Завернутые в тонкий слой теста мясо и целебные растения (цзяоцзы, т. е. пельмени, упомянутые во второй строфе стихотворения) нужно было отваривать и употреблять в пищу зимой — до начала Весны[ii].

В завершающей строфе, как и в первой, опять представлена благостная картина мирного праздничного вечера, однако это не общий взгляд на пространство праздничного города и не мысленное заглядывание в окно фанзы (как это происходило во второй строфе), а проникновение во внутренний мир семьи:

И, покончив с традицьонной встречей,
Объятые праздничным туманом,
Коротают новогодний вечер
И хозяева и гости за маджаном.

В этих строчках раскрывается важнейший народный обычай китайцев — встреча Праздника весны с родными и близкими друзьями для участия в совместной трапезе и пожелание друг другу удачи и счастья: словосочетание «праздничный туман» указывало на состояние не внешнего, а внутреннего мира участников праздничного действа.

Стихотворение А. Паркау «Лунный Новый год» демонстрирует, что поэтесса хорошо понимала культурные смыслы китайского праздника, и это позволяло ей точно описывать местные обычаи и праздничную атмосферу города. При этом ее интересовали не только события китайского праздника, но и его история, связанные с ним предания и традиции — причины, по которым китайцы стали устраивать во время этого праздника фейерверк.

---

[1] Чжуан-цзы [庄子] (~369 г. до н. э. — ~286 г. до н. э.) — мыслитель-даос, литератор и педагог, живший в эпоху Сражающихся царств (Чжаньго). Автор трактата «Чжуан-цзы».

[2] Ле-цзы [列子] (~450 г. до н. э. — ~375 г. до н. э.) — мыслитель-даос, литератор и педагог, живший в эпоху Сражающихся царств (Чжаньго). Автор трактата «Ле-цзы».

А. Паркау прекрасно передает смену настроений лирической героини. В то же время стихотворение «Лунный Новый год» обладает «очень богатым содержанием» и заставляет читателя задуматься над поставленными в нем проблемами [Цюй Сюэпин, 2012а, с. 76]. Повседневные сцены и жизненные впечатления становятся только отправной точкой для поэтического высказывания. Живой интерес поэтессы к окружающему миру и исключительная способность к рецепции другой культуры насыщают ее произведения глубоким подтекстом. Отметим, например, упоминание в тексте стихотворения игры маджонг («маджан»), которая не просто позволяет скоротать время, а устанавливает, с точки зрения китайцев, между игроками глубокую эмоциональную связь.

В отличие от рождественских стихотворений поэтессы («Рождество», «Рождественский базар», «Одинокая елка», «Петербургская елочка»), в которых преобладали мотивы печали и одиночества, китайский праздник предстает особенно радостным. Слуховые, зрительные, вкусовые и обонятельные детали, которыми насыщено стихотворение «Лунный Новый год», передают праздничное оживление, царящее на улицах Харбина, способствуют созданию собирательного образа китайцев, надевших красивые новые одежды и приступивших к праздничной трапезе.

По мнению китайских исследователей, А. Паркау проявила себя в качестве этнографа, раскрывающего неповторимую «восточную экзотику» и экспрессивно изображающего праздничную жизнь китайского народа [Цюй Сюэпин, 2012б, с. 30]. Использованный поэтессой прием расширения и сужения художественного пространства позволяет, с одной стороны, раскрыть внешнюю сторону действа, а с другой — ввести в стихотворение тему памяти, заглянуть во внутренний мир его участников, а также обратиться к историческим традициям.

Как мы уже отмечали выше, стихотворение «Лунный Новый год» включено в цикл «Горькие пути». Теория стихотворных циклов имеет длительную историю в отечественном литературоведении конца XX — начала XXI в. Основополагающими являются труды М. Дарвина [1983, 1987, 1988], В. Сапогова [1968, 1986], И. Фоменко [1984, 1992, 2003], Л. Ляпиной [1999], Д. Магомедовой [2003]. Подытоживают проделанную работу теоретические исследования последнего десятилетия, в частности статья О. Белоусовой и О. Дашевской [2014].

Для анализа цикла А. Паркау «Горькие пути» наиболее подходящим нам представляется определение, данное В. Сапоговым:

> «Лирический цикл можно представить в виде небольших кругов, соприкасающихся, пересекающихся, а иногда и расположенных совсем изолированно, то есть несколько лирических произведений объединены в единую поэтическую структуру при помощи самых различных конструктивных приемов, главным из которых является сквозная тема или, что еще чаще, единая авторская эмоция» [Сапогов, 1968, с. 182].

Стихотворение «Лунный Новый год» вписано одновременно в несколько таких кругов. Первый, наиболее очевидный из них — тематический, связанный с российскими и китайскими праздниками. Годовой календарный цикл представлен важнейшими христианскими праздниками, последовательность которых строго выдерживается в цикле: Новый год («Мишкино горе», «Лунный Новый год») — Великий пост

(«Постом») — Страстная неделя («Страстная неделя») — Пасха («У заутрени») — Сочельник («Петербургская елочка»). Годовой круг соотнесен с *духовным опытом* человека, в котором сопрягаются земное и небесное, вечное и временное, что характерно для русской культуры в целом. Переход от стихотворения к стихотворению создает «идеальное» измерение русской жизни, особо значимое для писателей-эмигрантов. Этот же структурный принцип использовался, например, в романе И. Шмелёва «Лето Господне» — произведении, которое мощно пронизано лирическим началом, из-за чего некоторые исследователи называют его «поэмой» [Лысенко, 2014]. Первая часть романа была издана в 1933 г. (полностью он увидел свет в 1948 г.). Мы не можем утверждать наверняка факт знакомства поэтессы с этим произведением, однако следует отметить, что российские эмигранты, жившие в Китае, интересовались новинками русской литературы, которые издавались в Париже. В Харбинских газетах («Заря», «Русское слово») регулярно публиковались произведения И. Шмёлева и литературно-критические тексты о его судьбе и творчестве. Особенно важным представляется общий посыл литераторов-эмигрантов — вне зависимости от того, в какой части света они оказывались, сохранять (или воссоздавать) в своих произведениях целостность русской дореволюционной жизни и литературного быта.

Структурирование годового праздничного круга в лирическом цикле А. Паркау, с одной стороны, и природного круговорота, с другой, придает ему эпическое начало, позволяющее целостно представить несколько ипостасей жизни человека.

Второй круг соотнесен с определенной поэтической традицией, сформировавшейся в XIX в.: стихотворение написано пятистопным хореем с женской перекрестной рифмой. Характеризуя двусложные размеры русского стиха, Н. Гумилёв, являвшийся одним из главных поэтических авторитетов для русских писателей Харбина, в статье «Переводы стихотворные» писал:

> «У каждого метра есть своя душа, свои особенности и задачи: ямб, как бы спускающийся по ступеням (ударяемый слог по тону ниже неударяемого), свободен, ясен, тверд и прекрасно передает человеческую речь, напряженность человеческой воли. Хорей, поднимающийся, окрыленный, всегда взволнован и то растроган, то смешлив, его область — пение» [Гумилёв, 1919, с. 28–29].

Пятистопный хорей довольно редко встречается в русской поэзии. Представителю русской культуры сразу же вспоминается написанное этим размером знаменитое стихотворение М. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу…», а также несколько других классических стихотворений: «Накануне годовщины 4 августа 1864 г.» («Вот бреду я вдоль большой дороги…») Ф. Тютчева и «Осенняя воля» («Выхожу я в путь, открытый взорам…») А. Блока, «До свиданья, друг мой, до свиданья…»[iii] С. Есенина, а также находящееся несколько в стороне от этой традиции лирического философского размышления известное стихотворение Н. Некрасова «Праздник жизни — молодости годы…». Все эти произведения объединяются трагичностью переданного в них мировосприятия лирического героя, а также темой размышлений о целях собственного существования и дум о будущем. В дальнейшем совокупность этих стихотворений (за исключением произведения Н. Некрасова) мы будем условно называть «лермонтовским циклом».

Все эти стихотворения, без всякого сомнения, были хорошо известны А. Паркау, и культурная память о них неизбежно должна была воздействовать на ее лирику как в плане развития традиции, так и в аспекте полемики с ней. Так, например, можно сразу же увидеть перекличку с мотивами стихотворения М. Лермонтова, только вместо доминирующего в нем мотива «тишины» возникают «оглушающие звуки» и громкий «дружный хохот»; «сон», «печаль» и «покой» замещаются праздничным весельем, «кремнистый путь» — «лентами улиц», а звезды на небе — праздничными «фонариками». Заимствованным из стихотворения М. Лермонтова можно считать и слово «туман», которое в данном случае используется не для характеристики «кремнистого пути», а для описания состояния «покоя», наступившего после завершения встречи Нового года.

М. Гаспаров на основании анализа 91 стихотворения, написанного в XIX в. пятистопным хореем, выделил ряд *основных* мотивов, характерных для данного размера (Дорога, Ночь, Пейзаж, Жизнь и Смерть, Любовь), а также два *«беглых»* мотива (Бог и Песнь), а также обратил внимание на существование в русской поэтической традиции пятистопного *эпического* хорея, имитирующего народный (в частности, сербский стих) [Гаспаров, 2012, с. 337–338]. Как доказал исследователь, эпический пятистопный хорей «ощущается как знак фольклорности, славянства и экзотики» [Гаспаров, 2012, с. 368]; для лирического пятистопного хорея характерно использование нескольких парных «окрасочных комплексов», которые преобладают в творчестве разных поэтов: Дорога и Смерть (М. Лермонтов), Ночь и Любовь (А. Фет), Ночь и Пейзаж (И. Бунин) [Гаспаров, 2012, с. 368–369].

Можно предположить, что выбор А. Паркау именно пятистопного хорея был связан с обеими традициями[iv]. С одной стороны, цикл стихотворений Лермонтова — Тютчева — Блока — Есенина выражал печальные размышления главного героя о трудном пути, о связи жизни, любви и смерти, представления об одиночестве и неясном будущем, что в полной мере соответствовало настроению русских эмигрантов (стихотворение «Лунный Новый год» не случайно было включено в состав цикла «Горькие пути»). С другой стороны, обращение к эпической фольклорной традиции соответствовало теме стихотворения — изображению китайского народного праздника.

Другие стихотворения А. Паркау, вошедшие в сборник «Огонь неугасимый», в которых был использован такой же размер, — «Кикимора» («Грустно бедной девочке в Рождественскую ночь… »), «Рождественский базар», «Всё то же» («Потому что в стекла окон мутных… »), «По китайскому календарю» («Бирюзой и золотом пронизан… »), «Мишкино горе», «Петербургские елочка», «Гаданье», «Зимний вечер» и некоторые другие — также были в той или иной мере связаны одновременно с обеими культурными традициями: размышлениями о трагическом жизненном пути и народной праздничной культурой, русской или китайской. Определенное влияние на осмысление поэтессой темы китайского Нового года могло оказать стихотворение Н. Светлова «Новый год Китая» («Ночь морозная, крутая… / Завтра — Новый год Китая!»), опубликованное в журнале «Рубеж» в 1929 г., которое было написано четырехстопным хореем. К середине XIX в. этот размер приобрел «две семантические окраски» — «простонародно-фольклорную» и «героико-фантастическую» [Гаспаров, 2012, с. 304].

Попытаемся установить, каким образом механизм культурной памяти, связанный с пятистопным хореем, реализовывался в стихотворении А. Паркау. В нем появляются два мотива — Ночь (в данном случае названная «вечером») и Пейзаж; помимо этого, в первом четверостишии можно увидеть «боковой» мотив, связанный с буддийскими и даосскими божествами, для которых сжигаются благовония.

Соотнесение стихотворения «Лунный Новый год» с «лермонтовским циклом» расширяло содержательный фон произведения и неизбежно формировало в сознании читателя А. Паркау *контекст,* соотнесенный с характерными для цикла мотивами — размышлениями о трагической судьбе поколения, неразрывной связи жизни, любви и смерти, представлениями об одиночестве и неясном будущем. Праздничные мотивы стихотворения, чувственные зрительные и слуховые детали были дополнены картиной китайского праздника, в то время как печальные мотивы, не выраженные в тексте непосредственно, в сознании читателя, хорошо знакомого с русской культурой и литературой, дополняли образ лирической героини — стороннего наблюдателя за праздником жизни, т. е. выражались опосредованно, в *подтексте* стихотворения.

Анализ стихотворения А. Паркау демонстрирует, что культурная память объединяет текст и контекст художественного произведения, тем самым углубляя и обогащая художественный мир произведения. Слияние двух разных (находящихся «в единстве противоположностей») культур — русской и китайской — открывает ранее скрытые возможности искусства и способствует развитию культурных форм.

Стихотворение «Лунный Новый год» необходимо рассматривать в рамках всего цикла «Горькие пути», в который оно было включено. За внешней мозаичностью, кажущейся дискретностью цикла скрывается художественная целостность, скрепленная внутренней логикой, раскрывающей глубинные пласты текста. Подтекст практически каждого стихотворения так или иначе выражается в других текстах цикла, а ключевые мотивы, о которых речь шла выше, становятся *сюжетообразующими.*

В цикле «Горькие пути» использовано несколько композиционно-семантических принципов. Обращение к изображению российской жизни чередуется с изображением жизни Китая. Описание бытовых реалий нередко переходит в обобщающие символы. Так, в стихотворении «На шаланде» [Паркау, 1937, с. 113] можно увидеть трансформацию образов эллинской мифологии: изображение обычной прогулки на лодке по бурной реке символизирует скитания изгнанников, а китайский кормчий интерпретируется как «спаситель от повседневности» [Цуй Лу, 2018, с. 47].

В основу композиции «Горьких путей» положен календарный цикл: сезоны сменяют друг друга от одного стихотворения к другому. Почти все произведения цикла включают те или иные детали, указывающие на время года: зима («Горькие пути») — лето («Воспоминанье») — конец августа и осень («По китайскому календарю», «Отъезд») — весна («Под сиренью») — осень («Крылья», «На шаланде») — зима (два новогодних стихотворения: «Мишкино горе», «Лунный Новый год») — весна («Постом», «Страстная неделя», «Последняя весна», «У заутрени») — лето («Летний ресторанчик», «В городском саду») — зима («Прощанье», «Бегство») — лето («Малина», «У реки») — поздняя осень — начало зимы («Тени», «Злая осень») — зима

(«Петербургская елочка») — лето («Серебряный юбилей»). Помимо этого, в цикле есть два стихотворения, в которых отсутствуют детали, непосредственно указывающие на тот или иной сезон года, — «Наводненье» и «Страшный сон». Их место в цикле мы покажем позже, а пока отметим, что в цикле «Горькие пути» представлено круговое движение времен года, обусловленное жизнью природы, — вне зависимости от индивидуальных и социальных трагедий и исторических разломов.

Вместе с тем социальное начало — мир человеческих отношений и обусловливающие их исторические обстоятельства — накладывает отпечаток на восприятие лирической героиней смены времен года. В этом плане можно выделить два композиционных противопоставленных друг другу *центра* цикла — «Лунный Новый год» и «Злая осень». Оба эти произведения изображают жизнь в Китае.

Различие между стихотворениями становится понятным при анализе стихотворения «Злая осень». В изображении поэтессы осень предстает нарочито некрасивой и соотносится с мрачными цветами (черным и бурым), с нищетой и болезнями, разрушениями и гибелью:

Не в нарядной живой позолоте,
Не в короне цветных янтарей,
Нынче осень подкралась в лохмотьях,
Грязной нищенкой ждет у дверей [Паркау, 1937, с. 140].

А. Паркау показывает тяготы людей и бедствия, причиняемые войной и беженством на земле Китая. Лирическая героиня утверждает невозможность изменения порядка вещей:

…Громоздят на обломках обломки
Наводненье, болезнь и нужда.

Но людского страданья не выпью,
Обреченным бессильна помочь…
И кричит на развалинах выпью
Желтоглазая хмурая ночь [Паркау, 1937, с. 140].

Интонационно эти строки перекликаются с упоминавшимся выше стихотворением Н. Некрасова «Праздник жизни, молодости годы», и написано оно характерным «некрасовским» трехсложным размером (анапестом); оба лирических героя чувствуют свою ответственность за поэтическое слово, служащее любви и помогающее страждущим (при этом сама лирическая героиня А. Паркау оценивает результаты своей деятельности как мизерные: «Обреченным бессильна помочь...»).

Однако изображение осени у А. Паркау не исчерпывается описанием тягот повседневной жизни в Китае. Стихотворение создано в традициях русской лирики XIX в. Как известно, в 1830-е гг. сформировались два во многом противоположных образа осени, созданных А. Пушкиным и Е. Баратынским [Лотман, 1996]. А. Паркау следовала философской традиции Е. Баратынского, для которого осень являлась, с одной стороны, этапом годового круга — завершением природного цикла, а с другой — неутешительным и бесплодным итогом жизни человека. Стихотворение «Злая осень» завершается вопрошанием лирической героини:

Почерневшие астры поникли
На подточенном прелью стебле…
И столетье ли, вечность ли, миг ли? —
Гибнут жизни в страданьях и зле [Паркау, 1937, с. 141].

Пространственно-временной континуум стихотворения расширяется от частного — момента «здесь и сейчас» — до осмысления всеобщего страдания, когда время словно бы «свертывается» (вечность — столетье — миг) и становится *безвременьем.* Не случайно в стихотворении появляется образ цветов — астр (в данном случае — гибнущих), упоминание о которых (в связи с осенью) не раз возникает в цикле. В стихотворении «По китайскому календарю», также подчеркнуто связанном с китайской календарной традицией, используются аналогичные мотивы:

…И на клумбе, как на тайной плахе,
Белых астр созвездье расцвело.

Этой ночью в сочных ветках вяза
Первый лист поблекший изнемог,
Этой ночью лето кто-то сглазил
И на гибель черную обрек.

Утром хóдя, шумен и несносен,
Мёл дорожку, щурясь на зарю,
И сказал, что наступила осень
По китайскому календарю [Паркау, 1937, с. 106–107].

Переход от лета к осени соотносится с мотивом *смерти* («Этой ночью лето кто-то сглазил / И на гибель черную обрек»), а расцветшие астры оказываются пугающим символом гибели.

Образ календаря как культурного конструкта становится значимым для всего цикла и вводит тему *соприсутствия двух культур* — двух измерений, в которых оказались эмигранты. Носители русской культуры и русских традиций оказываются в культуре «другой», для которой характерен иной уклад жизни, иные праздники и принципы построения годового цикла. Китайский мир входит в цикл А. Паркау не только как повседневная реальность жизни русских эмигрантов, но и как особый уклад жизни и культуры, привлекающий внимание поэтессы.

В «Злой осени» в центре внимания автора становятся судьбы всех людей в эпохи лихолетья; в стихотворении «По китайскому календарю» акцентирована конкретная ситуация российской восточной эмиграции, которая находилась внутри принципиально иной культуры (в отличие от писателей-эмигрантов, проживавших в Европе). Привычные метафоры (осень как итог года, завершение, связанное с угасанием природы) приобретают иные смыслы: осень наступила по «чужому» — китайскому — календарю: собеседник-китаец («хóдя»), оказывающийся толкователем таинственных и тревожных природных знаков, воспринимаемых лирическим сознанием, своими словами подчеркивает, что героиню окружает «другой» осенний пейзаж, «чужая» осень, — а это усиливает мотив одиночества, характеризующий существование эмигрантов в иной культуре и природе иного края — вдали от родины.

Первая и вторая части стихотворения «По китайскому календарю» противопоставлены: резкая граница пролегает между переходом от лета к осени. Роскошный летний пейзаж, описывающий исполненную жизненных сил природу, сменяется осенним: «Но я знаю, лето вдруг сломалось, — / Этой ночью слышала я крик» [Паркау, 1937, с. 106–107]. Приход осени предваряется зловещими знаками, связанными с мотивами страха и предвестия бед. Тревожная интонация, передаваемая голосом лирической героини, поддерживается цветописью: «…Черных птиц сплошная пелена, / И зловещей, страшной и багровой / Поднялась ущербная луна» [Паркау, 1937, с. 106–107]. Тревожные интонации, отчетливо звучащие в этом стихотворении, проходят через весь цикл и передают переживания, связанные с изменениями исторической эпохи — с разрушением привычного гармоничного уклада жизни.

В двух отмеченных ранее стихотворениях — «Наводненье» и «Страшный сон» — нет изображения сезонов года. Первое из них посвящено наводнению (вероятно, 1932 г.[v]), когда был затоплен почти весь Харбин, и в тексте возникают аллюзии как на Санкт-Петербург и Венецию, так и на ушедший под воду «град Китеж». Во втором стихотворении основным структурообразующим приемом становится метафора *страшного сна,* от которого хочется проснуться: «По улицам свищут пули, — / Стал город враждебен, нов…» [Паркау, 1937, с. 127], который характеризует выпадающий из гармоничного круговорота жизни природы *мир людей,* находящийся в состоянии постоянной дисгармонии.

Праздник, отмечаемый на чужбине, позволяет сохранять связь с родной культурой. Если И. Шмелёв воссоздавал картину жизни дореволюционной России, то А. Паркау раскрывает драматичные страницы положения русских эмигрантов в Китае. Бережное сохранение традиций становится способом хранения памяти о потерянной родине.

Большой круг, отражающий природный цикл (смену времен года), дополняется малым кругом, расположенным внутри большого, — обрядово-религиозным, который, как мы показали, имеет два ответвления: одно из них связано с христианской православной традицией, другое — с китайскими религиозными представлениями; при этом отношение к традициям у представителей двух народов оказывается разным.

В стихотворении «Петербургская елочка», завершающем малый круг (и являющемся в цикле предпоследним — оно помещено сразу после «Злой осени»), мотив противостояния беспамятству оказывается центральным:

А она в Сочельник, тень бездомная,
Шевелит поблекшими ветвями
И твердит нам: Помню, помню я,
Что уже давно забыто вами [Паркау, 1937, с. 142].

Мотивы «горького пути» и изгнания, являющиеся центральными, дают название всему циклу и окрашивают в драматичные тона все тексты, посвященные событиям календарного круга, — в том числе светлому празднику Пасхи: «Для бессчастных, больных и бедных, / Для бездомных Христос Воскрес…» [Паркау, 1937, с. 122].

Отметим еще одну важнейшую особенность цикла А. Паркау. В нем, как мы видим, рядом расположены два новогодних стихотворения, написанных хореем, — «Мишкино

горе» (о российском Новом годе) и «Лунный Новый год». Первое изображает плюшевого медвежонка, которого достают из коробки только один раз в год — в новогодние дни, потому что его забыл повзрослевший мальчик; второе посвящено празднованию Нового года китайцами, которые тщательно соблюдают свои традиции. Две культуры, два празднования Нового года соположены в цикле, сосуществуют рядом.

Цикл «Горькие пути» раскрывает повседневную жизнь эмигрантов во всех ее тяготах и драматизме. На эту жизнь как бы накладывался календарный цикл природы, а на него — круговорот праздников, которые в контексте проблематики стихотворений обретают *экзистенциальное звучание;* при этом мотивы жизни и смерти становятся *сюжетообразующими.* Стихотворение «Горькие пути», открывающее цикл, содержит основные лейтмотивы, которые в дальнейшем развертываются в других произведениях:

> Наш молодняк от доли нищей,
> В пути теряя рано силы,
> Уходит в жуткий мрак кладбища,
> Под свод безвременной могилы [Паркау, 1937, с. 104].

Мотивы скитания и изгнания выносятся в названия отдельных стихотворений цикла («Отъезд», «Прощанье», «Бегство»): волна эмигрантов в поисках лучшей доли распространялась всё дальше и дальше — из Харбина в Шанхай, а из Шанхая пути пролегали уже по всему миру — от СССР до Австралии и Бразилии.

Мотивы бегства и движения наполняются в цикле и другим содержанием, указывая пути нескольких поколений, втянутых в водоворот истории. А. Паркау показывает *вариации* судеб изгнанников: танцовщицы-цыганки («Нищетой и бесправьем отмечен / Ее женский нерадостный путь» [Паркау, 1937, с. 123]), парижских эмигрантов («Под сиренью»), самой лирической героини («Тени», «Отъезд») или лирического героя («вы»), отправляющегося искать лучшей доли («Прощанье»), и других.

Особенно трагична судьба молодого поколения эмигрантов, оказавшегося в ситуации безвременья и бездорожья. Сюжетная ситуация стихотворений «Горькие пути» и «Последняя весна» связана с гибелью героинь, решивших расстаться с жизнью от отчаяния и ощущения бездомности, отсутствия под ногами почвы. Первое стихотворение находится в сильной позиции, поскольку оно открывает весь цикл и задает интонацию переживания трагической судьбы. Наиболее трагичное звучание мотивы жизни и смерти обретают во втором стихотворении — «Последняя весна», — расположенном между двумя произведениями, относящимися к календарному кругу, — «Страстная неделя» и «У заутрени» (Пасха).

Заключение

В рамках цикла «Горькие пути» выделяются две доминанты, которые реализуются по мере развития цикла. Первая доминанта указывает на *линейное,* соотнесенное с мотивами смерти, одиночества и покинутости, движение судьбы человека, находящегося под воздействием исторических обстоятельств. Вторая доминанта утверждает силу жизни, и она связана с темами памяти и тепла человеческих отношений, которые противостоят разрушающим

условиям эмигрантской жизни. Взаимодействие этих доминант в рамках цикла, раскрывающего судьбы эмиграции, обеспечивается сюжетно-композиционной организацией цикла: взаимодействием природного и календарного (в том числе праздничного) кругов, обращением к разным национальным культурам — русской и китайской. От описания повседневности автор восходит к размышлениям о жизни и смерти в разных культурных традициях, к экзистенциальному осмыслению человеческой судьбы. В результате цикл А. Паркау оказывается сложнейшим образом организованным многоуровневым единством, в котором проявляется виртуозное владение русской поэтической традицией и глубокое знакомство с культурой страны, в которой оказались авторы восточной ветви русской эмиграции.

Примечания

i. 《庄子》中两次提及善卷, 其一为: “… …舜以天下让善卷, 善卷曰: ‘余 立于宇宙之中, 冬日衣皮毛, 夏日衣葛絺, 春耕种, 形 足以劳动, 秋收敛, 身足以休食。日出而作, 日入而 息, 逍遥于天地之间而心意自得, 吾何以天下为哉! 悲夫! 子之不知余也。’遂不受, 于是去而入深山, 莫 知其处。（《庄子 • 让王》文渊阁《四库全书》本。）

В «Чжуан-цзы» имеются два упоминания о Шань Цюане, одно из которых гласит: «…Шунь [последний из «Пяти Древних Императоров» Китая] передал государство Шань Цюаню, который сказал: „Я проживаю во вселенной, ношу мягкий мех зимой и тонкую ткань кудзу летом; весной я пашу землю и сажаю семена, чтобы мое тело хорошо поработало; осенью я собираю урожай и делаю запасы, чтобы мое тело могло восстановиться; я работаю, когда восходит солнце, и возвращаюсь домой, чтобы отдохнуть, когда солнце заходит. Я живу между землей и небом без всяких ограничений, и я счастлив и доволен в своем сердце. Как же мне управлять государством?! Как жаль, что вы меня плохо знаете!“ Шань Цюань отказался от предложения Шуня. Он покинул свой дом и ушел в горы, и никто больше не знал, где он находится» (Чжуан-цзы «Уступить место императора». «Сыку Цюаньшу» [四库全书], комплект из павильона Вэнь Юаньгэ). Перевод Гао Чуньюй.

ii. Согласно легенде, когда Чжан Чжунцзин был правителем Чанши, его очень любили жители региона, потому что он постоянно лечил людей. После отставки он отправился в свой родной город (это произошло во время зимнего солнцестояния), находящийся на берегу реки Байхэ, и увидел множество бедняков, страдающих от голода и холода, у которых были отморожены уши, а многие из них в то время замерзали до смерти. Чжан Чжунцзин очень тяжело воспринял страдания людей, и хотя после возвращения домой он был очень занят, однако всегда помнил о людях, чьи уши были отморожены. Чтобы решить эту проблему, Чжан Чжунцзин придумал лекарство под названием «суп для борьбы с холодом» — цзяо-эр. Этот суп готовился из баранины и некоторых трав, помогающих организму сопротивляться морозу, которые вместе варились в кастрюле. Затем мясо доставали, измельчали и заворачивали в предварительно раскатанное тесто так, чтобы получился пельмень, по форме напоминающий ухо.

Сохранилось предание, что такие «нежные ушки» варили и раздавали больным, просившим лекарство, и после того, как люди их съедали, тело становилось горячим, кровь текла свободно, а уши делались теплыми. В дальнейшем во многих местах в период от зимнего солнцестояния до Нового года (по лунному календарю) люди, стремясь защитить свои уши от мороза, стали употреблять цзяо-эр в пищу. Во многих регионах Китая до сих пор существует обычай в день зимнего солнцестояния употреблять в пищу пельмени, хотя в разных местах их готовят по-разному.

iii. Ритмическая близость этих стихотворений была впервые отмечена в 1937 г. Р. Якобсоном [Jakobson, 1979]. В дальнейшем эта мысль была развита К. Тарановским (1963), выделившим в русской поэзии «лермонтовский цикл» стихотворений, написанных пятистопным хореем [Гаспаров, 2012, с. 331–370]. По словам М. Гаспарова, Р. Якобсон определил названные произведения как «цикл лирических раздумий, переплетающих динамическую тему пути и скорбно-статические мотивы одиночества, разочарования и предстоящей гибели» [Гаспаров, 2012, с. 332]. В дополнение к размышлениям о семантическом ореоле пятистопного хорея и продуктивности теории М. Гаспарова можно упомянуть статью А. Жолковского «К семантике пятистопного хорея. Об одном архисюжете Х5жмжм», в которой исследователь, анализировавший поэзию XX в., отмечает необходимость расширения «спектра смыслов и их конфигураций, с которым следует подходить к анализу стихотворений, написанных Х5жмжм» [Жолковский, 2023]. Обращение к ритмическому «архисюжету» (в терминологии А. Жолковского) на материале поэзии русской восточной эмиграции представляется достаточно продуктивным, поскольку сохранение русской классической литературной традиции было одной из принципиальных установок литературы Харбина и Шанхая.

iv. Литераторы Харбина значительное внимание уделяли вопросам стихосложения. Так, эти вопросы живо обсуждались в литературной студии «Чураевка». По воспоминаниям В. А. Слободчикова,

> «в студии царила сугубо деловая атмосфера, и поначалу основное внимание уделялось вопросам стихосложения, изучались труды В. Брюсова („Основы стиховедения“), Б. Томашевского („Теория литературы“), В. Жирмунского („Теория стиха“ и „Рифма, ее история и теория“), А. Белого („Символизм“) и практическое руководство Н. Шульговского („Теория и практика поэтического творчества“). Объем знаний, которые стремились приобрести члены студии, значительно превосходил содержание соответствующих курсов филологических факультетов университетов. Хотя предполагалось, что теоретические знания должны быть приобретены всеми студийцами (чего, разумеется, в полной мере не было и не могло быть), главным в работе считалось владение поэтическим мастерством» [Слободчиков, 2005, с. 142].

Таким образом, можно говорить о том, что харбинские поэты были посвящены в тайны стихосложения, в том числе и ритмической традиции.

v. Описанная в стихотворении ситуация позволяет определить время события. В июле 1932 г. в Маньчжурии в течение 27 дней непрерывно шли дожди, что привело к Харбинскому наводнению: 7 августа максимальный уровень воды в реке Сунхуа (Сунгари) достиг 119,72 м над уровнем моря, дамбы вдоль набережной были прорваны, и на лодках можно было плыть по Центральному проспекту города. В результате этого наводнения пострадало 238 тыс. человек (население Харбина в то время составляло 380 тыс. человек), а более 20 тыс. жителей города погибло.

Список источников

Арустамова А. А. 2023. Литературная сирень: к специфике усадебного топоса в поэзии и прозе русского зарубежья // Филология в XXI веке. № 2 (11). С. 45–54.

Арустамова А. А., Кондаков Б. В. 2021. Через океан: очерки литературы русской эмиграции в Китае и в США (1920–1930-е гг.): монография / Пермский государственный национальный исследовательский университет. Пермь: Пермский гос. нац. ис. ун-т. 152 с.

Башмакова Т. Б. 2009. Черты импрессионизма в поэтическом почерке А. Паркау // Русский Харбин, запечатленный в слове / А. А. Забияко, Г. В. Эфендиева; под ред. А. А. Забияко, Г. В. Эфендиевой. Благовещенск: Амурский гос. ун-т. С. 75–81.

Белоусова О. О., Дашевская О. А. 2014. Поэтика цикла и книги в современном литературоведении // Вестник Томского государственного университета. № 389. С. 6–14.

Богодерова А. А. 2021. Интертекстуальные отсылки к русской классике в поэзии шанхайской эмиграции 1930–1940-х годов // Критика и семиотика. № 2. С. 359–382.

Гаспаров М. Л. 2012. Метр и смысл. М.: Фортуна ЭЛ. 416 с.

Гумилёв Н. Переводы стихотворные. 1919 // Принципы художественного перевода / К. Чуковский, Н. Гумилев. Петербург: Всемирная литература. С. 25–30.

Дарвин М. Н. 1987. Поэтика лирического цикла: («Сумерки» Е.А. Баратынского): учеб. пособие. Кемерово: КемГУ. 52 с.

Дарвин М. Н. 1983. Проблема цикла в изучении лирики. Кемерово: КемГУ. 104 с.

Дарвин М. Н. 1988. Русский лирический цикл: проблемы истории и теории: на материале поэзии первой половины XIX в. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та. 137 с.

Жолковский А. К. К семантике пятистопного хорея. Об одном архисюжете Х5жмжм // Вопросы литературы. 2023. № 3. С. 107–140. https://voplit.ru/article/k-semantike-pyatistopnogo-horeya-ob-odnom-arhisyuzhete-h5zhmzhm/ (дата обращения: 09.02.2024).

Ле-цзы. 2018. Пекин: Китайский книжный магазин. 228 с. [= (先秦) 列子: «列子», 北京: 中国书店出版社, 2018.228.]

Лотман Ю. М. 1996. О поэтах и поэзии: Анализ поэтического текста. СПб.: Искусство-СПб. 846 с.

Лысенко Л. А. 2014. Поэма в прозе «Лето Господне» И. Шмелева как энциклопедия русских православных праздников // Вестник НВГУ. № 4. С. 71–76. https://vestnik.nvsu.ru/2311-1402/article/view/49374/33205

Ляпина Л. Е. 1999. Циклизация в русской литературе XIX века. СПб.: НИИ химии СПбГУ. 279 с.

Магомедова Д. М. 2003. О жанровом принципе циклизации «книги стихов» на рубеже XIX–XX вв. // Европейский лирический цикл. Историческое и сравнительное изучение: материалы междунар. науч. конф. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т. С. 183–196.

Мирошникова О. В. 2003. Итоговая лирическая книга последней трети XIX столетия как вариант циклического метажанра // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. № 28. С. 83–93.

Мяо Хуэй. 2015. Особенности отражения китайской культуры в русской эмигрантской литературе в Китае // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 3–3 (53). С. 136–140.

Паркау А. [Нилус А. П.]. 1937. Огонь неугасимый: стихи. Шанхай: [б. и.]. 200 с.

Паркау А. [П.]. 1942. Родной стране. Шанхай: Слово. 51 с.

Сапогов В. А. 1968. Лирический цикл или лирическая поэма в творчестве А. Блока // Русская литература XX века (дооктябрьский период). Калуга: Тульский гос. пед. ин-т. С. 174–189.

Сапогов В. А. 1986. Сюжет в лирическом цикле // Сюжетосложение в русской литературе. Даугавпилс: Даугавпилсский гос. пед. ин-т. С. 90–97.

Слободчиков В. А. 2005. О судьбе изгнанников печальной... Харбин. Шанхай. М.: Центрполиграф. 432 с.

Тюпа В. И. 2001. Аналитика художественного (введение в литературоведческий анализ). М.: Лабиринт; РГГУ. 189 с.

Фоменко И. В. 2003. Книга стихов: миф или реальность? // Европейский лирический цикл. Историческое и сравнительное изучение: материалы междунар. науч. конф. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т. С. 64–73.

Фоменко И. В. 1992. Лирический цикл: становление жанра, поэтика. Тверь: Твер. гос. ун-т. 123 с.

Фоменко И. В. 1984. О поэтике лирического цикла: учеб. пособие. Калинин: КГУ. 79 с.

Хэ Тинтин. 2021. Сцены жизни китайского города в поэзии А. Паркау // Научная инициатива иностранных студентов и аспирантов: сб. докладов I Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. Т. 2. Томск: Изд-во нац. иссл. Томск. политех. ун-та. С. 177–179.

Цуй Лу. 2018. «Китайский текст» и эмигрантский миф в поэзии русской дальневосточной эмиграции 1920–1950-х гг. // Вестник Томского государственного университета. № 430. С. 45–51.

Цюй Сюэпин. 2012а. О русских поэтессах-эмигрантках в Китае и их творчестве // Вестник Цицикарского университета. № 4. С. 75–79. [= 曲雪平. 论中国俄罗斯侨民女诗人及作品[J]. 齐齐哈尔大学学报, 2012(4):75-79.]

Цюй Сюэпин. 2012б. Поиск Сирени: исследование творчества русских поэтесс-эмигранток, живших на Востоке: магистерская диссертация. Цицикарский университет (Китай). 47 с. [= 曲雪平. 探索紫丁香--对摇曳于东方的俄侨女诗人的研究. 齐齐哈尔大学硕士毕业论文, 2012:47.]

Забияко А. А., Эфендиева Г. В. (ред.). 2008. «Четверть века беженской судьбы… »: художественный мир лирики русского Харбина. Благовещенск: Амурский гос. ун-т. 428 с.

Чжу Си. 2018. Беседа Чжу Си (Чжу-цзы юйлэй): в 8 т. Цзюань 1. Ухань: Книжный магазин «Чунвэн». 2612 с. [= (宋)朱熹: 朱子语类(共8册), 武汉: 崇文书局, 2018.2612.]

Чжуан-цзы. 2017. Наньчан: Народное издательство Цзянси. 527 с. [= (先秦) 庄子: «庄子», 南昌: 江西人民出版社, 2017.527.]

Jakobson R. 1979. Selected Writings. Vol. 5: On Verse, Its Masters and Explores. The Hague, etc.: Published de Gruyter Mouton. 631 pp.

References

Arustamova, A. A. (2023). Literary lilacs: to the specifics of the estate topos in poetry and prose of Russian émigré literature. *Philology in the 21st century*, (2), 45–54. [In Russian]

Arustamova, A. A., & Kondakov, B. V. (2021). *Across the Ocean: Essays on the Literature of Russian Emigration in China and the USA (1920–1930s)*. Perm State National Research University. [In Russian]

Bashmakova, T. B. (2009). Features of impressionism in the poetic handwriting of A. Parkau. In A. A. Zabiyako, & G. V. Efendieva (Eds.), *Russian Harbin, Captured in the Word* (pp. 75–81). Amur State University. [In Russian]

Belousova, O. O., & Dashevskaya, O. A. (2014). Cycle and book poetics in modern literary criticism. *Tomsk State University Journal*, (389), 6–14. [In Russian]

Bogoderova, A. A. (2021). Intertextual references to Russian literature of the 19th and early 20th c. in the poetry of Shanghai emigrant of the 1930–1940s. *Critique and Semiotics*, (2), 359–382. [In Russian]

Gasparov, M. L. (2012). *Meter and Meaning*. Fortuna EL. [In Russian]

Gumilyov, N. (1919) Poetic translations. In K. Chukovsky, & N. Gumilev, *Principles of Literary Translation* (pp. 25–30). World Literature. [In Russian]

Darwin, M. N. (1987). *Poetics of the Lyrical Cycle: (*Twilight *by E. A. Baratynsky)*. KemSU. [In Russian]

Darwin, M. N. (1983). *The Problem of the Cycle in the Study of Lyrics*. KemSU. [In Russian]

Darwin, M. N. (1988). *Russian Lyric Cycle: Problems of History and Theory: Based on the Material of Poetry of the First Half of the 19th c*. Publishing house of Krasnoyarsk university. [In Russian]

Zholkovsky, A. K. (2023). Toward the semantics of trochaic pentameter. On one arch plot of X5zhmzhm. *Russian Studies in Literature*, (3), 107–140. Retrieved Sep. 2, 2024, from https://voplit.ru/article/k-semantike-pyatistopnogo-horeya-ob-odnom-arhisyuzhete-h5zhmzhm/ [In Russian]

Lie-zi (Pre-Qin Period). (2018). China Bookstore Publishing House. [= (先秦) 列子: «列子», 北京: 中国书店出版社, 2018.228].[In Chinese]

Lotman, Yu. M. (1996). *About Poets and Poetry: Analysis of Poetic Text*. Iskusstvo-SPBPubl. [In Russian]

Lysenko, L. A. (2014). I. Shmelyov's poetic novel "The Summer of the Lord" as an encyclopedia of Russian Orthodox holidays. *Bulletin of NVGU*, (4), 71–76. https://vestnik.nvsu.ru/2311-1402/article/view/49374/33205 [In Russian]

Lyapina, L. E. (1999). *Cyclization in Russian Literature of the 19th c*. Institute of Chemistry of Saint Petersburg State University [In Russian]

Magomedova, D. M. (2003). On the genre principle of cyclization of the "book of poetry" at the turn of the 19th–20th c. In M. N. Darvin (Ed.), *European Lyrical Cycle. Historical and Comparative Study*. (pp. 183–196). RSUH. [In Russian]

Miroshnikova, O. V. (2003). The final lyrical book of the last third of the 19th c. as a variant of the cyclic meta-genre. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Ser. 2. Humanities and Arts*, (28), 83–93. [In Russian]

Miao Hui. (2015). Peculiarities of representation of the Chinese culture in the Russian emigrant literature in China. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, (3), 136–140. [In Russian]

Parkau, A. [Nilus, A. P.]. (1937). *Unquenchable Fire: Poems*. Nobel Press. [In Russian]

Parkau, A. [Nilus, A. P.]. (1942). *Native Country*. Word. [In Russian]

Sapogov, V. A. (1968). Lyrical cycle or lyric poem in the works of A. Blok. In N.A. Trifonov (Ed.), *Russian Literature of the 20th c. (Pre-October Period)* (pp. 174–189). Tula State University. [In Russian]

Sapogov, V. A. (1986). Plot in the lyrical cycle. In L. M. Tsilevich (Ed.) *et al.*, *Plot Composition in Russian Literature* (pp. 90–97). Daugavpils university. [In Russian]

Slobodchikov, V. A. (2005). *About the sad fate of exiles... Harbin. Shanghai*. Tsentrpoligraf. [In Russian]

Tyupa, V. I. (2001). *Analytics of the Fiction: (An Introduction to Literary Analysis)*. Labyrinth. [In Russian]

Fomenko, I. V. (2003). Book of poems: myth or reality? In M. N. Darvin (Ed.), *European Lyrical Cycle. Historical and Comparative Study* (pp. 64–73). RSUH. [In Russian]

Fomenko, I. V. (1992). *Lyrical Cycle: The Formation of the Genre, Poetics*. Tver state university. [In Russian]

Fomenko, I. V. (1984). *On the Poetics of the Lyrical Cycle*. KSU. [In Russian]

He Tingting. (2021). Scenes of the life of a Chinese city in the poetry of A. Parkau. In *Scientific Initiative of Foreign Students and Graduate Students: in 2 vols.* (Vol. 2, pp. 177–179). Publishing House of National Research Tomsk Polytechnic University. [In Russian]

Cui Lu. (2018). "Chinese text" and the emigrant myth in the poetry of the Russian Far Eastern emigration of the 1920s–1950s. *Tomsk State University Journal*, (430), 45–51. [In Russian]

Qu Xueping. (2012). Research On Russian Expatriate Women Poets in China and their Works. *Journal of Qiqihar University*, (4), 75-79. [= 曲雪平. 论中国俄罗斯侨民女诗人及作品[J]. 齐齐哈尔大学学报, 2012(4):75-79]. [In Chinese]

Qu Xueping. (2012). *Search for Lilac: a study of the creativity of Russian emigrant poetesses who lived in the East*. [Dissertation, Qiqihar University]. [= 曲雪平. 探索紫丁香--对摇曳于东方的俄侨女诗人的研究. 齐齐哈尔大学硕士毕业论文, 2012 : 47]. [In Chinese]

Zabiyako, A. A., & Efendieva, G. V. (Eds.). (2008). *"A quarter of a century of refugee fate...": the artistic world of Russian lyricism in Harbin*. Amur State University. [In Rissian]

Zhu Xi (Dynasty Song). (2018). *Zhu Xi's Sayings: in 8 vols*. Chongwen Bookstore. [= (宋)朱熹: 朱子语类(共8册), 武汉: 崇文书局, 2018.2612]. [In Chinese]

Zhuangzi (Pre-Qin Period). (2017). *Zhuang-zi*. People's of Jiangxi. [= (先秦) 庄子: «庄子», 南昌: 江西人民出版社, 2017.527]. [In Chinese]

Jakobson R. (1979). *Selected Writings. Vol. 5: On Verse, Its Masters and Explores*. Published de Gruyter Mouton.

Информация об авторах

Анна Альбертовна Арустамова, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской литературы, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия
aarustamova@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-3079-0253

Гао Чуньюй, профессор факультета русского языка, Цицикарский университет, Цицикар, Китай
liubochunyu@163.com, https://orcid.org/0009-0004-2877-6051

Борис Вадимович Кондаков, доктор филологических наук, профессор, директор Центра восточноазиатских исследований, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия
kondakovb@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1727-8047

Information about the authors

Anna A. Arustamova, Dr. Sci. (Philol.), Associate Professor, Leading Researcher, Department of Russian Literature, Perm State University, Perm, Russia
aarustamova@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-3079-0253

Gao Chunyu, Professor, Department of Russian Language, Qiqihar University, Qiqihar, China
liubochunyu@163.com, https://orcid.org/0009-0004-2877-6051

Boris V. Kondakov, Dr. Sci. (Philol.), Professor, Head of the Center for East Asian Studies, Perm State University, Perm, Russia
kondakovb@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1727-8047

Научная статья / Research Article
Литературоведение

https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-1-84-99
УДК 821.161.1-1 Шварц + 808.1 + 7.036.2

Онтологический экфрасис в стихотворении Елены Шварц «Воспоминание о фреске Фра Беато Анджелико „Крещение“ при виде головы Иоанна Крестителя в Риме»

Екатерина Алексеевна Чертенко✉

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
Контакт для переписки: katya.chertenko2000@mail.ru✉

Аннотация. Научный интерес к проблеме экфрасиса и особенностям экфрастического описания возрос за последние десятилетия. В статье анализируется экфрастическая поэтика стихотворения Е. Шварц «Воспоминание о фреске Фра Беато Анджелико „Крещение“ при виде головы Иоанна Крестителя в Риме». Целью статьи стало выявление интермедиального соотношения вербального уровня с визуальным, раскрытие онтологического экфрасиса в данном стихотворении. Автор статьи рассмотрел, как в стихотворении соотносятся три уровня образа в их соотношении: художественный текст, визуальные образы фрески и символика (культурные коды). Онтологический экфрасис помогает поэту найти новые способы в раскрытии традиционной христианской темы. Визуальные образы раннеренессансной фрески приобретают в тексте онтологический статус (голубь, «роза», серый цвет, вода, туман, уголь (огонь), цветок, река, кровь, вино, мощи (глава Иоанна Крестителя), Lapis Niger, заря). Эти образы через символы и культурные коды раскрывают метафизику Крещения в историко-культурной и современной перспективе, оставляя читателю варианты интерпретаций. В духе самого раннеренессансного художника Шварц онтологически перекодирует средневековую символику Крещения, погружая ее в реальность, воспринимая христианскую историю как борьбу жизни и смерти, завершающуюся эсхатологической надеждой на Второе пришествие Христа. Фра Анджелико оказался созвучен Шварц именно как художник раннего Возрождения, в его движении средневековой мистики к ренессансному онтологизму и гуманизму.

Ключевые слова: Елена Шварц, Фра Беато Анджелико, онтологический экфрасис, поэтика, вербальные / визуальные коды, символика, метафизика, синтез искусств

© Автор(ы), 2024

Цитирование: Чертенко Е. А. 2024. Онтологический экфрасис в стихотворении Елены Шварц «Воспоминание о фреске Фра Беато Анджелико „Крещение“ при виде головы Иоанна Крестителя в Риме» // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 10. № 1 (37). С. 84–99. https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-1-84-99

Поступила 11.02.2024; одобрена 20.02.2024; принята 04.03.2024

Ontological ekphrasis Elena Shvarts' poem "Memory of the Fresco of Fra Beato Angelico 'Baptism' at the Sight of the Head of John the Baptist in Rome"

Ekaterina A. Chertenko✉

Tyumen State University, Tyumen, Russia
Corresponding author: katya.chertenko2000@mail.ru✉

Abstract. Scientific interest in the problem of ekphrasis and the peculiarities of ekphrastic description has increased over the past decades. The article analyzes the ekphrastic poetics of E. Shvarts' poem "Memory of Fra Beato Angelico's fresco 'Baptism' at the sight of the head of John the Baptist in Rome". The aim of this article is to identify the intermedial correlation of the verbal level with the visual level, revealing the ontological ekphrasis in this poem. The author of the article examined how the three levels of the image in the poem correlate in their ratio: artistic text, frescoes' visual images, and symbolism (cultural codes). Ontological ekphrasis helps the poet find new ways to reveal traditional Christian themes. Visual images of the early Renaissance fresco acquire an ontological status in the text (dove, "rose," gray color, water, fog, coal [fire], flower, river, blood, wine, relics [the head of John the Baptist], Lapis Niger, dawn). Through symbols and cultural codes, these images reveal the metaphysics of Baptism from a historical, cultural, and modern perspective, leaving the reader with options for interpretation. In the spirit of the early Renaissance artist himself, Shvarts ontologically recodes the medieval symbolism of Baptism, immersing it into thereality, perceiving Christian history as a struggle of life and death, culminating in the eschatological hope of the Second Coming of Christ. Fra Angelico turned out to be in tune with Shvarts precisely as an artist of the early Renaissance, in the painter's movement of medieval mysticism to Renaissance ontologism and humanism.

Keywords: Elena Shvarts, Fra Beato Angelico, ontological ekphrasis, poetics, verbal/visual codes, symbolism, metaphysics, synthesis of arts

Citation: Chertenko, E. A. (2024). Ontological ekphrasis Elena Shvarts' poem "Memory of the Fresco of Fra Beato Angelico 'Baptism' at the Sight of the Head of John the Baptist in Rome". *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, 10*(1), 84–99. https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-1-84-99

Received Feb. 11, 2024; Reviewed Feb. 20, 2024; Accepted Mar. 4, 2024

Введение

В современном литературоведении является актуальной проблема соотношения вербального и визуального, слова и образа. Изучение поэтики экфрасиса способствует открытию новых интерпретаций художественного текста и произведений искусства в междисциплинарном аспекте. Научный интерес к проблеме экфрасиса и особенностям экфрастического описания возрос за последние десятилетия.

Целесообразным с этой точки зрения представляется обратиться к экфрастической поэтике одного из крупнейших поэтов ленинградского андеграунда Елены Шварц (1948–2010), для поэзии которой характерна метафизическая глубина и многоплановость. Целью настоящего исследования является выявление интермедиального соотношения вербального уровня с визуальным, раскрытие онтологического экфрасиса в стихотворении «Воспоминание о фреске Фра Беато Анджелико „Крещение“ при виде головы Иоанна Крестителя в Риме» (2002), открывающим цикл «Римская тетрадь» [Шварц, 2008а, с. 43–44]. Это стихотворение в поэзии Шварц занимает особое место, поскольку в нем предстает «часть завершенной концепции христианской культуры» [Марков, 2020, с. 8].

Обзор литературы и методы исследования

Сам термин «экфрасис» до сих пор имеет размытые границы. Исследователи связывают экфрасис с интермедиальностью, которая понимается как взаимодействие различных видов искусств, создающее многомерный, целостный художественный образ: «За концепцией интермедиальности стоит общекультурное стремление к обмену, смешению, гибридизации, свойственное любым тенденциям интертекстуальности, интердисциплинарности, интеркультуральности» [Ханзен-Лёве, 2016, с. 22]. Экфрасис представляет собой взаимодействие художественного текста и произведения искусства, в котором текст превалирует над произведением визуального искусства вплоть до вытеснения его посредством описания.

Л. Геллер выделял религиозность как один из принципов экфрасиса, считая, что религиозный принцип является «приглашением-побуждением к духовному видению как высшему восприятию мира и восприятию высшего мира, и вместе с тем — принцип сакрализации художественности как гарантии целостности восприятия» [Геллер, 2002, с. 19]. Стихотворение Шварц нельзя отнести только к религиозному экфрасису, поскольку она

не излагает религиозный сюжет фрески в чистом виде, а описывает его на онтологическом уровне, снимая границу поэтическим описанием и реальностью, природой.

Методологически значимыми для нас являются работы по онтологическому экфрасису в поэзии русского модернизма [Медведев, 2015, 2018, 2021]. Так, онтологический экфрасис М. И. Цветаевой раскрывает онтологичность живописи Н. С. Гончаровой как «состояние открытости бытия» (das Offene, говоря словами Хайдеггера):

> «Модернистский дискурс Цветаевой и живопись Гончаровой („явление природы“) сближает необъективированное и незавершенное видение мира и личности, онтологически выступающих „за пределы подрамника“ и рамки искусства в живую реальность» [Медведев, 2021, с. 219–220].

Онтологическое стирание было характерно для шварцевского восприятия живописи в целом. 12 апреля 2006 г. она посетила в Эрмитаже выставку Рембрандта и выставку французской живописи. Потрясенная офортом Рембрандта «Христос на кресте между разбойниками» (1639), она посвятила ему стихотворение «Офорт Рембрандта — Христос и разбойники» (2006), о котором запишет в Дневнике от 19 апреля того же года: «Написала стихотворение первый раз в жизни о картине, верней, об офорте Рембрандта. Живое» [Шварц, 2013, с. 135]. Как отмечает И. З. Сурат, в этом стихотворении поэт не просто описывает гравюру стихами, а «осмысляет сам сюжет, ищет образные эквиваленты для его восприятия» [Сурат, 2022, с. 187], последовательно развивает ряды ассоциаций. Исследователь видит в этом стихотворении эмпатию как главную движущую силу поэзии Шварц: «сочувствие миру, человеку, всему живому. Сострадание у Шварц не знает границ» [Сурат, 2022, с. 188].

На второй выставке Шварц была особенно впечатлена картиной любимого ею Ван Гога «Белый дом ночью» (1890. Эрмитаж, С.-Петербург), переживая ее в контексте жизни художника, жизни космоса и собственного рождения:

> «Видно, что для него — это уже совсем перед смертью — сентябрь 1890 года. Кажется — солнце спиралевидными толчками, всё вообще превращается в энергию, уже не этот мир. Эта выставка уже давно там, а я так давно не была в Эрмитаже, а ведь мама меня туда в животе носила» [Шварц, 2013, с. 133].

Стихотворение Шварц о фреске Фра Анджелико остается малоизученным. Рассмотрев в нем тему христианского мученичества, А. В. Марков делает акцент на искусствоведческой стороне, сопоставляя изображение воды с техникой фрески. По его мнению, перевернутая роза замыкает изображение, т. к. располагается вверху: «… верхняя часть фрески полукруглая, композиция с Иорданом ей замыкается, и на то, что визуальное впечатление от вод Иордана усилено оптическим впечатлением от мнимой небесной розы. Тем самым поэтическое мышление Шварц объединило размышления о внешней форме изображения (полукруглый верх), о технике (фреска), о сюжете (Крещение)» [Марков, 2020, с. 10]. Сурат видит в этом стихотворении, как и в стихотворении об офорте Рембрандта, страдание и сострадание как характерное для поэзии Шварц предельное выражение эмпатии: «...распятый Христос видится как срезанный цветок на фоне отрезанной головы Крестителя. Человек жесток и мир жесток, этому противостоит поэтическое слово и сама героиня поэзии Шварц с ее болью и сочувствием всему живому» [Сурат, 2022, с. 190].

Результаты и обсуждение

Какие основания были для обращения поэта к живописи раннего Возрождения? А. К. Дживелегов видел в живописи Фра Анджелико движение от средневекового мистического восторга к ренессансному натурализму:

> «Картины последнего, римского периода уже утрачивают прозрачную безмятежность его первых произведений и приближаются к жизни. Мистический отлив, который сближал его с тречентистами, стал слегка гаснуть, стали мелькать черты натурализма. Чуткий гений художника, не позволяющий ему держаться вдали от жизни, раз искусство проложило к ней дорогу, подчинил своей власти блаженного монаха. Отныне уже нет возврата к старому. Искусство и жизнь стали неразрывны[1]» [Дживелегов, 1998, с. 132].

И. Мейер отмечает, что как художник раннего Возрождения Фра Анджелико помог осуществить новую трансформацию в итальянском искусстве: с одной стороны, доминиканский художник сосредоточился на создании религиозных сюжетов в логической, иллюзионистской сфере, но с другой — на всей прочности и материальности человеческого тела в рамках зарождающейся идеи гуманизма раннего Возрождения [Meyer, 2022].

И стих, и фреска (рис. 1) посвящены евангельскому событию Крещения Христа. 30-летний Иисус приходит к Иоанну Крестителю на Иордан с просьбой крестить Его: «отверзлось небо, и Дух Святый нисшёл на Него в телесном виде, как голубь, и был глас с небес, глаголющий: Ты Сын Мой Возлюбленный; в Тебе Моё благоволение!» (Лк. 3: 21–22). Иоанн Златоуст толковал эти строки следующим образом: «При крещении голубь явился для того, чтобы и присутствующим, и Иоанну указать, как бы перстом, Сына Божия, и вместе для того, чтобы и ты знал, что и на тебя, когда крещаешься, нисходит Дух Святой» [Иоанн Златоуст]. Фра Анджелико изображает на фреске этого Духа Святого в образе голубя, несущего спасение, чистоту и любовь.

Однако в стихотворении Шварц сделала акцент не на голубе как символе Духа Святого, а на образе «розы», образуемой сферическим сиянием, исходящим от голубя: «Роза серая упала и замкнула Иордан» [Шварц, 2008а, с. 43].

Роза является ключевым мифопоэтическим образом культурного цветочного кода:

> «В христианстве роза обретает особую символическую емкость: милосердие, милость, всепрощение, божественная любовь, мученичество, победа. < … > В средневековом искусстве роза символизирует небесное блаженство (постепенно вытесняя лилию в передаче этого смысла). Свое символическое значение получают и части розы: ее зелень соотносится с радостью, шипы — с печалью, сам цветок — со славой» [Топоров, 1994, с. 386].

А. Н. Веселовский в классической работе, приводя слова св. Бернарда, отмечает, что в Средневековье роза являлась символом Христовой крови:

> «Взгляните на эту божественную розу, — говорит св. Бернард, — страдание и любовь соперничают друг с другом, чтобы придать ей яркость и цвет пурпура. Цвет, без сомнения, от крови, истекшей из ран Спасителя... Как холодной ночью роза бывает закрыта и раскрывается лишь утром при первых лучах солнца, так и этот цветок, Иисус Христос, казалось, свернулся, точно от ночного холода, со времени грехопадения первого человека, но когда завершился круг времен, он внезапно распустился под солнцем любви...» [Веселовский, 1939, с. 135].

Символика розы распространилась и на образ Богоматери: «У св. Бернарда роза — уже символ Богородицы, и этот символ остался в христианской поэзии и искусстве: „rosa mystica“ западного иносказания. В применении к жезлу Иессея богородица — розовый куст, роза — Христос» [Веселовский, 1939, с. 136].

Рис. 1. Фра Беато Анджелико. Крещение Христа. Фреска. 1441. Национальный музей Сан Марко, Флоренция

Fig. 1. Baptism of Christ, fresco, by Fra Angelico, 1441. National Museum of San Marco (Convento di San Marco), Florence

Исследователь онтологически соотносит Христа с символикой розы, описывая праздник Преображения Господня у армян, который назывался «Вардавар» (сияние розы) и уходил корнями к культу Афродиты (как известно, роза была ее атрибутом). Во время этого праздника юноши и девушки исполняли друг перед другом песни о розе: «Христос до своего преображения был подобен розе в бутоне, и во время преображения из его тела разлилось и загорелось розовое сияние, которое было и у Адама в раю и которым Христос показал славу и величие творца» [Веселовский, 1939, с. 135].

Роза является ключевым онтологическим символом в «Божественной комедии» Данте. Как отмечает В. Н. Назаров, образ Рая у Данте выступает в виде розы-града-амфитеатра:

> «Строение и порядок рядов образуют форму раскрывшейся тысячелепестковой розы, которую Данте называет „вечной“ (rosa sempiterna) и „белой“ (rosa candida), вследствие белых одеяний блаженных душ, с золотой сердцевиной — средоточием Божественного сияния внутри.
>
> В желть вечной розы, чей цветок раскрыт...
> Я был введен
> («Рай», XXX, 124, 127) [Данте, 1967, с. 449].
>
> Так белой розой, чей венец раскрылся,
> Являлась мне святая рать высот
> («Рай», XXXI, 1-2) [Данте, 1967, с. 451]» [Назаров, 2021, с. 47].

Исследователь также отмечает полисимволичность Райской Розы: «В теологическом плане роза символизирует для Данте таинство Боговоплощения, что определяет ее неразрывную связь с Христом и Богородицей... <…> ...цвет белых одежд праведников, стоящих вокруг престола перед Агнцем в день Страшного суда (Откр. 7: 9)»; «розовые окна» (средневековых соборов) [Назаров, 2021, с. 50–51, 53].

М. Баттистини, анализируя картину Бенвенуто Тизи «Непорочное зачатие и Отцы Церкви» (первая половина XVI в.) [Тизи], определяет розу как символ благодати и божественной любви [Баттистини, 2008, с. 117]. На картине Тизи также представлено таинство, но не Крещения, а Непорочного зачатия.

Однако «роза» в стихотворении Шварц называется не белой или красной, а по цвету фрески — «серой». Как отмечает Н. В. Арнаутова, серый цвет в христианской культуре является цветом скорби и смирения. В Библии серый цвет считается цветом покаяния и траура: ранее в первый день поста посыпали пеплом головы грешников, которые приходили покаяться[ii]. Древние евреи выражали свою скорбь во время похорон при помощи посыпания пеплом головы [Арнаутова, 2014] (см. также [Барышева, 2010, с. 101–106]).

Эта же христианская символика розы в онтологическом прочтении обнаруживается в других стихах поэта. В стихотворении «От пчелы» из цикла «Воздушное евангелие» (1982) Христос говорит пчеле о мистической розе:

> …Ты, верно, чуешь
> Нездешнюю мерцающую розу.
> Она как будто рядом, но на деле
> Дорога к ней через глухую ночь [Шварц, 2002, с. 139].

В цикле «Лоция ночи» (1987) церковь с луковками без крестов сравнивается с созревающей розой:

...обломки, как отростки
Цветов невидимых, свободных.
А, может, созревает роза,
Которая кресту природна [Шварц, 2002, с. 221].

В стихотворении «В монастыре близ албанской границы» (1991) дорога среди роз в саду православного монастыря ведет к горней Розе:

Меж роз, белеющих чуть в алость.
Такая чистота и жалость,
О розы, раните вы больно!
В живом пронзающем морозе
И я колени преклоняла,
Молясь пречистой вышней Розе
Об увядающих и малых [Шварц, 2002, с. 310].

В стихотворении «Война роз» (1993) дается евхаристический образ Серой розы, которая «в мраке шипами острея, / В горах сторожила Грааль» [Шварц, 2002, с. 314].

В августе 2005 г. Шварц читает книгу католического монаха XIV в. Иоанна Хильдесхаймского «Легенда о трех святых царях», в которой ее заинтересовала апокрифическая история о розах: «иерихонские розы росли вдоль пути Богородицы с младенцем в Египет. Вообще они чаще встречаются в Аравии и Египте, чем в Палестине» [Шварц, 2013, с. 102].

Далее Шварц описывает, как Иоанн Креститель на фреске поливает Христа из чаши иорданской водой: «И с водой в руке зажатой прыгнул в небо Иоанн» [Шварц, 2008а, с. 43].

Вода — не только образ Крещения, но и онтологический символ жизни. Вода как первоэлемент присутствует в Книге Бытия: «В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма была над бездною, и Дух Божий носился над водою» (Быт. 1: 1–2). Комментируя эти строки, раннехристианский богослов Тертуллиан трактовал воду как «вещество всегда совершенное, приятное, простое, само по себе чистое» и поэтому достойное «носить Бога» [Тертуллиан]. Вода на фреске изображена крупным планом неслучайно, ведь она является символом Крещения и очищения. На фреске и в стихотворении Шварц вода связана с Духом Божиим.

Библейский образ воды антиномичен. В повествовании о потопе происходит уничтожение человечества, однако затем с помощью воды жизнь и человечество обновляется. В Крещении вода символизирует очищение от грехов, спасение и духовное возрождение. Возвращаясь к Крещению, Христос является искупителем, Мессией. Примечательно, что обряд Крещения, совершаемый Иоанном Крестителем, у иудеев назывался «микве» (скопление воды в буквальном смысле).

Об антиномичности образа воды Шварц писала еще в докладе 1977 г. под названием «Вода — убийца и спаситель», посвященном «аквиальной системе», философии воды в поэзии М. Кузмина. Считая поэта одержимым духом Воды, Шварц выделила в его стихах три аспекта воды: «1) Жизнь как существование в глубине, на дне. 2) Вечная жизнь в выси, София, горняя вода. 3) Видимость жизни, полужизнь — возвращение двойника, отброшенного в воду № 1, не сумевшего войти в воду № 2» [Шварц, 2008а, с. 293].

Крещенская символика воды присутствует в стихотворении «Крещение во сне» (1991):

Хоть я когда-то крестилась в огне,
Но растворенное сердце забыло
Прежнюю милость, и славу, и силу:
Все же очистись, омойся, как все.

Звезды качаются, в землю скользя,
Поп золотой исчезает вдали,
Тихо подземные льются ключи,
Вины, заботы мои унося [Шварц, 2002, с. 295].

Вербальный и визуальный планы различаются в изображении Крещения. На фреске (рис. 1) Иоанн совершает обряд Крещения, сверху поливая Иисуса водой. В стихотворении Иоанн, стоя на камне, устремляется ввысь, словно совершает прыжок («прыгнул в небо Иоанн»). На фреске же Иоанн слегка наклонился к Иисусу. Одной ногой Иоанн уверенно стоит на камне, а вторая ступня почти полностью скрыта иорданскими водами. Иоанн изображен в алой накидке, которую придерживает одной рукой, боясь коснуться Христа. В стихотворении в большей степени передана динамика прыжка Иоанна. Шварц наделяет изображение дополнительными актуальными смыслами. Прыжок Иоанна в небо является в стихотворении движением от земного пространства к небесному (устремление ко Христу).

В третьей строке упоминается «мокренький туман» над Иорданом, который отсутствует на фреске: «Таял над рекой рассветный легкий мокренький туман» [Шварц, 2008а, с. 43].

Туман связан с мимолетностью и невесомостью. Глагол «таял» указывает на мгновенное рассеивание тумана. Туман мыслится как переход из одного состояния в другое (переход через границу Крещения). Через темноту, мрак и греховность человек должен выйти к ясности и очищению. В Книге Иова туман превращается Богом в дождь: «Он собирает капли воды; они во множестве изливаются дождем» (Иов. 36: 27). Иоанн имплицитно сравнивается с туманом:

Но пролился же на Бога Иордановым дождем
Иоанн — и растворился, испарился как слова [Шварц, 2008а, с. 43].

«Растворился» и «испарился» свойственны природным явлениям (в данном случае туману). Иоанн как бы погружен в природный, онтологический контекст.

В следующих строках начинается процесс Крещения, где Иоанн сжимает руку так, как будто в ней онтологически присутствует горящий уголь:

Иоанн сжимает руку, будто уголь там, огонь,
И над Богом размыкает свою крепкую ладонь [Шварц, 2008а, с. 43].

В Священном Писании горящий уголь означал освящение и очищение от грехов. У пророка Исайи было видение, в котором он увидел Бога в окружении серафимов. Исайя устрашается Его и плачет о своей и народа нечистоте, греховности. Бог посылает к нему серафима, который берет горящий уголь с жертвенника и касается уст Исайи, тем самым очищая его от грехов: «Тогда прилетел ко мне один из Серафимов, и в руке у него

горящий уголь, который он взял клещами с жертвенника» (Ис. 6: 6). С помощью угля совершается действие Духа Божия, который освящает уста пророка [Никифор (Бажанов), 2005, с. 651]. Преп. Ефрем Сирин толковал этот эпизод следующим образом: «Угль изображает собой Еммануила, Который, соединившись с восприятой от нас плотью, вземлется ею, как клещами. Прикоснувшись к устам пророка, изображавшего собой всех нас, угль очистил его от греха и нечистоты» [Ефрем Сирин]. Однако в стихотворении Шварц эта библейская символика наполняется онтологическим измерением.

Библейская символика угля присутствует в других стихах Шварц. В стихотворении «Три царя на рождественском базаре» (1993) Богомладенец

…угли разжег в глазницах,
Сказал: посвети окрест —
Увидел я, сном томим,
И Змия, кусавшего хвост,
И Его, несущего крест, —
И все это было одним [Шварц, 2002, с. 228].

В стихотворении «Плаванье» (2000):

Из сердца и в сердце — подкожный святой уголек,
Красная нитка строчила, сшивала творенье Твое! [Шварц, 2002, с. 32].

В «маленькой поэме» «Новогоднее каприччо» (2006) образ горящих углей возникает в рождественском контексте:

Рассыпанной жаровней город
Внизу лежит, мы под углями
Горящими, и Бог наш с нами.
Ему иль нам — кому больней? [Шварц, 2008а, с. 97].

В пасхальном стихотворении «Неопалимая Купина» (2008) ветхозаветный сюжет о горящем терновом кусте соединяется с образом горящего угля и распятия:

В неопалимой купине
Провижу уголь уст.
Распят, распят и человек,
И ты — терновый куст [Шварц, 2013, с. 12].

Далее Иоанн Креститель обращается ко Христу как к живому цветку, описывая обряд Крещения через метафору реального поливания цветка:

Будто цвет он поливает и невидимый цветок, < … >
Расцветай же, расцветай же, мой Творец и Господин, < … >
Умывайся, освежайся, мой невидимый цветок,
Человек придет и срежет, потому что он жесток [Шварц, 2008а, с. 43].

На фреске Христос изображен с вытянутым, устремляющимся к небу телом. Его образ едва уловим: прозрачная набедренная повязка; ноги, погруженные в прозрачную воду; тело словно светится изнутри. Иисус-Цветок выглядит тонким, легким, изящным. Стихия воды онтологически сливается с Христом через ноги (связь с природным), а также через само поливание водой макушки. Вода объемлет всё тело Христа: с головы до пят.

Поливание Христа как цветка онтологически символизирует саму жизнь, перерождение. Христос связан с чистотой и свежестью, на что указывают глаголы в повелительном наклонении («расцветай», «умывайся», «освежайся»). Однако Христу суждено пролить жертвенную кровь: «Кровь реки летит и льется чрез него, как водосток» [Шварц, 2008а, с. 43]. Кровь сравнивается с водостоком — с быстрым и стремительным течением реки. Распятие Иисуса дается через метафору срезания цветка[iii]: «Человек придет и срежет, потому что он жесток» [Шварц, 2008а, с. 43].

Затем Шварц отсылает к чуду претворения воды в вино на браке в Кане Галилейской[iv]: «Ты просил воды у мира и вернул ее вином» [Шварц, 2008а, с. 43]. Тема претворения воды в вино в Кане Галилейской переходит в тему жертвенной крови Христа, пролитой в Распятии:

> Кровью — надо человеку, потому что он жесток.
> Но пролился же на Бога Иордановым дождем
> Иоанн — и растворился, испарился как слова [Шварц, 2008а, с. 43].

Тема крещенского дождя (благодатной влаги в иорданской пустыни) контрастирует образу сухих мощей — главы Иоанна Крестителя[v], которую Шварц видела в храме Сан-Сильвестро-ин-Капите (итал. La chiesa di San Silvestro in Capite — Церковь св. Сильвестра на Главе), находящемся в Риме, на площади Сан-Сильвестро в районе Колонна:

> И лежит в соборе римском смоляная голова,
> Почерневши от смятенья, от длиннот календаря,
> Он лежит как lapis niger,
> Твердо зная, что наступит тихо серая заря [Шварц, 2008а, с. 43].

Голова Иоанна предстает в образе черных мощей. В мифологии смола связана с бальзамированием, поэтому означала неподверженность разложению и бессмертие; использовалась как ритуальное благовоние (ладан — ароматическая древесная смола). Но черная смола является также одним из атрибутов наказания грешников в аду [Пильгун, 2019, с. 259].

Главу Иоанна Шварц сравнивает с Lapis Niger (лат. «Черный камень») — квадратной поверхностью из черного мрамора на римском Форуме, обнаруженной на рубеже XIX–XX вв. Lapis Niger относится к временам правления римских императоров. Согласно преданию, на месте «черного камня» был захоронен первый правитель Рима Ромул. Черный камень ассоциируется со смертью: голова Иоанна уже неживая, как и камень. А. В. Марков связывает Lapis Niger с Нигредо (лат. Nigredo — буквально «чернота») — алхимическим термином, обозначающим полное разложение. Нигредо может обозначать создание философского камня, а именно: появление камня из однородной черной массы, из которой можно было получить эликсир. В алхимической символике аллегориями нигредо являлись ворон и sol niger (черное солнце). Исследователь отмечает, что нигредо является алхимическим камнем, материальный осадок которого есть результат трансмутации. В свою очередь, серая заря «намекает на алхимическую символику производства золота (солнца) из серой ртути» («Твердо зная, что наступит тихо серая заря») [Марков, 2020, с. 12–13].

В строке о серой заре Шварц выражает эсхатологическую надежду на Второе пришествие Христа, поскольку в христианской культуре за серым цветом закрепилось значение воскрешения из мертвых, телесной смерти и духовного бессмертия [Барышева, 2010, с. 105], смерть тела и бессмертие души, недаром в сценах судного дня Христос изображается в сером одеянии [Арнаутова, 2014].

Заключение

Таким образом, мы рассмотрели, как соотносятся в стихотворении три уровня образа: художественный текст, визуальные образы фрески Фра Анджелико и символика (культурные коды). Онтологический экфрасис помогает поэту найти новые способы в раскрытии традиционной христианской темы. Визуальные образы раннеренессансной фрески приобретают в тексте онтологический статус (голубь, «роза», серый цвет, вода, туман, уголь (огонь), цветок, река, кровь, вино, мощи (глава Иоанна Крестителя), Lapis Niger, заря). Эти образы через символы и культурные коды раскрывают метафизику Крещения в историко-культурной и в современной перспективе, оставляя читателю варианты интерпретаций. В духе самого раннеренессансного художника Шварц онтологически перекодирует средневековую символику Крещения, погружая ее в реальность, воспринимая христианскую историю как борьбу жизни и смерти, завершающуюся эсхатологической надеждой на Второе пришествие Христа. Фра Анджелико оказался созвучен Шварц именно как художник раннего Возрождения, в его движении от средневековой мистики к ренессансному гуманизму и онтологизму.

Примечания

i. Исследователь отмечает следующие культурные принципы искусства Кватроченто в Италии, которые намечаются у Фра Анджелико: «преклонение перед красотой природы и совершенством человека, жизнерадостное наслаждение жизнью, упоение яркими бликами солнца на зелени холмов, бархатной лаской зари, стальным отливом бурного Арно» [Дживелегов, 1998, с. 132].

ii. В рассказе Шварц «Трогальщик» (2003) присутствует близкая семантика — паломники накануне Пасхи в иерусалимском храме Гроба Господня ставят свечи «в серый мягкий, как пыль и пепел, песок у изголовья» [Шварц, 2008б, с. 165].

iii. Близкий мотив распятия Христа-Цветка находим в стихотворении «Синенький цветочек…» (2000):

Тени тут, как ночью,
Бродят, не любя.
Синенький цветочек,
Не сомну тебя!
Как мне было б жутко
Раздавить его,
Он глядит так кротко
В пятку синевой.
Закрывая очи,
Видит странный сон,
Будто он — цветочек,
Сын горы Сион [Шварц, 2002, с. 409–410].

iv. Первое чудо Христа в Евангелии от Иоанна:

> «На третий день был брак в Кане Галилейской, и Матерь Иисуса была там. Был также зван Иисус и ученики Его на брак. И как недоставало вина, то Матерь Иисуса говорит Ему: вина нет у них. Иисус говорит Ей: что Мне и Тебе, Жено? еще не пришел час Мой. Матерь Его сказала служителям: что скажет Он вам, то сделайте» (Ин. 5: 7–9).

v. Иоанн Креститель был обезглавлен по приказу царя Ирода, которого попросила Иродиада. Иоанн обличал Ирода за то, что он жил с женой (Иродиадой) своего брата Филиппа. Во время пиршества (в день рождения Ирода) дочь Иродиады Соломея исполнила танец, который понравился царю. За танец царь пообещал выполнить любое желание Соломеи. Дочь Иродиады по наущению матери своей попросила у Ирода голову Иоанна Крестителя на блюде (Мф. 14: 8). По преданию, даже после усекновения голова Иоанна Крестителя продолжала обличать Ирода и Иродиаду, поэтому царевна боялась захоронения головы вместе с телом Иоанна Предтечи.

Список источников

Арнаутова Н. В. 2014. Предметная и вербальная символика серого в русской этнической культуре // Филологические науки. Этно-, социо- и психолингвистика. № 9. http://www.rusnauka.com/15_NNM_2014/Philologia/9_170608.doc.htm (дата обращения: 11.03.2024).

Барышева Я. А. 2010. Когнитивный механизм серого цвета в культуре народов мира // Вестник Бурятского государственного университета. № 10. С. 101–106.

Баттистини М. 2008. Символы и аллегории: Визуальные коды понятий в произведениях изобразительного искусства / пер. с итал. В. Ю. Траскина. М.: Омега. 384 с.

Веселовский А. Н. 1939. Из поэтики розы // Веселовский А. Н. Избранные статьи. Л.: Художественная литература. С. 132–139.

Геллер Л. 2002. Воскрешение понятия, или Слово об экфрасисе // Экфрасис в русской литературе. Труды Лозаннского симпозиума. М.: МИК. С. 5–22.

Данте А. 1967. Божественная комедия / пер. М. Лозинского; изд. подгот. И. Н. Голенищев-Кутузов; примеч. И. Н. Голенищева-Кутузова и М. Л. Лозинского. М.: Наука. 627 с.

Дживелегов А. К. 1998. Творцы итальянского Возрождения: в 2 кн. Кн. 1 / общ. ред. и сост. Р. Хлодовского. М.: ТЕРРА — Книжный клуб; Республика. 352 с.

Ефрем Сирин, преп. Толкования на священное Писание. Книга пророка Исаии. https://azbyka.ru/otechnik/Efrem_Sirin/tolkovanie-na-knigu-proroka-isaii/6 (дата обращения: 23.05.2023).

Иоанн Златоуст, свт. Толкования на Евангелие от Матфея 3:16. https://azbyka.ru/biblia/in/?Mt.3:16 (дата обращения: 23.05.2023).

Марков А. В. 2020. Закономерности христианской культуры в поздней поэзии Елены Шварц // Культурный код. № 3. С. 7–14. https://doi.org/10.36945/2658-3852-2020-3-7-14

Медведев А. А. 2015. «Сердце милующее»: образы праведников в творчестве Ф. М. Достоевского и св. Франциск Ассизский // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. Т. 139. № 2. С. 222–233. https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/31661/1/iurg-2015-139-21.pdf

Медведев А. 2018. «Никто, как ты, не подошел к Евангелию близко»: рецепция Евангелия в русской францискиане Серебряного века (Д. Мережковский, С. Дурылин, С. Соловьев) // Новозаветные образы и сюжеты в культуре русского модернизма / сост. и отв. ред. О. А. Богданова, А. Г. Гачева. М.: Индрик. С. 200–220.

Медведев А. 2021. Модернистский экфрасис в эссе Марины Цветаевой «Наталья Гончарова. Жизнь и творчество» // Studia Interkulturowe Europy Środkowo-Wschodniej. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego. Т. 14. С. 196–223. https://doi.org/10.31338/2544-3143.si.2021-14.10

Назаров В. Н. 2021. Архитектоника и символика Райской Розы в «Божественной Комедии» Данте // Наука. Искусство. Культура. № 2 (30). С. 44–58.

Никифор (Бажанов), архим. 2005. Иллюстрированная библейская энциклопедия. М.: Локид-Пресс; РИПОЛ классик. 795 с.

Пильгун А. 2019. Потусторонний мир Средневековья: рай, чистилище, ад и их персонажи в визионерских текстах и миниатюрах из западноевропейских рукописей IX–XV веков. М.: Гамма-Пресс. 467 с.

Сурат И. З. 2022. Голгофа // Литературный факт. № 3 (25). С. 163–194. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-25-163-194

Тертуллиан. О крещении / под. ред. А. А. Столярова. М.: Прогресс-культура. https://tertullian.org/russian/de_baptismo_rus.htm (дата обращения: 23.05.2023).

Тизи Бенвенуто. 1525–1550. Непорочное зачатие и Отцы Церкви. Милан, Пинакотека Брера. https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Garofalo_-_Madonna_in_Glory_and_Holy_Hones_-_Google_Art_Project.jpg

Топоров В. Н. 1994. Роза // Мифы народов мира: Энциклопедия в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Российская энциклопедия. Т. 2. С. 386–387.

Ханзен-Лёве О. А. 2016. Интермедиальность в русской культуре: От символизма к авангарду / пер. с нем. Б. М. Скуратова, Е. Ю. Смотрицкого. М.: Российский гос. гумм. ун-т. 450 с.

Шварц Е. А. 2002. Сочинения. Т. 1. СПб.: Пушкинский фонд. 461 с.

Шварц Е. А. 2008а. Сочинения. Т. 3. СПб.: Пушкинский фонд. 345 с.

Шварц Е. А. 2008б. Сочинения. Т. 4. СПб.: Пушкинский фонд. 327 с.

Шварц Е. А. 2013. Сочинения. Т. 5. СПб.: Пушкинский фонд. 394 с.

Meyer I. 2022. Fra Angelico — A Look at This Iconic Early Renaissance Painter // Art in Context. March 22. https://artincontext.org/fra-angelico/ (дата обращения: 11.03.2024).

References

Arnautova, N. V. (2014). Subject and verbal symbolism of gray in Russian ethnic culture. *Philological Sciences. Ethno-, Socio- and Psycholinguistics,* (9). http://www.rusnauka.com/15_NNM_2014/Philologia/9_170608.doc.htm [In Russian]

Barysheva, Ya. A. (2010). Cognitive mechanism of gray color in the culture of the nations. *Bulletin of Buryat State University. Philosophy*, (10), 101–106. [In Russian]

Battistini, M. (2008). *Symbols and Allegories: Visual Codes of Concepts in Works of Fine Art*. (B. Yu. Traskin, Trans.). Omega. (Original work published 2004). [In Russian]

Veselovsky, A. N. (1939). From the poetics of the rose. In A. N. Veselovsky, *Selected Articles* (pp. 132–139). Khudozhestvennaya literatura. [In Russian]

Geller, L. (2002). Resurrection of the concept, or a Word about ekphrasis. In L. Geller (Ed.), *Ekphrasis in Russian literature. Proceedings of the Lausanne Symposium* (pp. 5–22). MIK. [In Russian]

Dante, A. (1967). *Divine Comedy*. (M. Lozinsky, Trans.; I. N. Golenishchev-Kutuzov, Ed.). Nauka .(Original work published 1472). [In Russian]

Dzhivelegov, A. K. (1998). *Creators of the Italian Renaissance: In 2 vols. Vol. 1.* Respublika. [In Russian]

Efrem Sirin, , prep. (n.d.). *Interpretations of Holy Scripture. Book of the prophet Isaiah*. Retrieved May 23, 2023, from https://azbyka.ru/otechnik/Efrem_Sirin/tolkovanie-na-knigu-proroka-isaii/6 [In Russian]

Ioann Zlatoust, svt. (n.d.). *Commentaries on the Holy Gospel Matthew 3:16.* Retrieved May 23, 2023, from https://azbyka.ru/biblia/in/?Mt.3:16 [In Russian]

Markov, A. V. (2020). The laws of Christian culture in the late poetry of Elena Schwartz. *Cultural Code,* (3), 7–14. https://doi.org/10.36945/2658-3852-2020-3-7-14 [In Russian]

Medvedev, A. A. (2015). "The Forgiving Heart": The Images of Righteous People in F. M. Dostoevsky's Creative Work and St. Francis of Assisi. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts, 139,* 222–233. https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/31661/1/iurg-2015-139-21.pdf [In Russian]

Medvedev, A. (2018). "No One Else Got So Close to the Gospel Than You": Reception of the Gospels in the Russian Franciscana of the Silver Age (D. Merezhkovsky, S. Durylin, S. Solovyov). In O. A. Bogdanova, & A. G. Gacheva (Eds.), *New Testament Images and Plots in the Culture of Russian Modernism* (pp. 200–220). Indrik. [In Russian]

Medvedev, A. (2021). Modernist ekphrasis in Marina Tsvetaeva's essay "Natalia Goncharova. Life and Work". *Studia Interkulturowe Europy Środkowo-Wschodniej, 14,* 196–223. https://doi.org/10.31338/2544-3143.si.2021-14.10 [In Russian]

Nazarov, V. N. (2021). Architectonics and symbolism of the Paradise Rose in Dante's *Divine Comedy*. *Science. Arts. Culture, 2*, 44–58. [In Russian]

Nikifor (Bazhanov), A. M., arkhim. (2005). *The Illustrated Bible Encyclopedia.* Lokid-Press; RIPOL klassik. [In Russian]

Pilgun, A. (2019). *The Other World of the Middle Ages: Heaven, Purgatory, Hell and Their Characters in Visionary Texts and Miniatures from Western European Manuscripts of the 9th–15th c.* Gamma-Press. [In Russian]

Surat, I. Z. (2022). Calvary. *Literaturnyiy fakt [Literary Fact],* (3), 163–194. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-25-163-194 [In Russian]

Tertullian. (1994) *De Baptismo (On Baptism)* (A. A. Stolyarov, Ed.). Progress-Kultura. Retrieved May 23, 2023, from https://tertullian.org/russian/de_baptismo_rus.htm [In Russian]

Tizi, Benvenuto. (1525–1550). *Madonna in Glory and Holy Hones* [Painting]. Milan, Pinakoteca di Brera. Wikimedia Commons. https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Garofalo_-_Madonna_in_Glory_and_Holy_Hones_-_Google_Art_Project.jpg

Toporov, V. N. (1994). Rose. In S. A. Tokarev (Ed.), *Myths of the World: An Encyclopaedia: in 2 vols.* (2nd ed., Vol. 2, pp. 386–387). Rossiyskaya entsiklopediya. [In Russian]

Hansen-Levet, O. A. (2016). *Intermediality in Russian culture: From symbolism to the Avant-Garde*. (B. M. Skuratov, & E. Yu. Smotritsky, Trans.). RSUH. [In Russian]

Shvarts, E. A. (2002). *Works, vol. 1.* Pushkinskiy fond. [In Russian]

Shvarts, E. A. (2008a). *Works, vol. 3.* Pushkinskiy fond. [In Russian]

Shvarts, E. A. (2008b). *Works, vol. 4.* Pushkinskiy fond. [In Russian]

Shvarts, E. A. (2013). *Works, vol. 5*. Pushkinskiy fond. [In Russian]

Meyer, I. (2022, Mar. 22). Fra Angelico — A Look at This Iconic Early Renaissance Painter. *Art in Context*. Retrieved Mar. 11, 2024, from https://artincontext.org/fra-angelico/

Информация об авторе

Екатерина Алексеевна Чертенко, магистрант, кафедра языкознания и литературоведения, Институт социально-гуманитарных наук, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
katya.chertenko2000@mail.ru, https://orcid.org/0009-0007-7797-2560

Information about the author

Ekaterina A. Chertenko, Master Student, Department of Linguistics and Literary Studies, Institute of Social Sciences and Humanities, University of Tyumen, Tyumen, Russia
katya.chertenko2000@mail.ru, https://orcid.org/0009-0007-7797-2560

Научная статья / Research Article
Литературоведение
https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-1-100-115
УДК 82

Автор и повествователь в текстах фанфикшн-сообщества (на материале фанфиков по литературной классике)

Владимир Владимирович Петров✉

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
Контакт для переписки: vl.v.petrov@utmn.ru✉

Аннотация. В последнее десятилетие объектом русскоязычных исследований фанфикшн, или fan studies, всё чаще становится непосредственно текст фанфика с его структурными, стилевыми и художественными особенностями. Фигура автора в фанатском сообществе всегда была одной из важнейших точек fan studies; однако на современном этапе исследований социологический аспект авторства изучен гораздо лучше, чем литературоведческий. Действующий в фанфикшн-сообществе особый режим коммуникации усложняет традиционную модель отношений автора и читателя, трансформируя формы взаимодействия фикрайтера и фикридера, что создает определенный пробел в академическом описании форм авторства в фанфикшн.

Для поддержания диалога «автор — читатель — первоисточник» фикрайтер вводит специфическую фигуру нарратора. Описав нарратора в фанфиках по мотивам русской классической литературы, сопоставив результаты с метатекстовой информацией (авторская атрибуция фанфика, предисловия и посвящения, комментарии автора и читателей) и дополнив наблюдения результатами глубокого интервью, мы приходим к выводу, что нарратор имеет ряд обязательных и необязательных особенностей, которые позволяют ему выступать внутритекстовым посредником в диалоге автора и читателя.

Такой нарратор может быть помещен внутрь фикционального мира в качестве персонажа и одновременно транслировать точку зрения внетекстового автора. При этом данная фигура значительно отличается от традиционного представления о «герое-резонере». Анализ повествовательной структуры показывает, что нарратор в фанфике — это художественная проекция автора фанфика, посредством которой фикрайтер обретает «голос»; часто ни читатели, ни сам автор не могут провести границу между биографическим и художественным автором.

© Автор(ы), 2024

Нарратор «создает» историю и синхронно комментирует собственное произведение, управляет героями. Это согласуется с авторской интенцией в фанфике: посредством творческой интерпретации автор «изнутри» и «извне» текста инициирует диалог читателей с классическим текстом-первоисточником.

Ключевые слова: литературоведение, фанфикшн, fan studies, классический текст, автор, нарратор, авторская интенция

Цитирование: Петров В. В. 2024. Автор и повествователь в текстах фанфикшн-сообщества (на материале фанфиков по литературной классике) // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 10. № 1 (37). С. 100–115. https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-1-100-115

Поступила 29.01.2024; одобрена 25.02.2024; принята 04.03.2024

Author and narrator in fanfiction community texts (a study of fanfics based on literary classics)

Vladimir V. Petrov✉

University of Tyumen, Tyumen, Russia
Corresponding author: vl.v.petrov@utmn.ru✉

Abstract. Recent research on Russian-language fanfiction has focused on analyzing the fanfic text itself, exploring its structural, stylistic, and artistic aspects. While the role of the author in the fanfiction community has always been crucial, the current research emphasizes a more comprehensive investigation of the sociological dimension of authorship rather than its literary aspects.

The unique communication style prevalent in the fanfiction community challenges the traditional model of author-reader relations, leading to a shift in the dynamics of interaction between ficwriters and ficreaders. This change creates a noticeable gap in the academic understanding of the different forms of authorship in fanfiction.

To maintain a meaningful author–reader–original text dialogue, ficwriters introduce a specific narrator persona. Our study, which examines narrators in fanfics based on Russian classical literature through comparative analysis with metatextual information and insights from in-depth interviews, concludes that the narrator possesses both obligatory and optional features. These features enable the narrator to act as an intratextual mediator in the ongoing dialogue between the author and the reader.

The narrator seamlessly integrates into the fictional world as a character while conveying the author's perspective outside the text. This role significantly differs from the conventional concept of a "raisonneur." The analysis of the narrative structure

reveals that the narrator in fanfiction serves as an artistic projection of the fanfic author, blurring the lines between biographical and artistic authorship for both readers and the author. The narrator actively contributes to the storytelling process, providing synchronous commentary on their own work and exercising control over the characters. This aligns with the authorial intention in fanfiction, where the author initiates a dialogue between readers and the classic source text, both "from inside" and "outside" the text through creative interpretation.

Keywords: literary criticism, fanfiction, fan studies, literature classic, author, narrator, authorial intent

Citation: Petrov, V. V. (2024). Author and narrator in fanfiction community texts (a study of fanfics based on literary classics). *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, 10*(1), 100–115. https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-1-100-115

Received Jan. 29, 2024; Reviewed Feb. 25, 2024; Accepted Mar. 4, 2024

Введение

В фандомах (тематических онлайн-сообществах) действует особая модель отношений читателя и писателя: между автором фанфика и читателем отсутствует ряд традиционных для «элитарной» и «массовой» культуры барьеров [Самутина, 2013, с. 139]. Говоря словами А. Компаньона, характеризовавшего специфику интерпретативных сообществ, в фанфикшн «деконструирована всякая иерархия, связывающая автора, текст и читателя»; чтение и письмо не рассматриваются более как конкурентные явления [Компаньон, 2001, с. 190–191]. Читатель и писатель сливаются в одну фигуру [Bronwen, 2011, с. 2]: тот, кто пишет фанфики (фикрайтер), одновременно выступает читателем (фикридером) других фанфиков (в том числе и своего собственного), а каждый читатель оказывается потенциальным автором. Коллективное авторство реализуется если не прямо, то косвенно: например, в функции бета-ридера, редактирующего текст, или искушенного комментатора, высказывающего пожелания по развитию сюжета, дающего подсказки автору, направляющего повествование.

Роль читателя в фанфикшн-сообществе рассматривается как в русскоязычных (Самутина), так и в англоязычных исследованиях (Jenkins, Bronwen). Во многом формат коммуникации членов сообщества связывается с игровым характером литературы фанфикшн. Одна из установок при создании фанфика — обсуждение и коллективная интерпретация первоисточника [Bronwen, 2011, с. 8–9]. В качестве форм коллективной деятельности фикрайтеров обычно указываются создание работ на конкурсы, написание фанфиков по заявкам, перестройка сюжета и корректура текста согласно комментариям, общение с читателями фанфика. Однако всё это (за исключением перестройки сюжета) акцентирует внимание на внетекстовой активности фикрайтера как участника фанатского комьюнити. На наш взгляд, устремление к поддержанию коммуникации прослеживается и во внутритекстовой структуре, в конструировании фанфика как художественного целого и особенно — в специфической фигуре повествователя.

Целью данной работы является характеристика образа нарратора, который обеспечивает диалог читателя фанфика и фикрайтера, совместную интерпретацию первоисточника. Фикрайтер поддерживает литературную игру, реализует интенцию к коммуникации посредством наделения повествователя статусом «авторского голоса», способного взаимодействовать и с читателем, и с персонажами истории. Он находится на границе фикционального мира, воспринимая фанфик одновременно и как художественную реальность, и как литературное произведение, которое пишется здесь и сейчас. Это позволяет отличить нарратора от функционально близких повествовательных инстанций — классического героя-резонера и традиционного для фанфикшн персонажа Мери-Сью. Образ повествователя в фанфикшн соотносится с персонифицированным рассказчиком в классических произведениях («Мертвые души», «Евгений Онегин» и др.), однако специфика непрофессионального творчества в Сети накладывает особенный отпечаток на повествователя, что в разных случаях приводит к нарушению границ фикционального мира.

Методы

В основе исследования лежит представление о трех авторских инстанциях, заложенное М. М. Бахтиным и получившее развитие в работах Б. О. Кормана, Ж. Женетта, В. Шмида, Н. Д. Тамарченко: авторе биографическом (реальном человеке), художественном (имплицитном) авторе и персонаже, который может носить автобиографический характер, отсылая к личности реального человека — биографического автора. Для фанфикшн характерна игра на переходе от одного типа к другим: мир, развернутый в тексте, диалогически соотнесен с внетекстовыми элементами фанфика («атрибуция», комментарии, авторские сноски и замечания по поводу читательских откликов). Причем постоянно меняющиеся паратекстуальные элементы дают возможность непосредственного диалога с читателем и предзадают стратегию чтения текста, созданного на основе хорошо известного источника. Нарратор регулярно перемещается между планом повествуемой истории и планом повествования, что порождает игру между диететической и недиегетической позициями [Шмид, 2003, с. 81] артикулирующего субъекта, а также создает иллюзию непосредственного участия биографического автора в им же созданном тексте.

Отметим, что в статье не стоит задача охарактеризовать социальный тип фикрайтера: важно показать, как личное участие автора сказывается на процессе конструирования фанфикшн-текста.

Анализируя повествовательные инстанции, мы опираемся на теорию нарратива (М. Бал, В. Шмид, Ю. М. Лотман), в рамках которой нарратор понимается как «носитель функции повествования безотносительно к каким бы то ни было типологическим признакам» [Шмид, 2003, с. 65]. Нами также задействовано понятие фокализации[1] («the relationship between the vision, the agent that sees, and that which is seen» [Bal, 2017, с. 135]). В применении к fan studies теория нарратива позволяет увидеть в развернутых

[1] Мы учитываем, что позиция нарратора определяется его кругозором, спецификой фокализации и рядом других факторов, однако детальное изучение данного аспекта фанфикшн-повествования требует дополнительного исследования.

паратекстуальных компонентах текста смену повествовательных инстанций и оценить участие автора и читателя.

Описывая читательское восприятие текста (фанфика и классического первоисточника), мы используем инструментарий историко-функционального подхода (Ю. Манн, М. В. Загидуллина). Отчасти задействована теория коммуникации (Р. Якобсон): текст фанфика понимается как акт высказывания.

Результаты и обсуждение

Гипотеза исследования

Исследование основано на материале фанфиков по мотивам русской классической литературы, а именно фандомов «Евгений Онегин», «Герой нашего времени», «Преступление и наказание», «Горе от ума». Всего проанализировано 35 текстов. Выбор материала продиктован гипотезой, согласно которой классический текст, будучи «многослойным и семиотически неоднородным» [Лотман, 1992, с. 131], оказывает влияние на повествовательную структуру фанфика. К формам такого влияния относится: 1) перенос персонифицированного повествователя из текста-источника во вторичный текст («Евгений Онегин»), стилизация фанфикшн-нарратора под первоисточник; 2) наделение нарратора в фанфике чертами биографического автора-классика, образ которого, несомненно, мифологизируется под влиянием современной интерпретации произведений в школе или в массовой культуре.

Специфическая коммуникативная среда

Фанфикшн-комьюнити предполагает творческую свободу в рамках устоявшихся правил и норм толкования произведения, поскольку в интерпретативном сообществе снимается противопоставление авторской, читательской, критической, исследовательской точек зрения на текст [Пейгина, 2018, с. 238]. Одной из ключевых черт фанфикшн является игровой характер. Так, изучая фанфики в практике школьного образования, Н. В. Кургузова и Ф. М. Федорчук называют фанфикшн «ролевой игрой», которой присуща «кодировка, расшифровка условных знаковых элементов, игровая инициация, специфика коммуникации» [Кургузова, Федорчук, 2020, с. 238]. При этом под кодировкой/расшифровкой знаков понимается возможность писателя (фикрайтера) и читателя (фикридера) фанфика свободно обращаться со знаковыми элементами текста-первоисточника: понимать характеры персонажей, знать нюансы сюжетных ходов и свободно ориентироваться в фактах вымышленного мира. Правила игры с классическим произведением заданы структурой сетевого пространства, где создаются и распространяются тексты, при том что исследовательский потенциал «неакадемического» (фанатского) анализа источника почти не отличается от литературного творчества [Калкаева, 2021, с. 220].

Можно провести следующую аналогию: игра в фанфикшн-сообществе — это игра в декодирование, где цель — не разгадать шифр, а получить удовольствие в процессе разгадки. При этом «загадывание» и «разгадывание» шифра возможно благодаря т. н. компрессии значений в литературе фанфикшн [Stasi, 2006, с. 129]. Для реализации главной установки фанатского творчества читатель фанфика обязан (в той или иной

степени) знать первоисточник, при этом обширность и глубина познаний пропорционально увеличивают потенциал считывания смыслового содержания фанфика. Часто фикрайтер не сообщает о событиях, оставшихся за границами фанфика, или не дает детального описания биографии и характера героя, т. к. предполагается, что читатель фанфика уже обладает этой информацией.

Исследователи приводят случаи [Самутина, 2020], когда автор может играть с читателем, намеренно нарушая заданные первоисточником ожидания, частично или полностью изменяя смысл описываемой в фанфике сцены. В этом случае за каждым знаком (от отдельных реплик до целых эпизодов) обнаруживается три слоя: сюжет фанфика, реминисценция первоисточника и конфликт, возникающий при столкновении двух текстов, заранее предполагаемый автором фанфика.

Понимание намеков, условных знаков и деталей, отсылающих к первоисточнику, является не столько целью, сколько условием допуска к чтению фанфика. Механизм «узнавания», свойственный массовой литературе («давнее знакомство читателей с формулой дает им представление о том, чего следует ожидать от нового произведения, тем самым повышается возможность понять и оценить в деталях новое сочинение» [Кавелти, 1996, с. 38]), здесь приобретает вспомогательное значение. Разумеется, само по себе узнавание первичного текста является для читателя фанфика одним из источников удовольствия, с той лишь разницей, что узнаванию подвержены не универсальные культурные образы, не элементы повседневного быта [Эко, 2018, с. 235], а детали конкретного текста или корпуса текстов (фанфикшн-канона).

Литературная игра в «узнавание» первоисточника открывает читателю доступ к более широкой коммуникативной игре.

В отличие от «элитарной» литературы, где задачей читателя становится разгадка интертекстуальных связей, аллюзий, шифров (установка на «понимание» текста, стимулирующая «пересмотр ожиданий» [Зенкин, 2018, с. 47, 195]), в фанфикшн язык первоисточника изначально понятен и автору, и читателю. Как следствие, в процессе коммуникации читателя и писателя фанфик становится площадкой для декодирования и интерпретации первоисточника. Так как автор фанфика является одновременно и читателем первоисточника, результатом коммуникативной игры служит читательская интерпретация текста-первоосновы. Так, современный читатель «Войны и мира» (как и зритель сериалов, поклонник видеоигр и т. д.) в акте чтения и понимания романа Л. Н. Толстого создает собственный текст-интерпретацию (акт чтения совпадает с актом письма [Jenkins, 1992]), приглашая своего читателя к со-прочтению классического текста и коллективной интерпретации.

Фанфик становится пространством для совместного обсуждения и изучения первоисточника. Вовлечение фикридера в со-чтение призвано, в том числе, обогатить изначальный текст смыслами за счет столкновения интерпретаций в контексте сообщества.

Нарратор — медиатор коммуникации автора, читателя и первоисточника

Коммуникативная игра в фанфикшн во многом обеспечивается *специфической фигурой нарратора,* который выполняет роль посредника в коммуникации фикрайтера, фикридера и текста-первоисточника.

Как было сказано, для осуществления коммуникации между читателем и фанфиком все возможные герменевтические барьеры должны быть если не полностью сняты, то минимизированы. Из этого утверждения следует, что сознательное создание «интерпретативных ловушек» как прием редко встречается в фанфикшн и не пользуется популярностью у фикрайтеров. Гораздо важнее противоположная функция — повествователь призван «объяснить» текст читателю, создать ситуацию комфортного, избирательного чтения. Нарратор помогает читателю «разгадать» шифр, снять трудности понимания текста читателем.

Так, в сюжете фанфика «Волдеморт меняет профессию» (автор Aline 996) лорд Волдеморт, главный антагонист серии романов о «Гарри Поттере», за свои злодеяния попадает в ад, где встречает Воланда из «Мастера и Маргариты». Текст написан от лица неизвестного повествователя — «автора» фанфика, который не участвует в действии напрямую, но имеет четкую точку зрения на происходящее и прямо выражает отношение к героям. Описывая первую встречу двух известных персонажей, нарратор использует иронию, выбирая экспрессивные, оценочные суждения о классических образах, представляя одного в положительном тоне («тру-Темный Лорд»), а другого — в комически-сниженном («опозоренный колдун», «квази-Темный Лорд»).

Повествователь, будучи «автором» и одновременно толкователем текста, дает комментарии, поясняет читателю те или иные художественные решения: «А Воланд (мы его будем именно так называть, благо кроссовер у нас с „Мастером и Маргаритой“, а не с „Фаустом“ или „Божественной комедией“) растянул свой кривой рот в ехидной улыбочке… » [Aline 996, 2014]. Примечательно, что вполне традиционное для фанфикшн авторское пояснение вынесено не в метатекстовое пространство фанфика (в «шапку» текста либо в комментарий), а встроено непосредственно в речь нарратора. В этом случае история «рассказывается» фикрайтером, который оказывается одновременно и членом интернет-сообщества, и свидетелем событий внутри фикционального мира. Нарратор переключается между внешней и внутренней фокализацией фикционального мира [Женетт, 1998, с. 206–207], при этом сам момент «переключения перспективы» никак не маркирован; комментарий к повествованию органично вплетается в само повествование, а нарратор оказывается одновременно и внутри фикционального мира, и вне его.

Повествователь в фанфикшн — крайне гибкая фигура. Его отличительная черта — сближение с биографическим автором, что проявляется в формах авторского присутствия. Сближение нарратора и биографического автора может быть отражено непосредственно в тексте фанфика, а может оставаться на уровне паратекстуальных элементов.

Традиционно такого рода пояснения в фанфиках графически маркированы и вынесены за пределы самого текста в специальные разделы авторских примечаний (до/после текста). Содержательно примечания могут варьироваться от объяснения незнакомых слов, появившихся в тексте в результате стилизации фанфика под первоисточник (например, «Название части с французского переводится как „танцы“» [_Da___sha_, 2022], «Plaisir (франц. яз.) — Удовольствие» [Иллюзия искусства, 2023]), и объяснения личных причин создания текста («Эта работа создана для таких же людей, как я, которые

хотели бы оказаться рядом с любимым персонажем литературы» [Призрак Салли, 2022]), до пояснения читателю структуры фанфика («Вводная часть, показывающая характеры персонажей. Дальше лучше, честно» [Злобный кусок стекольной литературы, 2022]; «Агрессивно пытаюсь пояснять за прошлое персонажей. Сейчас пишу как раз про это» [Жолтый цикорий, 2022]; «тут я отбиваю метку „психология“/„философия“» [Молчаливая сатания, 2023]).

В уже цитированном фанфике «Волдеморт меняет профессию» другая авторская ремарка не только вкладывается в уста нарратора, но и прямо включается в текст в качестве интерлюдии: «Авторское отступление. // Я знаю, тут уже прикалывались насчет схожести имен этих двух злодеев. Но я ничего не могла с собой поделать. // Авторское отступление закончилось. // Спасибо» [Aline 996, 2014]. Эти примеры показывают размытость границы между внетекстовым автором и нарратором.

Авторская ремарка направляет интерпретацию

Авторская ремарка чаще всего присутствует непосредственно в тексте. Ее задача — предвосхитить читательское прочтение, указать на условную модальность текста: «Однако сейчас хотелось бы вспомнить момент, когда Дуня оказалась в ловушке Свидригайлова. Что было бы, если бы на момент возвращения ее ждала не только мать?» [Blues sad cat, 2022]. Примечательно, что, в отличие от традиционно нейтрального тона указаний на смену сцены, в данных словах нарратора отчетливо прослеживается стремление подчеркнуть субъективность выбора. Автор фанфика, будто обращаясь к читателю, напоминает ему о каноничном развитии сюжета («хотелось бы вспомнить момент») и предлагает альтернативный вариант «что было бы, если бы», четко маркируя момент, когда начинается вариация известного сюжета.

Признаки со-интерпретации автором и читателем первоисточника проявляются и в авторских примечаниях, которые объясняют отдельные сюжетные решения фанфика или дают определенную подсказку к пониманию текста, а также побуждают читателей поделиться собственным мнением в комментариях: «Мой Свидригайлов — это не толстый, бородатый мужчина, а такой обольстительный, стареющий Дон Жуан (очень красивый, как в постановке Моссовета)» [Дядюшка Не-Ау, 2021]. В фанфике «Крыша едет не спеша» [Nastyajd, WToTo_Ha_TaTaPcKoM, 2021] есть отдельная (пятая) глава «От автора», в которой фикрайтер просит читателей представлять героев фанфика не как в первоисточнике, а как в сериале, демонстрируя при этом признаки пристального чтения классического текста, сравнивая рост и цвет волос героев в книге и в экранизациях. В том же фрагменте фикрайтер спрашивает читателей о содержании будущих глав: «Надумываю добавить историю о том, как же познакомились наши герои, как влюбились и бла, бла, бла. Может быть об этом будет отдельная глава, а может и отдельный фанфик. Надеюсь на ваше мнение)» [Nastyajd, WToTo_Ha_TaTaPcKoM, 2021]. В следующей главе-интерлюдии автор новеллизирует обращение к читателям, конструируя, хоть и весьма условную, но художественную реальность: «* играет новогодняя музыка* // * автор кашляет* // Здрасте. // Дорогие читатели, хочу поздравить вас с новым годом… » [Nastyajd, WToTo_Ha_TaTaPcKoM, 2021].

Начатый диалог продолжается в комментариях

Часто диалог между читателем и фикрайтером продолжается в комментариях. Например, в фанфике «Чай с пирогами» [Лосось-экзистенциалист, 2022] фикрайтер заполняет лакуны в созданном им фикциональном мире. Комментарий пользователя Librocubicularist: «…И кстати, что с Эженом? Не успел на Сенатскую, потому что маникюр делал?»; ответ автора: «Как положено истинно романтическому герою, путешествует, страдает по идеалу и подумывает жениться на деньгах))))».

Фанфик включается в общее поле интерпретаций, становится одним из вариантов прочтения первоисточника и сравнивается с другими прочтениями. Читатели оценивают авторские интерпретации героев: «Но и остальные герои прописаны хорошо; мне понравился ваш Ленский и Разумихин, Женька тоже живой, прикольный вышел» (комментарий к фанфику «Хроника „10а“» [Rainy Corner, Безобразный бог, 2019]).

В действительности такие фрагменты — прямое авторское высказывание о первоисточнике, артикулированная интерпретация текста, побуждающая читателя взглянуть на первоисточник с точки зрения конкретной фикрайтерской вариации. Фанфик, будучи зафиксированной историей прочтения первоисточника («зафиксированным рецептивным откликом» [Тимошенко, 2018, с. 21]), усложняет фигуру нарратора, требует от него совмещения функций рассказчика и интерпретатора.

Метатекст воспринимается как часть фанфика

На проницаемость и даже исчезновение границы между автором-фикрайтером и нарратором указывают не только используемые фикрайтером внутритекстовые приемы, но и реакция читателей, которые не разделяют голоса повествователя и автора, отвечая на их слова как на личное сообщение — иначе говоря, воспринимают и метатекстовую информацию, и сам текст фанфика как единое художественное произведение: «я половину фанфика смеялся с примечаний, все еще пытаюсь не засмеяться от этого. работа прекрасна, диалоги хорошо прописаны, от чего по неволе, можно погрузится в ту эпоху. спасибо Вам за шикарную работу ♡» (комментарий к фанфику [Евгения Гринева, 2022б]).

Тем не менее эти две фигуры не сливаются однозначно в одну. Так, фикрайтер оказывается читателем и субъектом интерпретации собственного фанфика только после того, как текст (или его фрагмент) завершен. На этом этапе он вступает в обсуждение написанного и опубликованного в Сети текста с читателями, выдвигает собственные (независимые от себя как автора) суждения по поводу фанфика и первоисточника. Читательское прочтение фикрайтером собственного текста не подменяет смысла, заложенного в тексте. Примечание к фанфику [Евгения Гринева, 2022а]: «финал остается открытым, так что сами решайте, умер Грушницкий, или всё же удача отвела от него шальную пулю». Комментарий пользователя Алексея Соболёвского: «…Ну и лично для меня все остались живы, Печорин промазал, и они тихо-мирно уехали в Оренбург или куда там»; ответ автора: «…(Ладно уж, для меня тоже концовка хорошей осталась, чего греха таить)» [Евгения Гринева, 2022а].

Лирический герой как стилизация под классический текст

В большинстве фанфикшн-текстов повествователь не выходит за границы сюжета, выполняя функции повествующей инстанции. Такой «традиционный» нарратор создает эффект стилизации нового текста под первоисточник, следования его правилам и узнавания классического мира.

Повествователь внешне «изолирован» от какой-либо внетекстовой активности, входит в систему персонажей, существует только в границах фикционального мира. Однако через обращение к другим персонажам, через свою речь, развернутые в тексте лирические переживания он анализирует первоисточник, выстраивает диалог с автором классического текста. Такой формой интерпретации текста может быть послание нарратора к персонажу первоисточника или реальному автору-классику.

В сборнике «Слово к рассказанной сказке» [FelineLun, 2021] фанфик «К некоему Демону — „Good Omens“/“Демон“ М. Ю. Лермонтова» написан как послание лирического героя к персонажу: «И ты, изгнанник вековечный, // Изгнавший самого себя, // Улыбкой яд сочишь беспечно, // По собственной тоске скорбя...». Как ясно из заглавия фанфика, адресат послания представляет собой собирательный образ заглавного героя поэмы М. Ю. Лермонтова и демона Кроули из романа Т. Прачетта и Н. Геймана и одноименного телесериала «Благие знамения» (Good Omens). Лирический герой послания говорит о своей привязанности к адресату, рассказывает о чувствах, которые в нем вызывает демон: «Мой демон гордости мятежной», «Мой друг, мой враг, мой искуситель» [FelineLun, 2021]. При этом каждое обращение раскрывает характер и самого демона, и сюжетные детали произведений-первоисточников. Лирический герой — наблюдатель, который созерцает адресата послания со стороны: «Ты, мыслей огненных пленитель», «Я на тебя глаза всё щурю, // Но отвернуться мне — больней!» [FelineLun, 2021]. Можно сказать, что подобная позиция нарратора-наблюдателя соотносится с моделью «читатель-персонаж» (читатель пишет послание любимому герою) и «читатель-исследователь» (читатель находит типологическое сходство между текстами разных эпох, стран, типов презентации). Не только артикуляция эмоциональных переживаний, вызванных героем, но и сам факт того, что послание адресовано сразу двум персонажам, уже является следствием фанатской интерпретации и сопоставления двух текстов. Раскрывая драматические черты в образе своего адресата («...Ты чужд подлунной суете, // Ты, мыслей огненных пленитель, // Попавший в плен к свой мечте» [FelineLun, 2021]), фикрайтер сравнивает героев двух произведений, находит общие черты в их художественных образах. Через форму обращения («ты», множественный повтор «мой») фикрайтер сравнивает не только художественные миры известных текстов, но и личные, читательские, эмоциональные отклики на произведения. Более того, и классический текст XIX в., и современный роман (его экранизация) выведены в общее пространство чтения; классический текст десакрализуется, становится доступным современному читателю, образует новые интертекстуальные связи.

Нарратор-фикрайтер об эмоциональном прочтении

Форма послания к поэту-предшественнику или диалога с писателем прошлого традиционна для литературы фанфикшн. Именно такая модель реализована в фанфике «Достоевский» [Aunt-Yuuki, 2013].

В этом лирическом послании Ф. М. Достоевскому повествователь уже более отчетливо представляется как автор фанфика. Реальный фикрайтер присваивает нарратору собственную систему ценностей, передает читательское восхищение писателем и подчеркивает, что является создателем самостоятельного литературного произведения: «Вдохновившись тем романом // И напившись тем обманом… »; «Ох, спасибо, Достоевский, // Что нашла я всё ж тебя!..» [Aunt-Yuuki, 2013]. Лирический герой — пристрастный, эмоционально-вовлеченный читатель, который восхищается миром, созданным гениальным Достоевским: «Как чудесно, // Как прелестно // Забываться в том тумане // Пережитых мною строк. // Как же много в том романе // Личностей в сплошном дурмане, // Вызывающих восторг» [Aunt-Yuuki, 2013]. При этом фикрайтер улавливает сновидческую атмосферу романов Достоевского. Он оценивает и автора-классика, и процесс чтения романов, сопоставляя его с «туманом» и «сном». Таким образом, поэтический язык первоисточника используется для разговора о нем самом и одновременно для объяснения читательской реакции на текст.

Истончение границы между нарратором и реальным фикрайтером поддерживается самими участниками фандома, которые в комментариях к фанфику сравнивают собственные впечатления от прочтения романа с тем, что они увидели в фанфике: «мое восприятие Достоевского так близко к вашему» (комментарий Lorelina), «Я просто в восторге от этого автора и от книги)» (ответ автора фанфика).

Однако идентичность «нарратора-фикрайтера» ограничена фандомом: он перенимает признаки цифровой идентичности фаната и захватывает биографию реального человека только в той части, которая касается взаимодействия с первоисточником.

Заключение

Авторское намерение в фанфикшн проявляется преимущественно через диалог между фикрайтером, фикридером (читателем) и автором-классиком. Цель такого рода коммуникации — получение удовольствия от творческого взаимодействия с первоисточником и его коллективной интерпретации. Именно поэтому повествователь в фанфикшн способен выполнять функции, несвойственные массовой или классической литературе:

1) снятие барьеров между текстом-первоисточником и читателем (повествователь комментирует собственный фанфик и первоисточник, сопровождает текст ремарками и авторскими замечаниями);
2) диалог с первоисточником с помощью сослагательного наклонения («давайте представим, что было бы, если… »);
3) медиация между читателем и автором-классиком за счет слияния повествователя и биографического автора-фикрайтера;

4) обращение к персонажу первоисточника как форма критического осмысления классического текста;
5) возможность прямого общения фикрайтера и читателей фанфика, когда игровой диалог с аудиторией становится частью текста фанфика.

Степень персонификации нарратора, а также доля элементов, напрямую отсылающих к фигуре биографического автора-фикрайтера, может варьироваться; некоторые приемы (например, обращение к читателю) могут иметь различные предпосылки: авторский непрофессионализм (неразличение биографического, художественного авторов и автора-персонажа); намеренное конструирование поэтики фанфика как игрового текста (слом «четвертой стены»); имитация стиля писателя-классика как элемент стилизации текста под классический первоисточник.

Особый интерес вызывает такой тип нарратора, который предстает в тексте не сторонним наблюдателем, а активным субъектом художественного мира. Такой повествователь находится на границе фикционального мира и обладает двойной оптикой: с одной стороны, он взаимодействует с персонажами как с равными субъектами художественного мира, сопереживает им, дает советы, то есть теми или иными способами взаимодействует с вымышленным миром. С другой стороны, нарратор видит художественную структуру текста, осознает происходящие события как сконструированный сюжет, может комментировать события как автор, сопоставлять фанфик с первоисточником и обращаться к читателю, вставляя замечания и авторские ремарки. При этом за нарратором, как за «автором» текста, закрепляется функция демиурга, инициатора сюжетных коллизий; он оставляет за собой право управлять героями, порой намеренно создавая ситуации, в которых персонажи предстают в комичном, ироничном свете.

Внетекстовая авторская деятельность часто выстраивается в той же стилистике, с использованием тех же приемов, что и внутритекстовая, из чего складывается представление о фикрайтере и нарраторе как о едином образе «автора»; автор, читатель и герой частично совпадают. Фигура фикрайтера «проникает в текст», если нарратор приобретает черты реального автора фанфика; граница между образом фикрайтера и нарратором становится размытой.

При этом ошибочно утверждать, что нарратор — точная проекция реального (биографического) автора. Основу автобиографического начала в нарраторе составляют сразу несколько идентичностей, его условная биография строится на сочетании эмоционального переживания первоисточника, истории его прочтения и осмысления (что выводится из анализа фанфика как «зафиксированного рецептивного отклика» [Тимошенко, 2018, с. 21]), а также персональной истории взаимодействия внутри фандома: опыта чтения других фанфиков, включения своего текста в устоявшийся фанон. Степень обособленности нарратора от фикрайтера варьируется, вероятно, в зависимости от профессионализма автора текста: как мы отмечали, в одних случаях ремарки и включение «авторского голоса» в повествование могут быть частью осознанного конструирования поэтики фанфика, в других — результатом пристрастного, эмоционального чтения и интерпретации первоисточника. Подобная структура образа нарратора свидетельствует о сочетании писательской, читательской, исследовательской установки фанатского творчества.

Особенности наррации не только признак сознательно конструируемой поэтики фанфика; они продиктованы особой коммуникативной средой сообщества. С помощью повествователя фикрайтер инициирует равноправный диалог с другими фанатами классического произведения, который затрагивает разные элементы поэтики первоисточника (персонажи, события, хронотоп, стиль). Художественная интерпретация разворачивается на двух уровнях: через постоянную реорганизацию текста как незавершимого художественного целого и через открытый комментарий, обращенный к персонажам, к читателю, к автору-классику.

Список источников

Бахтин М. М. 1975. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит. 504 с.

Булдакова Ю. В. 2016. Формы авторского присутствия в тексте фан-фикшн (интернет-публикация романа Э. Юдковского «Гарри Поттер и методы рационального мышления») // Вестник ТГГПУ. № 2 (44). С. 211–215.

Дядюшка Не-Ау. 2021. Ну, и кто из нас..? // Книга Фанфиков. https://ficbook.net/readfic/10661273 (дата обращения: 17.01.2024).

Евгения Гринева. 2022а. Безбожие. А // Книга Фанфиков. https://ficbook.net/readfic/12766757 (дата обращения: 17.01.2024).

Евгения Гринева. 2022б. Средь сотни лиц. В // Книга Фанфиков. https://ficbook.net/readfic/12896187 (дата обращения: 17.01.2024).

Женетт Ж. 1998. Фигуры: в 2 томах. Том 2. М.: Изд-во им. Сабашниковых. 472 с.

Жолтый цикорий. 2022. Один год из жизни школы номер два // Книга Фанфиков. https://ficbook.net/readfic/12405555/31984590 (дата обращения: 17.01.2024).

Зенкин С. Н. 2018. Теория литературы. Проблемы и результаты. М.: НЛО. 214 с.

Злобный кусок стекольной литературы. 2022. Гуманитарная группа, Чацкий её помилуй // Книга Фанфиков. https://ficbook.net/readfic/12756092 (дата обращения: 17.01.2024).

Иллюзия искусства. 2023. Beauté et champagne // Книга Фанфиков. https://ficbook.net/readfic/13041069 (дата обращения: 17.01.2024).

Кавелти Дж. Г. 1996. Изучение литературных формул // Новое литературное обозрение. № 22. С. 33–64.

Калкаева А. Е. 2021. Репрезентация образа василиска в фанфиках и ориджиналах русскоязычного интернета // Вестник культурологии. № 4 (99). С. 216 –237. https://doi.org/10.31249/hoc/2021.04.12

Компаньон А. 2001. Демон теории / пер. с франц. С. Н. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых. 336 с.

Кургузова Н. В., Федорчук М. А. 2020. «Я — типичный фикрайтер»: фанфикшн как форма игровой деятельности современных школьников // Славянская традиционная культура и современный мир. № 1. С. 236–243. https://doi.org/10.24411/9999-054A-2020-10019

Лосось-экзистенциалист. 2022. Чай с пирогами // Книга Фанфиков. https://ficbook.net/readfic/12876847 (дата обращения: 17.01.2024).

Лотман Ю. М. 1992. Семиотика культуры и понятие текста // Избранные статьи в трех томах. Том 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин: Александра. 479 с.

Молчаливая сатания. 2023. Вредные рассуждения // Книга Фанфиков. https://ficbook.net/readfic/13018553 (дата обращения: 17.01.2024).

Пейгина Л. В. 2018. Воздушные замки, построенные в граните: соединение исследовательской и художественной стратегий в практиках фандомного творчества // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. № 32. С. 236–246. https://doi.org/10.17223/22220836/32/23

Призрак Салли. 2022. Персонажи литературы×читательница // Книга Фанфиков. https://ficbook.net/readfic/12743315 (дата обращения: 17.01.2024).

Самутина Н. В. 2013. Великие читательницы: фанфикшн как форма литературного опыта // Социологическое обозрение. Том 12. № 3. С. 137–194. https://sociologica.hse.ru/data/2013/12/22/1338705310/SocOboz_12_3_07_Samutina.pdf

Самутина Н. В. 2020. Ускользающие читатели: трансформации популярной культуры на русском языке как вызов исследователям литературных практик // Russian Literature. Том 118. С. 1–24. https://doi.org/10.1016/j.ruslit.2020.11.001

Тамарченко Н. Д. 2008. Автор // Поэтика. Словарь актуальных терминов и понятий / [гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко]. М.: Изд-во Кулагиной: Intrada. С. 11–14.

Тимошенко Е. К. 2018. Рецепция романов Дж. К. Роулинг о Гарри Поттере: опыт российского прочтения: дис. ... канд. филол. наук. М. 307 с.

Федорчук М. А. 2017. Специфика текстопорождения в фанфикшн (на материале русскоязычных фандомов): дис. ... канд. филол. наук. Орёл. 252 с.

Шмид В. 2003. Нарратология. М.: Языки славянской культуры. 312 с.

Эко У. 2018. Superman для масс. Риторика и идеология народного романа. М.: Слово/Slovo. 248 с.

Aline 996. 2014. Волдеморт меняет профессию // Книга Фанфиков (копия с Internet Archive). http://web.archive.org/web/20211122145756/https://ficbook.net/readfic/2419562/6560039#part_content (дата обращения: 17.01.2024).

Aunt-Yuuki. 2013. Достоевский // Книга Фанфиков. https://ficbook.net/readfic/635891 (дата обращения: 17.01.2024).

Bal M. 2017. Narratology. Introduction to the Theory of Narrative. Fourth Edition. Toronto; Buffalo; London: University of Toronto Press. 205 pp.

Blues sad cat. 2022. После тьмы приходит свет..или Разумихин // Книга Фанфиков. https://ficbook.net/readfic/11958019 (дата обращения: 17.01.2024).

Bronwen T. 2011. What is fanfiction and why are people saying such nice things about it?? // Storyworlds: A Journal of Narrative Studies. Vol. 3. Pp. 1–24.

_Da___sha_. 2022. После бала // Книга Фанфиков. https://ficbook.net/readfic/12336217/31717870 (дата обращения: 17.01.2024).

FelineLun. 2021. Слово к рассказанной сказке // Книга Фанфиков. https://ficbook.net/readfic/11205753 (дата обращения: 17.01.2024).

Jenkins H. 1992. Textual Poachers: Television Fans and Participatory Culture. New York; London: Routledge. 343 pp.

Nastyajd, WToTo_Ha_TaTaPcKoM. 2021. Крыша едет не спеша // Книга Фанфиков. https://ficbook.net/readfic/11429560 (дата обращения: 17.01.2024).

Rainy Corner, Безобразный бог. 2019. Хроника «10а» // Книга Фанфиков. https://ficbook.net/readfic/8587969 (дата обращения: 17.01.2024).

Stasi M. 2006. The toy soldiers from Leeds: the slash palimpsest // Fan Fiction and Fan Communities in the Age of the Internet / K. Hellekson, K. Busse (eds.). Jefferson: McFarland. Pp. 115–133.

References

Bakhtin, M. M. (1975). *Questions of Literature and Aesthetics*. Khudozhestvennaya Literatura. [In Russian]

Buldakova, Yu. V. (2016). Forms of authorial presence in fanfiction texts (the online publication of E. Yudkowsky's novel *Harry Potter and Methods of Rationality*). *Vestnik TSPU*, (2), 211–215. [In Russian]

Dyadyushka Ne-Au. (2021). So, which one of us is...? *Ficbook*. Retrieved Jan. 1, 2024, from https://ficbook.net/readfic/10661273 [In Russian]

Evgenia Grineva. (2022). Godlessness. *Ficbook*. Retrieved Jan. 1, 2024, from https://ficbook.net/readfic/12766757 [In Russian]

Evgenia Grineva. (2022). In the midst of a hundred faces. *Ficbook*. Retrieved Jan. 1, 2024, from https://ficbook.net/readfic/12896187 [In Russian]

Genette, G. (1998). *Figures. In two vols. Vol. 2*. Izd-vo im. Sabashnikovyh.. [In Russian]

Zholtyy tsikoriy. (2022). One year in the life of school number twoю *Ficbook*. Retrieved Jan. 1, 2024, from https://ficbook.net/readfic/12405555/31984590 [In Russian]

Zenkin, S. H. (2018). *Theory of Literature. Problems and Results*. NLO. [In Russian]

Zlobnyj kusok stekolnoj literatury. (2022). Humanitarian Group, Chatsky have mercy on it. *Ficbook*. Retrieved Jan. 1, 2024, from https://ficbook.net/readfic/12756092 [In Russian]

Illyuziya iskusstva. (2023). Beauté et champagne. *Ficbook*. Retrieved Jan. 1, 2024, from https://ficbook.net/readfic/13041069 [In Russian]

Cavelty, J. G. (1996). The Study of Literary Formulas. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 22, 33-64. [In Russian]

Kalkaeva, A. E. (2021). Basilisk and Russian internet-fiction. *Herald of Culturology*, (4), 216–237. https://doi.org/10.31249/hoc/2021.04.12 [In Russian]

Kompanion, A. (2001). *Demon of Theory*. (S. Zenkin, Trans.). Izd-vo im. Sabashnikovykh. (Original work published 1998) [In Russian]

Kurguzova, N. V., & Fedorchuk, M. A. (2020). "I am a typical FicWriter": fanfiction as a form of play activity for modern school children. In M. G. Matlin (Ed.), *Slavic Traditional Culture and Modern World* (Vol. 18, pp. 236–243). https://doi.org/10.24411/9999-054A-2020-10019 [In Russian]

Losos-ekzistencialist. (2022). Tea and Cakes. *Ficbook*. Retrieved Jan. 1, 2024, from https://ficbook.net/readfic/12876847 [In Russian]

Lotman, Yu. M. (1992). *Semiotics of Culture and the Concept of Text. Selected articles: in 3 vols. Vol. 1: Articles on Semiotics and Typology of Culture*. Alexandra. [In Russian]

Molchalivaya sataniya. (2023). Harmful Reasoning. *Ficbook*. Retrieved Jan. 1, 2024, from https://ficbook.net/readfic/13018553 [In Russian]

Peigina, L. V. (2018). Air castles built in granite: a combination of research and artistic strategies in the practices of fandom creativity. *Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*, (32), 236–246. https://doi.org/10.17223/22220836/32/23 [In Russian]

Prizrak Sally. (2022). Characters of literature×reader. *Ficbook*. Retrieved Jan. 1, 2024 from https://ficbook.net/readfic/12743315 [In Russian]

Samutina, N. V. (2013). The Great female readers: fan fiction as a literary experience. *Russian Sociological review*, *12*(3), 137–194. https://sociologica.hse.ru/data/2013/12/22/1338705310/SocOboz_12_3_07_Samutina.pdf [In Russian]

Samutina, N. V. (2020). Elusive readers: Russian-language popular culture transformations as a challenge for researchers of literary practices. *Russian Literature, 118*, 1–24. https://doi.org/10.1016/j.ruslit.2020.11.001 [In Russian]

Tamarchenko, N. D. (2008). Author. In N. D. Tamarchenko (Ed.), *Poetics. Dictionary of Relevant Terms and Concepts* (pp. 11–14). Izdatelstvo Kulaginoyj; Intrada. [In Russian]

Timoshenko, E. K. (2018). *Reception of J. K. Rowling's Harry Potter Novels: the experience of Russian reading* [Cand. Dissertation, RSUH]. [In Russian]

Fedorchuk, M. A. (2017). *Specificity of Textual Formation in Fanfiction (on the material of Russian-speaking fandoms)* [Cand. Dissertation, Orel State University]. [In Russian]

Schmid, V. (2003). *Narratology*. Yazyki slavyanskoj kultury. [In Russian]

Eco, W. (2018). *Superman for the masses. The Rhetoric and Ideology of the Populist Novel*. Slovo. [In Russian]

Aline 996. (2014). Voldemort changes his profession. *Ficbook* (copy from Internet Archive). Retrieved Jan. 1, 2024, from http://web.archive.org/web/20211122145756/https://ficbook.net/readfic/2419562/6560039#part_content [In Russian]

Aunt-Yuuki. (2013). Dostoevsky. *Ficbook*. Retrieved Jan. 1, 2024, from https://ficbook.net/readfic/635891 [In Russian]

Bal, M. (2017). *Narratology. Introduction to the Theory of Narrative* (4th ed.). University of Toronto Press.

Blues sad cat. (2022). After darkness comes light...or Razumikhin. *Ficbook*. Retrieved Jan. 1, 2024, from https://ficbook.net/readfic/11958019 [In Russian]

Bronwen, T. (2011). What Is Fanfiction and Why Are People Saying Such Nice Things about It?? *Storyworlds: A Journal of Narrative Studies, 3*, 1–24.

_Da___sha_. (2022). After the Ball. *Ficbook*. Retrieved Jan. 1, 2024, from https://ficbook.net/readfic/12336217/31717870 [In Russian]

FelineLun. (2021). A Word to the Tale Told. *Ficbook*. Retrieved Jan. 1, 2024, from https://ficbook.net/readfic/11205753 [In Russian]

Jenkins, H. (1992). *Textual Poachers: Television Fans and Participatory Culture*. Routledge.

Nastyajd, WToTo_Ha_TaTaPcKoM. (2021). The roof rides leisurely. *Ficbook*. Retrieved Jan. 1, 2024, from https://ficbook.net/readfic/11429560 [In Russian]

Rainy Corner, Ugly God. (2019). Chronicle of "10a." *Ficbook*. Retrieved Jan. 1, 2024, from https://ficbook.net/readfic/8587969 [In Russian]

Stasi, M. (2006). The Toy Soldiers from Leeds: The Slash Palimpsest. In K. Hellekson, & K. Busse (Eds.), *Fan Fiction and Fan Communities in the Age of the Internet* (pp. 115–133). McFarland.

Информация об авторе

Владимир Владимирович Петров, ассистент Академического департамента УИОТ, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
vl.v.petrov@utmn.ru, https://orcid.org/0000-0003-3330-3713

Information about the author

Vladimir V. Petrov, Assistant, Academic Department of UIOT, University of Tyumen, Tyumen, Russia
vl.v.petrov@utmn.ru, https://orcid.org/0000-0003-3330-3713

Научная статья / Research Article
История
https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-1-116-131
УДК 94(4)

Консульские счета города Альби XIV–XV вв.

Дмитрий Валерьевич Байдуж, Лев Олегович Раевский✉

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
Контакт для переписки: lewaraewski2015@mail.ru✉

Аннотация. Статья посвящена изучению консульских счетов южнофранцузского города Альби XIV–XV вв. До настоящего момента в русскоязычной научной литературе этот источник не рассматривался, однако по своему объему (несколько сотен рукописных страниц) и полноте содержащихся в нем сведений он по праву может считаться одним из наиболее значимых для исторических исследований, касающихся Южной Франции рассматриваемого периода. Целью исследования являлось раскрытие информативного потенциала изучаемых документов для урбанистических исследований и медиевистики. При изучении материала использовались сравнительный метод, а также метод контент-анализа. В результате проведенного исследования удалось установить, что сведения консульских счетов могут быть использованы для изучения различных сфер жизни средневекового города: экономической, социальной, политической, военной. Новизна исследования заключается в том, что оно выстроено на материале малоизученного источника, который раскрывается с различных сторон.

Ключевые слова: консульские счета, средние века, город, урбанистика, финансы, Столетняя война, Черная смерть, архив

Цитирование: Байдуж Д. В., Раевский Л. О. 2024. Консульские счета города Альби XIV–XV вв. // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 10. № 1 (37). С. 116–131. https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-1-116-131

Поступила 13.09.2023; одобрена 20.01.2024; принята 04.03.2024

© Автор(ы), 2024

Consular accounts of the city of Albi in the 14th–15th c.

Dmitriy V. Bayduzh, Lev O. Raevskii✉

University of Tyumen, Tyumen, Russia
Corresponding author: lewaraewski2015@mail.ru✉

Abstract. The article studies the consular accounts of the southern French city of Albi in the 14th–15th c. Until now, this source has not been considered in the Russian-language historical literature, however, in terms of its volume (several hundred handwritten pages) and the completeness of the contained information, it can rightfully be considered as one of the most significant for historical research concerning Southern France of the period under review. The aim of the study was to reveal the informative potential of the studied documents for urban and medieval studies. When studying the material, the comparative method, as well as the method of content analysis were used. The results establish that the information of consular accounts can be used in the study of various spheres of life of a medieval city — economic, social, political, military. The novelty of the research lies in the fact that it is built on the material of a little-studied source, which is revealed from various sides.

Keywords: consular accounts, Middle Ages, city, urbanism, finance, Hundred Years' War, Black Death, archive

Citation: Bayduzh, D. V., & Raevskii, L. O. (2024). Consular accounts of the city of Albi in the 14th–15th c. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, *10*(1), 116–131. https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-1-116-131

Received Sep. 13, 2023; Reviewed Jan. 20, 2024; Accepted Mar. 4, 2024

Введение

Цель данного исследования — раскрыть информативный потенциал одного из значимых, но при этом малоизученных источников по средневековой городской истории Южной Франции. Актуальность исследования заключается в том, что выбранный для изучения период является одним из наиболее критических моментов в истории Альби: его жители оказываются в условиях непрерывной войны, голода и эпидемий. В ходе решения данных проблем преобразуется социальная структура города, реформируется система налогообложения, на службе города появляются частные военные компании, изменяется городское пространство. Все эти события находят свое отражение на страницах консульских счетов, являющихся одним из основных источников по истории города в рассматриваемый период.

Методы

Основу методологии исследования составляет сравнительный метод, наряду с которым используется метод контент-анализа.

В ходе исследования анализировались манускрипты XIV–XV вв., написанные на средневековом окситанском и латинском языках. При написании работы за основу были взяты опубликованные источники, которые составляют лишь часть от всей массы консульских счетов, хранящихся в Архиве департамента Тарн (г. Альби, Франция).

Сравнительный метод позволил проанализировать источники в сравнении с подобными документами из других городов Южной Франции, а также изучить социально-экономические процессы, происходившие в городе в изучаемую эпоху, в их сравнении с другими городами региона.

Большой объем сохранившихся источников позволяет использовать метод контент-анализа, заключающийся в измерении и преобразовании текстовой информации в количественную форму и ее последующей статистической обработке.

Результаты и обсуждение

Город Альби, находящийся на Юге Франции в исторической провинции Лангедок, получил мировую известность прежде всего как один из центров катарской ереси в первой трети XIII в. По аналогии с названием жителей Альби, слово «альбигойцы» стало использоваться для обозначения всех представителей катарского движения.

Однако немаловажное значение город продолжал играть и в позднее Средневековье. Более того, XIV–XV вв. стали наиболее драматичным периодом в истории города и вместе с этим менее изученным по сравнению с периодом Альбигойских войн первой трети XIII в. [Осокин, 2003; Пти-Дютайи, 1983].

К началу XIV в. город находился на пике своего развития. Однако уже к середине столетия альбигойцам пришлось столкнуться сразу с несколькими угрозами — экологической, эпидемиологической и военной, что неизбежно повлекло за собой проблемы в экономической и социальной сферах.

В консульских счетах достаточно подробно описываются происходившие события. Источник представляет живую, почти ежедневную историю, которая разворачивается перед нашими глазами. Через призму текста мы можем увидеть людей, которые кроют крыши домов черепицей, горожан, которые восстанавливают фортификации, арбалетчиков и пушкарей, которые выходят через ворота города, чтобы предпринять военную экспедицию против вооруженных банд и защитить город. Мы видим жизнь в деталях, знаем имена людей, названия улиц.

Консульские счета представляют собой небольшие тетради, составлявшиеся по окончании года для объяснения и подтверждения доходов и расходов консулов — выборной городской власти. Данный источник позволяет нам увидеть город, его проблемы и реакцию на них.

Следует отметить, что Альби, наравне с Нарбонном, является одним из наиболее удачных городов для изучения, т. к. в обоих поселениях только за XIV в. сохранилось

13 и 12 консульских счетов соответственно. Для сравнения, в Монпелье за этот же самый период сохранилось лишь 3 счета [Vidal, 1900, с. xiv–xv].

В рассматриваемый период сеньором города являлся епископ. Однако наравне с этим в Альби существовал и выборный орган самоуправления — консулат. В обязанности консулов входило обеспечение общественного порядка, решение вопросов, связанных с обороной города, а также сбор и распределение налогов [Defolie, 1999, с. 54]. Изначально консулов было 12 — по 2 представителя от каждого квартала, но в отдельные годы их число уменьшалось до 6 или даже до 4 человек ввиду снижения численности населения и сокращения расходов. Чаще всего консулами становились выходцы из торговой или ремесленной элиты, либо же люди, имеющие правовое образование. Один из консулов был ответственен за составление и ведение финансовой документации.

Зачастую консул, составлявший счета, давал большое количество объяснений и уточнений по поводу, на первый взгляд, самых незначительных событий. Это дает исследователю возможность увидеть ряд аспектов жизни города в мельчайших деталях.

Каждый счет разделен на две части: доходы (*preza*) и расходы (*meza*). При этом детально расписывается, от кого были получены деньги и на что они были потрачены. В конце каждого счета подводится итог. Также, как правило, в начале счета перечисляются имена консулов текущего года и имя казначея, который был ответственен за сбор налогов и ведение финансовой документации. В конце счета упоминается передача документации от консулов текущего года консулам последующего года в присутствии свидетелей. Таким образом, зачастую мы знаем имена консулов последующего года, даже если счета за этот год не сохранились.

Для изучаемого периода сохранилось 13 счетов, опубликованных на рубеже XIX–XX вв. и охватывающих период 1359–1398 гг. [Vidal, 1900, 1906–1911]. Огюст Молинье высоко оценивал информативность консульских счетов и титаническую работу, проведенную О. Видалем для их публикации [Molinier, 1904, с. 37].

При этом для XV в. сохранилось 53 счета, охватывающих период 1402–1500 гг. [Jolibois, 1869, с. 140–174]. Однако ни один из них до сих пор опубликован не был.

Оригиналы счетов хранятся в Архиве департамента Тарн в Альби [Archives..., 4 EDT CC 149–451]. Проследить их архивный путь в настоящий момент не представляется возможным.

Все счета написаны на бумаге формата *in-quarto* ровным почерком с минимальным количеством сокращений на окситанском языке, являвшимся языком повседневного общения города и региона в средние века.

При этом в некоторых случаях можно встретить и вставки на латыни. Так, например, в конце счета за 1380–1381 г. мы встречаем следующие слова:

> «Actum Albie, anno e die quibus supra. Testes Ramundus Roqua, macellarius, Johannes Talhaferri, preco, e ego Guilhelmus Pruneti».
>
> «Составлено в Альби, в год и день, указанные выше. Свидетели Рамунд Рока, мясник, Иоанн Талаферри, священник, и я Гильом Прюнети» (пер. наш. — *Д. Б., Л. Р.*) [Vidal, 1906–1911, т. 1, с. 349].

Факт использования бумаги, сшитой в тетради, является показателем экономического развития города, т. к. в XIV–XV вв. даже многие крупные города продолжали использовать свитки пергамента при ведении документации [Boudet, 1900, с. xi].

Размеры счетов 1359–1360 гг. составляют 23 сантиметра в высоту и 18 сантиметров в ширину. Бумага толстая, грубая, на ней присутствует плохо заметная филигрань в виде колонны, однако ее происхождение неизвестно. Почерк хорошо читаемый [Vidal, 1900, с. xvj]. Пунктуация, как правило, отсутствует. Счета за последующие годы выглядят подобным же образом (см. рис. 1).

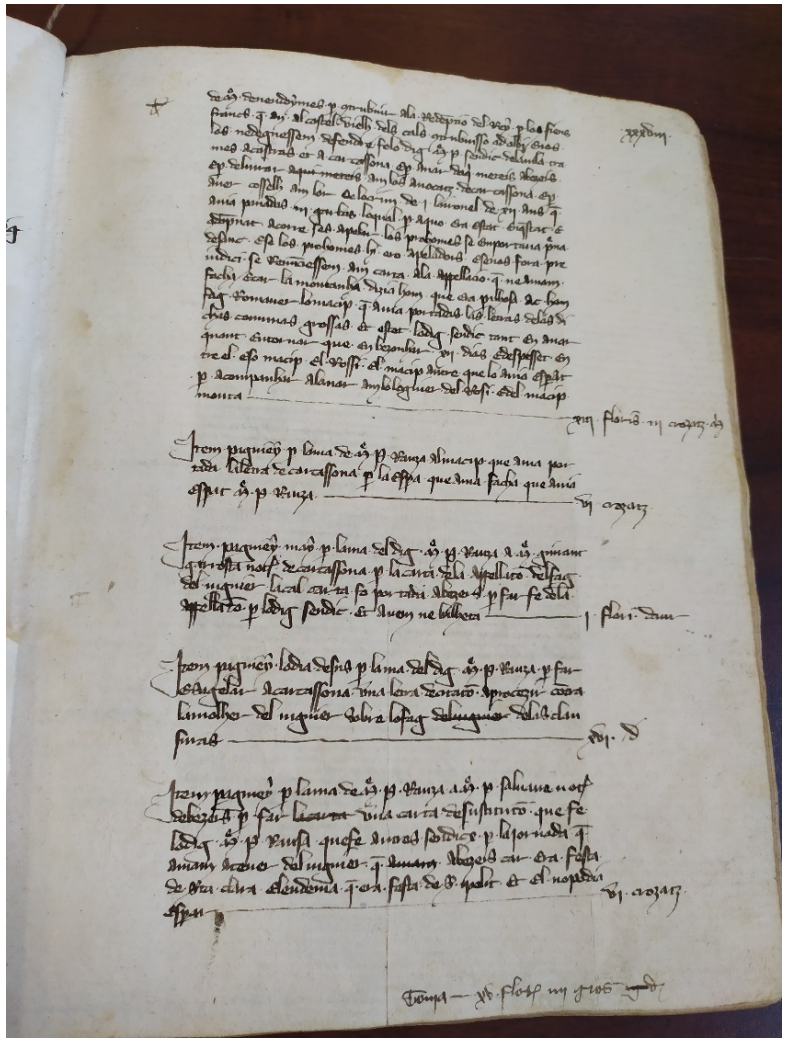

Рис. 1. Консульские счета Альби. 1360. Архив департамента Тарн, Альби, Франция [Archives..., 4 EDT CC 150 F° 27 recto]

Fig. 1. Consular accounts of Albi. 1360. Archive of the Tarn department, Albi, France (Archives..., 4 EDT CC 150 F° 27 recto)

Почти одновременно с публикацией консульских счетов Альби О. Видалем был опубликован и ряд других источников подобного рода. Например, так же на рубеже XIX–XX вв. были изданы консульские счета города Сент-Флур в Оверни, охватывающие период 1376–1405 гг. [Boudet, 1900].

В предисловиях к изданиям консульских счетов О. Видаль уделяет большое внимание историческим событиям, в контексте которых создавался этот источник, социально-экономическим аспектам истории города. Также он подробно разбирает орфографические, морфологические и синтаксические особенности языка источника. Однако при этом издатель оставляет в стороне археографические особенности памятника. Он практически ничего не говорит об используемой бумаге, чернилах, особенностях письма. Подробное изучение этих аспектов еще предстоит провести.

Как уже отмечалось ранее, для XIV в. сохранилось 13 счетов, которые охватывают период с 1359 по 1396 г. Таким образом, мы располагаем счетами лишь для 13 из 38 лет периода. Причину исчезновения остальных источников на данный момент точно назвать невозможно. Лакуны составляют целых 25 лет. Однако их можно восполнить с помощью параллельного счетам источника — постановлений коммунального совета.

В постановлениях, так же как и в счетах, зафиксированы решения, принятые консулами, однако они записаны в более краткой и строгой форме и без указания затраченных сумм. Для XIV в. они охватывают период с 1371 по 1388 г.

Таким образом, лакуны остаются лишь для периодов 1361–1368 гг., части 1371 г., 1388–1392 гг., 1394–1397 гг., или для 15 из 38 лет изучаемого периода. Эти годы не отражены ни в консульских счетах, ни в постановлениях коммунального совета.

Постановления помогают не только получить сведения, отсутствующие в счетах, но и дополнить и детализировать имеющиеся.

Информация, содержащаяся в консульских счетах, имеет большое значение не только для изучения Альби, но и для исследований, касающихся других городов Лангедока, а также Южной Франции в целом.

Одним из сюжетов, нашедшим отражение в источнике, являются события, связанные с похолоданием климата и последующим голодом, а также с развившимися на этом фоне эпидемиями чумы.

Похолодание, которое позже будет названо Малым ледниковым периодом [Fagan, 2019], привело к сокращению объема выращиваемых культур, а это, в свою очередь, — к массовому голоду. Вслед за этим в конце 1340-х гг. на город обрушилась эпидемия Черной смерти, унесшая жизни свыше половины его населения. Количество жителей Альби в этот период уменьшается примерно с 10 до 5 тысяч человек [Biget, 1983, с. 92–94]. Счета дают возможность проследить изменения в экономике и социальной структуре города, вызванные этими событиями.

Так, например, имеющиеся данные позволяют судить о двукратном сокращении площадей виноградников в рассматриваемый период. При этом площадь полей, отведенных под злаковые культуры, увеличивается на треть [Biget, 1983, с. 95–96]. Это свидетельствует о том, что экономика города начинает ориентироваться в первую очередь на внутреннее потребление. Выращивание экспортных культур, таких как виноград, отходит на второй план.

При сравнении с другими городами региона обнаруживается, что подобная ситуация была характерна не только для Альби. Замена виноградников злаковыми культурами была явлением повсеместным для Юго-Запада Франции в XIV–XV вв. [Bochaca, 2005, с. 364–365]. Таким образом, источники позволяют исследователю проследить общие тенденции, характерные для целого региона, на материале отдельно взятого поселения.

Также с начала XIV в. начинает уменьшаться количество серебра в обращении [Bompaire, 2000, с. 18]. Финансовые проблемы затрагивают и Альби.

В счетах неоднократно встречаются упоминания о том, что консулы возвращают горожанам суммы занятых денег спустя несколько лет после займа, просто потому что им нечем было их возвращать.

В источниках встречаются различные типы монет. В 1360-е гг. практически постоянно встречаются английские монеты, такие как *«esterli», «crozatz», «parpalhola», «cohuda»,* разные типы французских монет, таких как *«gros»,* а также монеты местных сеньоров и городов, как *«guianes»* (монеты Гиени), *«morla»* (монета города Морлаас). Однако начиная с 1370-х гг. встречается уже достаточно стандартная монетная система: ливр, су, денье. Иногда появляются франки (с 1360 г.) и флорины. Эта система остается практически неизменной до конца XIV в.

Наравне с этим источник позволяет установить имевшиеся в городе ремесла и производства. На основе изученного материала Э. Дефоли предлагает для них следующие пропорции профессий: услуги (брадобреи, судьи, нотариусы) — 27,5%; строительное дело (каменщики, плотники, столяры, землекопы, саботье) — 26%; кожевенное дело (кожевники) — 17,4%; текстильное производство (красильщики, сукновалы, портные, ткачи) — 13%; мясники — 8,7%; торговцы — 4,3%; производство изделий из металла (кузнецы, ножовщики) — 2,9% [Defolie, 1999, с. 147]. Однако данные пропорции являются очень примерными, т. к. основываются лишь на количестве упоминания тех или иных профессий в источниках. В реальности ситуация могла выглядеть совсем иначе. Тем не менее это дает нам, по крайней мере, представление о том, какие производства существовали в Альби в изучаемый период.

Однако, несмотря на общий спад объемов производства и торговли, жизнь в городе не стояла на месте. Все производства, существовавшие в городе до Черной смерти, сохранились и в последующий период. Несмотря на сокращение населения, город продолжал оставаться значимым экономическим центром.

На фоне происходящих событий развивался крупнейший военный конфликт позднего Средневековья — Столетняя война. При этом необходимо подчеркнуть, что ее название является историографическим термином, появившимся в 1860-е гг. [Wagner, 2006, с. 159–160]. В реальности для каждого отдельного региона эта война имеет свою периодизацию, которая зачастую довольно серьезно отличается от широко распространенной датировки 1337–1453 гг. [Басовская, 1985]. Так, например, для соседнего с Альбижуа региона Керси этот термин является вполне подходящим, т. к. боевые действия на территории этого региона действительно продолжались около ста лет — с 1345 по 1444–1445 г. [Savy, 2009, с. 9].

Что же касается Альбижуа с центром в городе Альби, то первоначально жители региона лишь косвенно ощущали на себе тяготы войны — в виде налогов и необходимости снабжать войска короля Франции. Однако с 1359 г. военные действия дошли непосредственно до стен города и продолжались с разной степенью интенсивности вплоть до 1390-х гг. Недолгий период мира сменился повторной интенсификацией боевых действий начиная с 1410-х гг. Окончательно же боевые столкновения в регионе прекращаются к 1440-м гг.

Однако даже в периоды относительного мира у людей сохранялось чувство страха и незащищенности. Г. Ферран придает этому особое значение и делает акцент на том, что чувство беззащитности являлось движущим фактором, который способствовал изменениям в годы Столетней войны [Ferrand, 2009, с. 9–10].

Нередко упоминания о страхе мы встречаем и на страницах консульских счетов.

Так, например, в 1360 г. консулы отправляют посыльного в Тулузу к торговцам месье Пос де Пюегбюска и месье Р. Гарауд с письмом, в котором объясняют причину, по которой до сих пор не вернули им долг в размере 39 флоринов:

> «…car nos no auzavam trametre, car lo cami era perilhos de las gens del comte de Fois que corrian per tot lo Tolza…»
>
> «…так как не осмеливались отправить, потому что дорога была опасна из-за присутствия людей графа Фуа, которые заняли все окрестности Тулузы…» [Vidal, 1906–1911, с. 8].

Одной из особенностей Столетней войны стал феномен рутьеров — военных наемников, состоявших на службе у противоборствующих сторон и зачастую прибегавших к грабежу и террору мирного населения [Routiers et mercenaires…, 2016, с. 9]. Большую угрозу подобные отряды представляли и для Альби [Vidal, 1902, с. 190–193]. Чаще всего горожане предпочитали не вступать в бой с вооруженными профессионалами и откупались от них. Так, например, в 1382 г. город передает масло, соль и вино отряду под командованием Пауко де Лантара, занявшему окрестности Альби [Cabié, 1879, с. 29–30].

Однако в отдельных случаях горожане принимают непосредственное участие в боевых действиях. Так, в 1360 г. отряд из 20 арбалетчиков, набранных среди жителей Альби, под командованием капитана Горгаля участвует в военной экспедиции Жана де Пуатье, лейтенанта короля в Лангедоке, против Жана де Левис, барона Мирпуа [Vidal, 1903, с. 301–302].

В целом, за исключением небольших локальных операций с участием отрядов численностью в несколько десятков человек [Eclache, 1974, с. 43–48], в Альби не созывается городское ополчение для ведения войны, как это происходит, например, в городах Фландрии [Verbruggen, 2002, с. 149–150].

Большой объем сохранившейся информации актуализирует применение количественных методов при работе с источниками данного типа, в частности использование метода контент-анализа.

Использование данного метода позволило прийти к заключению о том, что 1370-е гг. были относительно спокойным временем для города. Термины, связанные с военной активностью, в этот период почти не употребляются. Однако следует обратить внимание на 1369–1370 гг., где данные термины употребляются чаще, чем за последующие годы, и 1380–1381 гг., которые отмечены резким всплеском военной активности (см. таблицу 1).

Таблица 1. Частота употребления терминов, связанных с военной активностью, в консульских счетах в 1370-х гг. (приводится по изданию [Vidal, 1906–1911, vol. 1])

Table 1. Frequency of use of terms related to military activity in consular accounts in the 1370s (according to Vidal [1906–1911, Vol. 1]).

Термины	1369–1370	1370–1371	1374–1375	1377–1378	1380–1381
Воины (gens d'armas)	7	3	0	2	34
Бомбарда (bombarda)	0	0	0	0	7
Сторожевая служба (bada, gag, reiregag)	11	6	5	0	11
Стена (muralha, mur)	6	0	0	1	19
Осада (seti)	0	1	0	0	31
Щит (paveza)	0	0	0	0	3
Арбалет (balesta)	0	0	0	0	2
Меч (espaza)	0	0	0	0	6
Урон (dampnatge)	3	1	0	0	3
Разбой (raubaria)	0	0	0	0	1
Рейд (cavalgada)	0	0	0	0	1
Шпионить, шпион (espiar, espia)	24	1	2	3	6

Следует обратить внимание и на употребление слов, связанных со сторожевой службой (*bada, gag, reiregag*). Данные термины используются достаточно регулярно, что объясняется тем, что даже в мирное время горожане не перестают думать о своей безопасности. Однако вполне отчетливо просматривается снижение частоты употребления этих терминов в 1370–1380 гг.

В консульских счетах за 1380–1381 гг. чаще всего упоминаются воины (*gens d'armas*) и осады (*seti*). Это объясняется тем, что в данный период город участвует в двух осадах — города Памплоны и замка Тюри, занятых англичанами. Этим объясняется употребление и других слов, таких как бомбарда (*bombarda*), арбалеты (*balestas*) и павезы (*pavezes*).

Помимо этого, городу приходится столкнуться с бандами бригандов и беззакониями воинов графа де Фуа, отсюда появление таких терминов, как разбой (*raubaria*), шевоше (*cavalgada*).

Кроме этого, в рассматриваемый период горожане начинают восстановление городской стены. Этим объясняется частота употребления слов, ее обозначающих (*muralha, mur*).

Также с помощью метода контент-анализа мы можем установить то, насколько тесными были связи и коммуникация между городами Южной Франции в изучаемый период. Так, Альби имеет связи с целым рядом городов, причем как регионального значения, так и с крупными политическими центрами, такими как Париж и Авиньон.

Наиболее часто при этом упоминаются Каркассон (более 400 раз в совокупности), Тулуза (более 200 раз), Фуа, Кастр и Париж (более 50 раз каждый).

Проведенный анализ позволил также выявить, что такие пункты, как замок Турия и Памплона, упоминаются почти исключительно лишь в случае с их осадой в 1380–1381 гг., до этого никаких связей между ними и Альби не зафиксировано. Это может свидетельствовать об их малом значении для жителей Альби (рис. 2).

Рис. 2. Альби в Средние века [Biget, 1983]
Fig. 2. Albi in the Middle Ages (Biget, 1983)

В целом же поддержание связей между городами имело чрезвычайно важное значение для организации обороны городов в ходе Столетней войны. Часто в источниках можно встретить упоминания о *letras d'avizamen* — посланиях, пересылаемых из одного города в другой с целью предупредить соседей о движении вражеских войск. Кроме этого, в случае возникновения опасности могли созываться собрания представителей городов для решения вопросов, связанных с обороной. Такая информационная сеть позволяла оперативно реагировать на возникавшие угрозы [Vidal, 1906–1911, т. 1, с. 30, 90, 223, 289, 338].

Наравне с этим, материал консульских счетов может использоваться для изучения ономастики, городской топографии. Так, например, одним из составляющих элементов городского пространства являлись сады, расположенные внутри городских стен. Особенно они разрослись после эпидемии Черной смерти: сокращение населения позволило использовать часть площадей под сады [Defolie, 1999, с. 30–31]. С интенсификацией военных действий в Альбижуа в 1350-е гг. горожане предпочитали по возможности выращивать овощи и фрукты внутри городских стен, где они находились в относительной безопасности.

Что касается городских фортификаций, то они состояли из стен, башен, ворот и рвов и надежно защищали город от нападений. Ширина рвов достигала 5, а на отдельных участках даже 8 метров. Дополнительно они защищались кольями, причем рвы имелись даже со стороны реки Тарн. Высота стен была около 3 метров. До сегодняшнего дня фортификации не сохранились, начиная с 1760 г. они были постепенно разобраны [Vidal, 1906–1911, т. 2, с. ii–iv].

Порой частью стен могли становиться даже отдельные дома. Таким образом, например, был перестроен дом Борд [Vidal, 1906–1911, т. 1, с. 25–34, т. 2, с. iv]. В источниках подробно описываются этапы его реконструкции.

В целом же постройка и реконструкция городской стены зачастую занимала очень продолжительное время — годы, а порой и десятилетия. Поэтому городские стены Средневековья, как правило, состояли из крайне неоднородных элементов, и зачастую различные участки стен строились из разных материалов, например, камня или кирпича [Butaud, 2002, с. 236–239]. Вполне вероятно, что это было характерно и для стен Альби.

Также стратегически важной артерией города являлся Старый мост. Долгое время он был единственным мостом через реку Тарн. Контроль над ним давал возможность контролировать Альбижуа в целом. По этой причине в источниках часто встречаются упоминания о военных отрядах, которые скапливались у стен города с целью пересечь мост [Vidal, 1906–1911, т. 1, с. 57, 326, 336].

Помимо этого, источник, являясь прежде всего финансовым документом, позволяет подробно изучить налоговую систему города.

Основным налогом в Альби была капитация, взимаемая со всех жителей города — как имущих, так и неимущих. Назывался он кабатже (*cabatge*). К этому налогу добавлялся налог на имущество, который рассчитывался пропорционально имевшейся у того или иного горожанина материальной собственности [Neyer, 1999, с. 366–367].

Налог на имущество, называемый кумю (*comu*), взимался для решения каких-либо конкретных вопросов. Его сумма являлась фиксированной и высчитывалась на основе описи имущества в кадастрах. Консулы, заранее зная, какая сумма им понадобится для решения

того или иного вопроса, взимали кумю столько раз, сколько это было необходимо для покрытия расходов. Так, в 1359 г. консулы взимали два, четыре, шесть, четырнадцать и шестнадцать кумю для решения различных вопросов [Defolie, 1999, с. 367].

В Альби кроме прямых существовали и косвенные налоги. Так, в 1359 г. вводится налог на вино для восстановления городских стен. Этот налог получает название сукет (*soquet*). Кроме этого в Альби взимался и характерный для всего Французского королевства налог на соль — габель (*gabelle*). Однако в 1359–1360 гг. косвенные налоги составляли лишь 26% доходов города, тогда как на прямые налоги приходился 71% доходов [Neyer, 1999, с. 371]. Оставшуюся часть средств консулы получали в виде доходов от имущества города [Biget, 1999, с. 106].

Помимо этого, консульские счета могут служить источником по политической истории города.

Политическая система в Альби была представлена третями ветвями институтов власти: королевской (представленной в виде должностей вигье, сенешаля, лейтенанта короля в Лангедоке и самого короля), сеньориальной (представленной сеньориальным судом и сеньором города — епископом) и городской (состоявшей из консулов, советников и общего собрания жителей города).

Каждая ветвь власти имела свои права и обязанности, и зачастую они соперничали между собой в вопросах управления городом.

Так, например, консулат появился в Альби после альбигойских войн первой трети XIII в., когда город, ранее принадлежавший графу Тренкавелю, попал в сеньориальную зависимость от епископа. Грамоты 1220 и 1269 гг. разграничивали полномочия консулов и епископа и послужили основой для формирования этого нового для Альби института власти [Defolie, 1999, с. 54].

Обязанностями консулов были сбор налогов, поддержание порядка в городе, организация сторожевой службы, обороны города в случае войны, возведение и ремонт городских укреплений, поддерживание дипломатических отношений с соседними городами и королем.

Консулы избирались населением города сроком на один год. Впоследствии возможно было переизбрание, но, как правило, лишь спустя четыре года после истечения срока предыдущего мандата. В отдельных же случаях по тем или иным причинам консулы могли не переизбираться два года подряд, как, например, это было в 1368–1369 гг. и 1369–1370 гг. [Vidal, 1906–1911, т. 1, с. 37, 113].

Наибольшее число мандатов за изученный период имел Дурде Гаудетрю. Он избирался консулом 8 раз (в 1359–1360 гг., 1368–1369 гг., 1372–1373 гг., 1378–1379 гг., 1382–1383 гг., 1386–1387 гг., 1387–1388 гг.). По 4 раза избирались Франсес Пикарт (1359–1360 гг., 1368–1369 гг., 1369–1370 гг., 1377–1378 гг.) и мэтр Бернат Лунк (1359–1360 гг., 1371–1372 гг., 1374–1375 гг., 1381–1382 гг.). Трижды избирался Филип Вайсьейро (в 1360–1361 гг., 1368–1369 гг., 1369–1370 гг.) [Vidal, 1900, 1906–1911].

Следует обратить внимание и на тот факт, что в каждом городе процедура избрания консулов была организована по-разному. Если в городе Сент-Флур консулы избирались городским советом, то в Альби в выборах участвовало все население города [Defolie, 1999, с. 142].

Заключение

Проведенное исследование позволило прийти к следующим выводам. Консульские счета Альби представляют собой огромный массив данных, которые могут быть использованы при изучении различных аспектов жизни средневекового города — его экономической, социальной, политической составляющей, пространственном измерении. Значительное количество источников, большая длительность охватываемого ими периода (почти полтора столетия) позволяют увидеть динамику жизни города, проследить происходившие изменения в их связи с соседними городами и с событиями регионального и общеевропейского масштаба. Однако основной проблемой при изучении консульских счетов является то, что их основная масса до сих пор остается неопубликованной и по этой причине недоступной большинству медиевистов. В связи с этим приоритетными задачами на данный момент являются работа по их публикации и введению в научный оборот, а также их глубокий источниковедческий анализ.

Список источников

Басовская Н. И. 1985. Столетняя война 1337–1453 гг. М.: Высшая школа. 185 с.

Осокин Н. А. 2003. История альбигойцев и их времени. М.: АСТ. 896 с.

Пти-Дютайи Ш. 1983. Феодальная монархия во Франции и в Англии X–XIII веков / пер. С. П. Моравского. М.: Гос. соц.-эконом. изд-во. 410 с.

Archives départementales du Tarn. Albi. 4 EDT CC 149–451.

Biget J.-L. 1983. Histoire d'Albi. Toulouse: Privat. 356 pp.

Biget J.-L. 1999. Formes et techniques de l'assiette et de la perception des impôts à Albi et à Rodez au bas Moyen Âge // La fiscalité des villes au Moyen Âge (Occident méditerranéen). 2. Les systèmes fiscaux / D. Menjot, M. Sánchez Martínez (Éd.). Toulouse: Privat. Pp. 103–127.

Bochaca M. 2005. Les relations économiques entre villes et campagnes dans la France méridionale (XIII^{e}–XV^{e} siècle): bilan et perspectives de recherche // Bibliothèque de l'école des chartes. T. 163. Pp. 353–384.

Bompaire M., Dumas F. 2000. Numismatique médiévale. Monnaies et documents d'origine française. Turnhout: Brepols. 687 pp.

Boudet M. (Éd.). 1900. Registres consulaires de Saint-Flour en langue romane avec présumé français (1376–1405). Paris, Riom.

Butaud G. 2002. Le coût de la guerre et de la défense dans les villes au bas Moyen Âge: l'exemple de la France du Midi et de l'Italie // La fiscalité des villes au Moyen Âge (Occident méditerranéen). 3. La rédistribution de l'impôt / D. Menjot, M. Sánchez Martínez (Éd.). Toulouse: Privat. Pp. 235–265.

Cabié E. 1879. Évènements relatifs à l'Albigeois pendant la querelle du comte de Foix et du duc de Berry, de 1380 à 1382. Albi: Nouguiès. 40 pp.

Defolie E. 1999. Albi au Bas Moyen Âge: d'après le registre des délibérations municipales de 1372 à 1382. Mémoire de maîtrise / Sous la direction de B. Cursente. Toulouse: Université Toulouse-Le Mirail.

Devic C., Vaissète J. Histoire générale de Languedoc. Toulouse: Privat, 1885. T. 9.

Eclache M. 1974. Envoie de troupes d'Albi au secours de Bazas en 1424 // Revue du Tarn. Vol. 73. Pp. 43–48.

Fagan B. 2019. The Little Ice Age. How Climate Made History, 1300–1850. New York.

Ferrand G. 2009. Communauté et insécurité en Rouergue à la fin du Moyen Âge. Thèse de doctorat / Sous la direction de Mireille Mousnier et Jean-Loup Abbé. Toulouse: Université Toulouse-Jean Jaurès.

Jolibois É. 1869. Commune d'Albi (878–[1896]). 4 EDT (1 297 articles). Répertoire méthodique détaillé. Albi.

Molinier A. 1904. Les sources de l'histoire de France des origines aux guerres d'Italie. New York: Burt Franklin. Vol. 4: Les Valois, 1328–1461.

Neyer J. 1999. L'impôt direct à Albi, d'après les comptes de 1359 et 1360 // La Fiscalité des villes au Moyen Âge (Occident Méditerranéen). 2. Les systèmes fiscaux / D. Menjot, M. Sánchez Martínez (Éd.). Toulouse: Privat. Pp. 365–372.

Pépin G., Lainé F., Boutoulle F. (Éds.). 2016. Routiers et mercenaires pendant la guerre de Cent ans. Actes du colloque de Berbiguière (13–14 septembre 2013). Bordeaux: Ausonius Éditions.

Savy N. 2009. Les villes du Quercy en guerre: la défense des villes et des bourgs du Haut-Quercy pendant la guerre de Cent ans: aspects militaires, politiques et socio-économique. Pradines: Éd. Savy AE.

Strayer J. R. (Ed.). 1982–1989. Dictionary of the Middle Ages. 13 vols.

Verbruggen J. F. 2002. Flemish urban militias against the French cavalry armies in the fourteenth and fifteenth centuries // Journal of Medieval Military History. Vol. 1. Pp. 145–169.

Vidal A. (Éd.). 1900. Comptes consulaires d'Albi (1359–1360). Toulouse: Privat.

Vidal A. 1902. Un chapitre de l'histoire de la guerre de Cent Ans dans l'Albigeois (1375–1385) // Revue du Tarn. Pp. 189–208, 307–330.

Vidal A. 1903. Armement d'une compagnie d'arbalétriers albigeois en 1360 // Revue du Tarn. Vol. 12. Pp. 301–312.

Vidal A. (Éd.). 1906–1911. Douze comptes consulaires d'Albi du XIV[e] siècle. Albi: Imprimerie Nougiès. Vols. 1–2.

Wagner J. A. 2006. Encyclopedia of the Hundred Years War. Westport: Greenwood Press. 432 pp.

References

Basovskaya, N. I. (1985). *Hundred Year's War 1337–1453*. Vysshaya Shkola. [In Russian]

Osokin, N. A. (2003). *The History of Albigensians and Their Time*. AST. [In Russian]

Petit-Dutaillis, C. (1983). *La monarchie féodale en France et en Angleterre: X[e]–XIII[e] siècle* (S. P. Moravskii, Trans.). Gosudastvennoe sotsialno-economicheskoe izdatelstvo. [In Russian]

Archives départementales du Tarn. Albi. 4 EDT CC 149–451.

Biget, J.-L. (1983). *Histoire d'Albi*. Privat.

Biget, J.-L. (1999). Formes et techniques de l'assiette et de la perception des impôts à Albi et à Rodez au bas Moyen Âge. In *La fiscalité des villes au Moyen Âge (Occident méditerranéen). Les systèmes fiscaux* (pp. 103–127).

Bochaca, M. (2005). Les relations économiques entre villes et campagnes dans la France méridionale (XIII[e]–XV[e] siècle): bilan et perspectives de recherche. *Bibliothèque de l'école des chartes, 163*, 353–384.

Bompaire, M., & Dumas, F. (2000). *Numismatique médiévale. Monnaies et documents d'origine française*. Brepols.

Boudet, M. (Ed.). (1900). *Registres consulaires de Saint-Flour en langue romane avec présumé français (1376–1405)*. Riom.

Butaud, G. (2002). Le coût de la guerre et de la défense dans les villes au bas Moyen Âge: l'exemple de la France du Midi et de l'Italie. In D. Menjot & M. Sánchez Martínez (Eds.), *La fiscalité des villes au Moyen Âge (Occident méditerranéen). 3: La rédistribution de l'impôt* (pp. 235–265). Privat.

Cabié, E. (1879). *Évènements relatifs à l'Albigeois pendant la querelle du comte de Foix et du duc de Berry, de 1380 à 1382*. Nouguiès.

Defolie, E. (1999). *Albi au Bas Moyen Âge: d'après le registre des délibérations municipales de 1372 à 1382. Mémoire de maîtrise* (B. Cursente, Dir.). Université Toulouse-Le Mirail.

Devic, C., & Vaissète, J. (1885). *Histoire générale de Languedoc* (Vol. 9). Privat.

Eclache, M. (1974). Envoie de troupes d'Albi au secours de Bazas en 1424. *Revue du Tarn, 73*, 43–48.

Fagan, B. (2019). *The Little Ice Age. How Climate Made History, 1300–1850*.

Ferrand, G. (2009). *Communauté et insécurité en Rouergue à la fin du Moyen Âge* [Doctoral dissertation] (M. Mousnier & J.-L. Abbé, Dir.). Université Toulouse-Jean Jaurès.

Jolibois, É. (1869). Commune d'Albi (878–[1896]). 4 EDT (1297 articles). *Répertoire méthodique détaillé*.

Molinier, A. (1904). *Les sources de l'histoire de France des origines aux guerres d'Italie. Vol. 4: Les Valois, 1328–1461*. Burt Franklin.

Neyer, J. (1999). L'impôt direct à Albi, d'après les comptes de 1359 et 1360. In D. Menjot, & M. Sánchez Martínez (Eds.), *La Fiscalité des villes au Moyen Âge (Occident Méditerranéen). 2: Les systèmes fiscaux* (pp. 365–372). Privat.

Pépin, G., Lainé, F., & Boutoulle, F. (Eds.). (2016). *Routiers et mercenaires pendant la guerre de Cent ans. Actes du colloque de Berbiguière (13–14 septembre 2013)*. Ausonius Éditions.

Savy, N. (2009). *Les villes du Quercy en guerre: la défense des villes et des bourgs du Haut-Quercy pendant la guerre de Cent ans: aspects militaires, politiques et socio-économique*. Éd. Savy AE.

Strayer, J. R. (Ed.). (1982–1989). *Dictionary of the Middle Ages in 13 vols*.

Verbruggen, J. F. (2002). Flemish Urban Militias against the French Cavalry Armies in the Fourteenth and Fifteenth Centuries. *Journal of Medieval Military History, 1*, 145–169.

Vidal, A. (Ed.). (1900). *Comptes consulaires d'Albi (1359–1360)*. Privat.

Vidal, A. (1902). Un chapitre de l'histoire de la guerre de Cent Ans dans l'Albigeois (1375–1385). *Revue du Tarn*, 189–208, 307–330.

Vidal, A. (1903). Armement d'une compagnie d'arbalétriers albigeois en 1360. *Revue du Tarn, 12*, 301–312.

Vidal, A. (Ed.). (1906–1911). *Douze comptes consulaires d'Albi du XIV[e] siècle. Vols. 1–2*. Imprimerie Nougiès.

Wagner, J. A. (2006). *Encyclopedia of the Hundred Years War*. Greenwood Press.

Информация об авторах

Дмитрий Валерьевич Байдуж, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
bayduzh@yandex.ru

Лев Олегович Раевский, аспирант, кафедра истории, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
lewaraewski2015@mail.ru

Information about the authors

Dmitriy V. Bayduzh, Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor, Department of History, University of Tyumen, Tyumen, Russia
bayduzh@yandex.ru

Lev O. Raevskii, Postgraduate Student, Department of History, University of Tyumen, Tyumen, Russia
lewaraewski2015@mail.ru

Научная статья / Research Article
История

https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-1-132-152
УДК 94(100)

«Воззвание Дэвида Уокера…» — главный манифест радикального афроамериканского аболиционизма

Андрей Андреевич Шумаков✉

Тульский филиал Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, Тула, Россия
Контакт для переписки: takamori@rambler.ru✉

Аннотация. Данная работа повествует об одном из ключевых эпизодов афроамериканской истории и истории американского аболиционизма, связанного с выходом в сентябре 1829 г. в Бостоне «Обращения Дэвида Уокера к цветным гражданам мира, и в особенности США»[1]. Появление этого «революционного воззвания», несомненно, ознаменовало собой новую веху в развитии движения борьбы против рабства и фактическое возникновение такого течения, как радикальный афроамериканский аболиционизм. Реакцию на выход указанного документа со стороны властей Южных штатов можно назвать беспрецедентной по своим масштабам и последствиям. Она нашла выражение в принятии целого ряда законодательных ограничений, в свою очередь ознаменовавших собой наступление периода продолжительной реакции на американском Юге, который завершится лишь после окончания Гражданской войны 1861–1865 гг. Значение данного события сложно переоценить. По прошествии почти двух веков фигура Дэвида Уокера и его знаменитое «Воззвание» всё так же вызывают повышенный интерес со стороны западных исследователей и не только. Однако в отечественной историографии серьезных работ на данную тему до настоящего момента еще не выходило.

[1] Полное название рассматриваемого документа звучит как: «Обращение Уокера в четырех статьях; вместе с преамбулой, к цветным гражданам мира, но в особенности и очень ясно к гражданам Соединенных Штатов Америки, написанной в Бостоне, штат Массачусетс, 28 сентября 1829 г.». Однако для удобства изложения далее по тексту автор будет использовать сокращенный вариант названия, включая «Обращение», «Воззвание», «Призыв» и памфлет Дэвида Уокера, которые следует воспринимать как синонимичные.

© Автор(ы), 2024

Целью данного исследования является выявление и рассмотрение причин и обстоятельств написания «Воззвания Дэвида Уокера», анализ основных положений указанного документа и последствий, вызванных его распространением. Помимо этого особое внимание автор уделяет обзору историографии указанного вопроса. Источниковой базой выступают газетные публикации, письма и законопроекты рассматриваемого периода, а также сам текст «Обращения».

Методологическую базу исследования составляют: каузальный, историко-описательный, историко-генетический, историко-типологический, ретроспективный и сравнительно-исторический методы. Главной является материалистическая диалектика, позволяющая увидеть развитие аболиционистского движения в динамике и влияние сопутствующих факторов.

В заключении автор приходит к выводу, что памфлет Уокера стал выражением важнейшей тенденции в развитии американского аболиционизма конца первой трети XIX в. В частности, появление этого документа наглядно продемонстрировало радикализацию самой афроамериканской общины и ее готовность включиться в борьбу за отмену рабства и равные права.

Ключевые слова: Дэвид Уокер, «Воззвание Уокера … », рабство, аболиционизм, радикальный афроамериканский аболиционизм, панафриканизм, черный национализм, афроамериканская история (Black History)

Цитирование: Шумаков А. А. 2024. «Воззвание Дэвида Уокера … » — главный манифест радикального афроамериканского аболиционизма // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 10. № 1 (37). С. 132–152. https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-1-132-152

Поступила 20.07.2023; одобрена 31.01.2024; принята 04.03.2024

Walker's Appeal... is the main manifesto of radical African-American abolitionism

Andrey A. Shumakov✉

Tula Branch of the Plekhanov Russian University of Economics, Tula, Russia
Corresponding author: takamori@rambler.ru✉

Abstract. This work is about one of the key episodes of African-American history and the history of American abolitionism associated with the publication in September 1829 in Boston of *Walker's Appeal, in Four Articles; Together with a Preamble, to the Coloured Citizens of the World.* The appearance of this "revolutionary appeal" undoubtedly marked a new milestone in the development of the anti-slavery movement

and the actual emergence of such a trend as radical African-American abolitionism. The reaction to the release of this document by the authorities of the Southern States can be called unprecedented in its scale and consequences. It found expression in the adoption of a number of repressive laws, which, in turn, marked the beginning of a period of prolonged reaction in the American South, which would end only after the end of the Civil War of 1861–1865. The significance of this event is difficult to overestimate. After almost two centuries, the figure of David Walker and his *Appeal* still arouse increased interest from Western researchers and not only. However, no serious works on this topic have been published in Russian historiography up to the present moment.

This study aims to identify and examine the causes and circumstances of the writing of the *Walker's Appeal…,* to analyze the main provisions of this document and the consequences caused by its dissemination. In addition, the author pays special attention to the review of the historiography of this issue. The source base is newspaper publications, letters and bills of the period under review, as well as the text of the *Appeal.*

The methodological basis of the research consists of causal, historical-descriptive, historical-genetic, historical-typological, retrospective, and comparative-historical methods. The materialistic dialectic plays the main role, showing the development of the abolitionist movement in dynamics and the influence of related factors.

The author concludes that *Walker's Appeal…* became an expression of the most important trend in the development of American abolitionism at the end of the first third of the nineteenth century. The appearance of this document clearly demonstrated the radicalization of the African-American community itself and its willingness to join the struggle for the abolition of slavery and its rights.

Keywords: David Walker, *Walker's Appeal…,* slavery, Abolitionism, radical African-American abolitionism, pan-Africanism, black nationalism, African American history (Black History)

Citation: Shumakov, A. A. (2024). *Walker's Appeal...* is the main manifesto of radical African-American abolitionism. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, *10*(1), 132–152. https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-1-132-152

Received Jul. 20, 2023; Reviewed Jan. 31, 2024; Accepted Mar. 4, 2024

Введение

Появление этой небольшой брошюры в 1829 г. на американском Юге вызвало небывалый общественный резонанс. Последствия оказались настолько ощутимыми, что превзошли по своим масштабам даже последствия раскрытия крупнейших рабских заговоров 1800 и 1822 гг. Свободный чернокожий торговец из Бостона Дэвид Уокер в одиночку сделал то, что казалось абсолютно невозможным в американском обществе первой трети XIX в., публично бросив вызов не только устоям рабовладельческого Юга, но и белому

супремасизму Севера. Опровергая распространенный в то время тезис о том, что негры США не способны к самоорганизации и глубокой политико-философской рефлексии, он напрямую обратился к своим угнетенным соплеменникам в своем знаменитом памфлете. Многие увидели в этом «Обращении» открытый призыв к восстанию. Жесткая реакция со стороны властей не заставила себя ждать, эхом отозвавшись по всему Югу в виде принятия огромного количества законодательных (и не только) ограничений по отношению к «цветному» населению. Все читатели и распространители данной брошюры были приравнены к подстрекателям мятежа.

Вообще значимость выхода указанного памфлета сложно переоценить. «Воззвание Дэвида Уокера» без каких-либо оговорок можно назвать центральным документом в истории американского аболиционизма. Именно в нем впервые была артикулирована и, что самое главное, подробно аргументирована необходимость деятельного сопротивления негритянской общины рабству и дискриминации. Значимость «Обращения» Уокера заключается еще и в том, что побочным эффектом его выхода стал фактический раскол аболиционистского движения в США. В этом отношении дату опубликования указанного памфлета можно с полным основанием назвать датой появления такого течения, как *радикальный афроамериканский аболиционизм.*

Вирджинские заговоры 1800 и 1802 гг., Орлеанское восстание 1811 г. и попытка захвата Чарлстона южно-каролинскими рабами под предводительством Денмарка Визи в 1822 г. и последующие судебные разбирательства, несомненно, свидетельствовали о наличии в среде представителей афроамериканской общины радикальных настроений. Однако все указанные события оставили крайне мало сведений о внутренней мотивации и идейно-политических воззрениях их участников, что, в свою очередь, позволило властям и «официальной» прессе списать всё на «религиозный фанатизм», «природную предрасположенность негров к грабежу и насилию», а также на «подстрекательство со стороны белых аболиционистов и иностранцев». В то время как «Обращение Дэвида Уокера» наглядно продемонстрировало, что не только «низменные» и личные мотивы могут быть причиной стремления к активному сопротивлению у значительной части чернокожего населения, но и вполне осознанное желание освобождения и преодоления дискриминации и угнетения.

Обзор источниковой базы и историографии

Помимо непосредственно самого текста «Обращения», основу источниковой базы данного исследования составляют многочисленные газетные публикации и постановления законодательных органов Южных штатов, которые позволяют оценить и проанализировать общественную и политическую реакцию на выход и, что еще более важно, ход распространения указанного документа.

Стоит отметить, что появление «Воззвания» стало большой неожиданностью не только для властей Южных штатов, но и для противников рабства на Севере, большинство из которых не поддержали «Обращение Уокера», посчитав его несвоевременным и опасным для дела освобождения. В числе осудивших были и такие выдающиеся представители аболиционистского движения, как *Бенджамин Ланди* и *Уильям Ллойд Гаррисон.* На страницах

своей газеты Genius of Universal Emancipation Ланди обрушился с критикой на автора «Воззвания», которое было названо «тщетной попыткой разжечь худшие страсти человеческой природы и воспламенить умы тех, кому оно было адресовано» [The Genius of Universal Emancipation, 1830-04]. Автор также предостерегал, что «любая попытка добиться свободы и справедливых прав силой в течение длительного времени неизменно закончится поражением, если не истреблением цветного населения» [The Genius of Universal Emancipation, 1830-04]. У. Л. Гаррисон также осудил выход и распространение указанного памфлета, но в более мягкой форме, отдав должное уму и смелости его создателя [The Genius of Universal Emancipation, 1830-01-15].

На протяжении 1830-х гг. к манифесту Дэвида Уокера предпочитали не обращаться по вполне очевидным причинам — слишком уж маргинальным казался этот документ. Однако в 1840-х гг. данная брошюра становится вновь актуальной в связи с окончательным оформлением раскола в аболиционистском движении и выделением радикального направления. Неудивительно, что первым, кто возродил этот интерес, был *Генри Хайленд Гарнет,* по праву считавшийся самым крайним представителем афроамериканского движения против рабства. В 1848 г. он переиздает «крамольный» памфлет вместе со своей известной речью «Обращение к рабам» [Garnet, 1848]. Оба воззвания открыто призывали негритянское население США к активному сопротивлению. При этом речь Гарнета явно была написана под впечатлением от работы своего предшественника, чего, собственно, сам автор никогда и не скрывал.

После окончания Гражданской войны отношение к «Воззванию» меняется. Теперь уже оно оценивается как ключевой документ аболиционистского движения, выход которого в 1829 г. опередил свое время и вдохновил многих на борьбу с рабством [May, 1869, с. 134–144]. Фигура Дэвида Уокера и его памфлет вновь оказываются в центре внимания. Отсылки к «Обращению» можно встретить не только у выдающихся чернокожих лидеров, таких как *Фредерик Дуглас,* Г. Х. Гарнет и *Мартин Робинсон Делани,* но и у многих представителей политического истеблишмента США, особенно из числа радикальных республиканцев.

После наступления периода реакции, более известной как эпоха Джима Кроу (1890–1964), отношение к «Воззванию» вновь меняется. Довольно отчетливо эту тенденцию можно наблюдать на примере статьи знаменитого американского историка *Клемента Итона* «Опасный памфлет на Старом Юге» [Eaton, 1936], в которой последний, анализируя последствия распространения указанного документа, приходит к выводу, что «Призыв», безусловно, подталкивал чернокожее население США к противоправным действиям и заслуживал запрещения. При этом К. Итон во многом оправдывал ответную реакцию властей, признавая ее, правда, местами слишком жесткой [Eaton, 1936, с. 333].

Следующим знаковым обращением к памфлету Уокера стал известный труд американского писателя и историка *Джея Сондерса Реддинга* «Они прибыли в цепях». В данной работе автор называет «Призыв» «криком ярости, скрывавшим под покровами религиозности неизмеримые дозы яда, от которых исходил запах серы» [Redding, 1973]. Таким образом, Д. С. Реддинг отказывает данному документу не только в прогрессивной направленности, но и в объективном характере появления и представленной аргументации.

В 1960-х гг. происходит очередная инверсия, связанная с подъемом движения за права афроамериканцев. Указанные изменения можно видеть на примере появления целого ряда работ американских историков: *Луиса Филлера* [Filler, 1960], *Дуайта Дюмонда* [Dumond, 1961], *Стерлинга Стаки* [Stuckey, 1972], *Джеймса Оливера Хортона* [Horton, 1976, 1997, 2005, 2006], *Пола Гудмана* [Goodman, 1998] и *Генри Майера* [Mayer, 1998]. Все они высоко оценивали значение данного документа в афроамериканской истории и истории аболиционистского движения, считая его автора выразителем важнейшей тенденции в общественном мнении США по отношению к вопросу рабства и прав чернокожих американцев.

В 1965 г. выходит книга знаменитого историка-марксиста *Герберта Аптекера* «Один бесконечный плач: Призыв Дэвида Уокера к цветным гражданам мира (1829–1830)» [Aptheker, 1965], в которой автор подробно исследует обстоятельства и последствия выхода указанного документа. Данную работу можно с полным основанием назвать первой в американской историографии попыткой серьезного академического анализа «Воззвания» и обстоятельств его появления.

Со второй половины 1990-х гг. начинают появляться важные специализированные исследования. Среди них можно выделить: статью *Табити Асукиле* [Asukile, 1999], посвященную критике представления С. Стаки [Stuckey, 1976, 1987] о Дэвиде Уокере как основоположнике такого направления, как черный национализм, статью *Мелвина Роджерса* [Rogers, 2014], повествующую о политических последствиях выхода манифеста, работу *Хасана Крокетта* [Crockett, 2001], рассказывающую о последствиях распространения «Воззвания» в Джорджии, научное эссе *Норберта Финча* [Finzsch, 2014] о значении «Призыва» в контексте общей парадигмы развития американского аболиционизма. Одной из последних попыток обращения к указанной теме является диссертация профессора Техасского университета *Чарльза Роберта Холма* [Holm, 2021]. В своем исследовании автор приходит к выводу, что «Воззвание» вполне можно считать примером проявления и теоретического обоснования классового антикапиталистического интернационализма.

Отдельное место в историографии изучения памфлета Дэвида Уокера занимают филологические и текстуальные исследования *Криса Апапа* [Apap, 2011], доктора философии *Марси Диниус* [Dinius, 2022] и магистерская диссертация *Бена Бека* [Beck, 2007].

Отдельно необходимо выделить монографию профессора Йельского университета *Питера Хинкса* [Hinks, 1997], которая представляет собой наиболее полное изложение биографии Дэвида Уокера, а также обстоятельств и последствий выхода исследуемого документа.

Текущее исследование является первой в отечественной историографии попыткой обобщить имеющиеся сведения и проанализировать основные положения «Обращения Дэвида Уокера», а также причины и обстоятельства его написания и последствия распространения. Но самое важное заключается в том, что автор вписывает выход указанного манифеста (равно как и последующие события) в общую концепцию генезиса радикального афроамериканского аболиционизма, характеризуя его как показательный, а главное — переломный момент в истории развития данного явления.

Результаты и обсуждение

Причины и обстоятельства написания

Было бы большой ошибкой полагать, что «Обращение Дэвида Уокера» вышло в свет исключительно благодаря стараниям, впечатлительности и несомненному литературному таланту его автора, хотя подобную трактовку и по сей день можно встретить в целом ряде научных исследований. Выход указанного воззвания в 1829 г., безусловно, имел целый ряд объективных причин. Послание бостонского аболициониста в полной мере несло на себе отпечаток эпохи и выражало определенные настроения и чаяния части афроамериканской общины первой трети XIX в., которой, собственно, оно и предназначалось.

Разумеется, «Призыв Дэвида Уокера» не был первым воззванием афроамериканского аболиционизма. Здесь можно вспомнить аналогичные обращения *Принса Холла* [напр., (1797) Prince Hall speaks to the African Lodge, 1792], *Ричарда Аллена* [напр., Allen, 1794], *Авессалома Джонса* [напр., Jones, 1808] и *Джеймса Фортена* [напр., Forten, 1813], которые точно так же распространялись в виде небольших брошюр, иногда тайно. Более того, указанные деятели были известны еще и тем, что подавали петиции в законодательные собрания штатов и Конгресс США. Так что появление подобного документа едва ли можно назвать из ряда вон выходящим событием, даже по меркам того времени.

Сам Д. Уокер, несомненно, был великолепно знаком с работами своих предшественников, т. к. являлся агентом первого афроамериканского издания Freedom's Journal и принадлежал к Африканской методистской епископальной церкви. В частности, в своем обращении он цитирует и всячески превозносит ее главу Р. Аллена, заявляя, что этот епископ «сделал для своих невежественных и несчастных собратьев больше, чем любой другой цветной человек со времен сотворения мира» [Garnet, 1848]. Таким образом, не вызывает никаких сомнений, что Уокер находился под сильным влиянием афроамериканских аболиционистов и «черных» методистов. Однако вместе с тем нужно признать, что он пошел гораздо дальше своих предшественников и открыто заявил о том, о чем те, как правило, предпочитали говорить крайне обобщенно и завуалированно.

Анализируя причины и обстоятельства написания «Воззвания», важно понимать динамику развития аболиционистского движения и изменения отношения к вопросам рабства и расового равноправия в американском обществе. Конец XVIII в. стал для «цветных» жителей США временем больших надежд и, как это ни парадоксально звучит, относительной свободы. Многие в то время были убеждены, что с таким явлением, как рабство, вскоре будет покончено, и все афроамериканцы в конечном итоге будут уравнены в правах с белым населением. Эта мысль отчетливо прослеживается в работах П. Холла, *Пола Каффи,* Дж. Фортена, Р. Аллена, А. Джонса и некоторых других чернокожих представителей раннего американского аболиционизма. Данным обстоятельством объясняется и относительная «умеренность» движения против рабства, выражающаяся в стремлении добиваться освобождения посредством подачи петиций, путем создания судебных прецедентов, освободительных проповедей и т. п.

Однако уже в конце XVIII — начале XIX в. становится понятно, что никакого освобождения в ближайшее время не предвидится. Это вызывает разочарование у аболиционистов

и значительной части «цветного» населения. Последнее находило свое выражение в том числе и в активном продвижении идеи репатриации. Раскрытие в августе 1800 г. в Вирджинии крупнейшего заговора рабов под предводительством Габриэля [Шумаков, 2022] стало, пожалуй, первым тревожным сигналом для американских властей, наглядным свидетельством роста недовольства среди широких масс рабского населения. Хотя даже там можно видеть, что повстанцы были настроены вполне интеграционистски по отношению к местному белому населению. С властями Ричмонда в случае успеха предлагалось заключить некое соглашение об отмене рабства и уравнивании в правах. Реакцию на раскрытие заговора также можно назвать вполне умеренной, т. к. оно не повлекло за собой серьезных изменений на законодательном уровне. Это объясняется, в первую очередь, социально-экономическими причинами. Повышение цен на хлопок и появление прослойки городских рабов давали возможность их хозяевам получать солидную прибыль, не прибегая к жесткой эксплуатации, а Трансатлантическая работорговля до 1807 г. обеспечивала стабильный приток бесплатной рабочей силы с Черного континента. В то же время стоит отметить, что многие свободные «цветные» были довольно прочно интегрированы в американское общество, несмотря на действующие дискриминационные ограничения.

Однако в 1820-е гг. ситуация резко меняется. Падение цен на хлопок привело к усилению эксплуатации рабов, число которых продолжало стремительно расти. Всё это повлекло за собой рост недовольства даже среди свободного «цветного» населения.

Показательным примером подобной радикализации стал заговор 1822 г. под руководством *Денмарка Визи*. В отличие от заговора Габриэля, он уже не предполагал заключения каких-либо соглашений с властями Чарлстона и даже дальнейшего сосуществования, а лишь полное истребление местного белого населения и эмиграцию на Гаити [Шумаков, 2022]. Ведущий специалист по афроамериканской истории профессор *Дуглас Эгертон* допускает, что Уокер не только был хорошо знаком с событиями в Южной Каролине, где проживал длительное время, но и с самим Д. Визи, и даже вполне мог являться его учеником [Egerton, 2004, с. 130–131]. Подобный вывод автор делает на основании упоминания в тексте «Обращения» о налете городской стражи на некую афроамериканскую церковь в Чарлстоне, в действительности имевшем место 7 июня 1818 г.

Разумеется, Южно-Каролинский заговор 1822 г. был не единственным. Г. Аптекер в своей работе «Бунты американских рабов» вообще называет третье десятилетие XIX в. «периодом резкого усиления бунтарской активности» [Aptheker, 1974, с. 164], которое происходило на фоне революционных потрясений во всем мире. В это время фиксируется сразу несколько рабских восстаний на Мартинике, Пуэрто-Рико, Кубе, Антигуа, Тортоле, Ямайке и в Демераре и негритянские волнения в США [Aptheker, 1974, с. 165]. Безусловно, являясь агентом и членом редакционной коллегии Freedom's Journal, Уокер был в курсе происходящего. Собственно, данное издание, появившееся в марте 1827 г., специализировалось именно на рассмотрении международной и внутриполитической повестки в контексте обличения рабовладения и расовой дискриминации.

Еще одной важной тенденцией стал стремительный рост «цветного» населения в Южных штатах. Это в совокупности с усилением социально-этнической напряженности, конечно же, не могло не вызывать опасений у властей и простых обывателей.

Результатом стало принятие целого ряда законодательных ограничений как в отношении свободного «цветного» населения, так и рабов. К примеру, после раскрытия заговора Денмарка Визи в Южной Каролине были приняты следующие ограничения: запрет на сдачу рабов внаем, каждого свободного негра обязали иметь белого опекуна, который выполнял бы функции контролера и поручителя, обучение «цветных» письму и чтению также приравнивалось к преступлению, равно как и их еженедельные воскресные городские собрания [Aptheker, 1974, с. 170]. Примечательно, что в других Южных штатах аналогичные меры будут приняты только после выхода «Обращения Уокера».

Еще одним важным обстоятельством радикализации афроамериканского аболиционизма являлось завершение процесса креолизации местного «цветного» населения. После принятия в 1808 г. администрацией *Томаса Джефферсона* закона о запрете работорговли приток африканских рабов оказался резко ограничен. Процесс формирования у местного «цветного» населения единой идентичности заметно ускорился. Причем не последнюю роль в этом сыграло принятие тех самых дискриминационных законов, крайне затруднивших интеграцию негров в американское общество. Многие «цветные» стали чувствовать себя отдельным народом, которому совместными усилиями предстоит добиться признания своих прав. В случае с «Воззванием» Д. Уокера это просматривается особенно отчетливо. Автор не просто обращается к своим соплеменникам, но и открыто называет их единым народом, приводя примеры из «общей» истории.

Вообще, панафриканистская и националистическая направленность памфлета Уокера является предметом серьезной научной дискуссии. Так, известные специалисты по афроамериканской истории *Питер Лайнбо* и *Маркус Редикер* отмечают, что «Воззвание» «быстро стало манифестом панафриканской свободы» [Linebaugh, 2000, с. 299], а С. Стаки и вовсе рассматривал «Призыв Уокера» как «самую всеобъемлющую формулировку чернокожего национализма, появившуюся в Америке в XIX веке» [Stuckey, 1972, с. 9]. В то же время ведущий специалист по данной теме профессор *Уилсон Иеремия Мозес* [Moses, 1996, с. 15] и основной биограф Уокера П. Хинкс [Hinks, 1997, с. 250] категорически отрицают подобную трактовку, считая, что речь в документе идет не о национальном отделении и культурном обособлении, а всего лишь об интеграции в американское общество на равных правах. По их мнению, несмотря на явные мессианские мотивы и апелляцию к общей истории негритянского народа, Уокер не предполагал создания отдельного «черного» государства на Американском континенте и категорически отвергал проект возвращения в Африку. Иными словами, он был движим исключительно аболиционистскими, религиозными и эгалитарными мотивами.

Примечательным фактом здесь является и деятельность Американского колонизационного общества и их плана репатриации, который в памфлете оказался подвергнут беспощадной критике. Это также можно назвать проявлением объективной тенденции. Дело в том, что к моменту выхода «Обращения» для многих было вполне очевидным, что идея возвращения на историческую родину не вызывает массового отклика у «цветного» населения США. Отсутствие значительного количества желающих перебраться на Черный континент можно наблюдать еще на примере отправки капитаном П. Каффи первой партии афроамериканских колонистов в Сьерра-Леоне в 1816 г., когда удалось

собрать только 38 человек. Это побудило многих аболиционистов обратиться к идее интеграции, и Д. Уокер как раз являлся ярчайшим образчиком подобных изменений. Так, 19 декабря 1828 г. в газете Freedom's Journal бостонский аболиционист опубликовал статью, в которой приветствовал создание Либерии и планы Американского колонизационного общества [Moses, 1996, с. 15–16], а 10 месяцев спустя называл это «планом банды рабовладельцев» [Walker's Appeal…, 1830, с. 62].

Неслучайным также видится и место появления памфлета. Бостон с конца XVIII в. считался признанным центром аболиционистского движения и движения за реформы. Именно штат Массачусетс одним из первых отменил рабство, именно здесь было принято самое либеральное расовое законодательство, именно здесь в 1831 г. У. Л. Гаррисон основал Американское общество по борьбе с рабством, и именно сюда стремились негры, включая беглых рабов, со всех концов США [Beck, 2007, с. 6–7]. Таким образом, если Уокер где и мог надеяться на понимание и, возможно, поддержку своих планов, то именно в Бостоне. Тем не менее важно отметить, что указанный текст в первую очередь предназначался для негров Южных штатов.

Что касается субъективных и личных мотивов написания манифеста, то они тоже, безусловно, имели место. Всё-таки речь идет о человеке, родившемся в Уилмингтоне, штат Северная Каролина, в семье раба и свободной «цветной» женщины. С самого детства Уокер, очевидно, сильно тяготился своим положением. Вскоре он переехал в соседний штат по причине постоянных унижений, но и там он надолго не задержался, перебравшись в Филадельфию, где познакомился с Афроамериканской методистской епископальной церковью, а после оказался в Бостоне. Фактически весь жизненный путь Уокера указывает на его крайнюю нетерпимость к вопросам рабства и дискриминации, о чем сам автор неоднократно заявлял. Став агентом первого афроамериканского издания, он получил возможность постоянного перемещения по штатам, а открытие магазина подержанной одежды дало ему средства, а главное — возможность для публикации и распространения своего «Воззвания».

Выход «Воззвания» и его краткая характеристика

«Обращение Дэвида Уокера» вышло в свет 28 сентября 1829 г. в Бостоне, о чем читателям сообщается на титульном листе всех трех изданий [Dinius, 2022, с. 253]. Причем написано оно было примерно в то же время, т. к. в самом тексте «Воззвания» автор цитирует статью местной газеты Columbian Centinel от 9 сентября того же года [Walker's Appeal…, 1830, с. 26]. Общий тираж неизвестен.

В начале 1830 г. памфлет был переиздан с незначительными текстуальными изменениями и примечаниями. Именно этот вариант известен больше всего благодаря стараниям Г. Х. Гарнета, перевыпустившего его в 1848 г. вместе со своей работой [Garnet, 1848]. Третье издание предполагалось Уокером как последнее, новых дополнений автор вносить не планировал, о чем известил читателей на последней странице брошюры [Walker's Appeal…, 1830, с. 88].

Написание и печать памфлета, несомненно, происходило в обстановке строжайшей секретности и на скорую руку. Первое подтверждается отсутствием указания

типографии, второе — значительным количеством типографских ошибок, многие из которых так и не были исправлены во втором и третьем изданиях. Тем не менее, в отличие от Дж. Фортена и его «Писем цветного человека», Уокер не стал прибегать к анонимности, что говорит о его абсолютной убежденности. Американский аболиционист полностью осознавал последствия, которые неизменно повлечет за собой выход данного документа. Уже в преамбуле он пророчески напишет, что, несомненно, будет подвергнут шельмованию не только со стороны сторонников рабства, но и со стороны «своих невежественных собратьев», а возможно, посажен в тюрьму или даже приговорен к смерти [Walker's Appeal…, 1830, с. 4].

Структурально «Воззвание» напоминает Конституцию США и состоит из преамбулы и четырех статей. Уже в самом названии и первых строках Уокер подчеркнуто называет своих соплеменников «гражданами» [Walker's Appeal…, 1830, с. 1], хотя законодательно этот вопрос оставался открытым до 1865 г. И в то же время, несмотря на столь высокое обращение, бостонский аболиционист характеризует их как «наиболее деградировавших, убогих и жалких существ, которые когда-либо жили с начала мира» [Walker's Appeal…, 1830, с. 3]. Далее автор задается вопросом о причинах столь ужасного положения и на этом строит свое дальнейшее повествование.

В *первой статье* он сравнивает положение евреев в Древнем Египте во времена библейского Исхода, илотов в Спарте и античных рабов с положением «цветных» в США. При этом Уокер обращается к автору Декларации независимости *Томасу Джефферсону,* которого характеризует как «очень образованного и проницательного» человека, но при этом не лишенного расовых предрассудков. Автор опровергает ряд тезисов из книги третьего президента «Заметки о Вирджинии» [Walker's Appeal…, 1830, с. 17]. Конечно же, выбор в качестве оппонента самого Т. Джефферсона сделан Уокером неслучайно. Целью, очевидно, являлась наглядная демонстрация того, что даже самый просвещенный и либеральный белый политик не может в полной мере представлять интересы «цветного» населения, а следовательно, афроамериканцам придется полагаться в свой борьбе исключительно на собственные силы.

Вторая статья сосредоточивается на рассмотрении вопроса невежества большей части «цветного» населения. В ходе своих рассуждений Уокер приходит к выводу, что просвещение и образование могут стать лучшим мотиватором к активному непринятию текущего положения. Также в этой статье содержится открытый намек на вооруженное сопротивление. В частности, Уокер заявляет, что Господь даст «цветным» своего Ганнибала в схватке с современным белым Римом [Walker's Appeal…, 1830, с. 23]. Предвестником грядущих событий американский аболиционист называет восстание на Гаити, призывая «цветных» в США к проявлению солидарности и отказу от служения «тиранам».

В *третьей статье* Уокер рассказывает о навязанном искаженном представлении у большей части «цветного» населения о христианской религии с его требованием рабской покорности. При этом автор остается истово верующим евангелистом, осуждая лишь белых и вторящих им «цветных» проповедников, сознательно использующих учение Христа для обоснования угнетения [Walker's Appeal…, 1830, с. 40]. В качестве

конкретного примера Уокер приводит деятельность известного католического священника *Бартоломе де лас Касаса.* Завершается глава пророчеством гибели белым американцам, если те не сойдут с неверного пути и не покаются в совершенных злодеяниях [Walker's Appeal…, 1830, с. 49].

Заключительная *четвертая часть* посвящена критике проекта Американского колонизационного общества по переселению свободных негров в Либерию. На сей раз в качестве своих оппонентов Уокер выбирает его основателей *Генри Клея* и *Элиаса Колдуэлла.* Разбирая их выступления, бостонский аболиционист приходит к выводу, что данный проект является обманом, т. к. эта страна должна принадлежать черным в той же степени, что и белым [Walker's Appeal…, 1830, с. 62], и даже больше [Walker's Appeal…, 1830, с. 73]. Завершает содержательную часть Уокер обращением к Декларации независимости.

Стоит отметить, что последние две статьи довольно отчетливо демонстрируют влияние Африканской методистской епископальной церкви. Более того, аргументация Уокера во многом повторяет аргументацию Р. Аллена.

Реакция и последствия

Судя по всему, первое издание манифеста было впервые обнаружено в Саванне, штат *Джорджия,* 11 декабря 1829 г. после того, как местное управление полиции изъяло 60 экземпляров «подстрекательной брошюры» у чернокожего баптистского проповедника *Генри Каннингема* [Beck, 2007, с. 33–34.]. Последний настаивал на своей невиновности и категорически отрицал любую связь с Д. Уокером. Тем не менее дело вызвало серьезный резонанс. 29 декабря мэр города *Уильям Т. Уильямс* доложил о произошедшем губернатору Джорджии *Джорджу Р. Гилмеру* и предложил обратиться в Конгресс с ходатайством о принятии закона о запрете подобного рода публикаций, а также к мэру Бостона *Харрисону Отису* с просьбой привлечь автора к ответственности [Eaton, 1936, с. 326–327].

Получив письмо, Отис действительно приказал допросить Уокера и предупредить капитанов судов о недопустимости перевозки подобного «груза». Но, несмотря на явное недовольство городского главы выходом указанного документа, привлечь его автора к ответственности было крайне затруднительно. Ведь своим «Воззванием» Уокер не нарушал законов «свободного» штата Массачусетс, о чем Х. Отис спустя полтора месяца уведомил губернатора Джорджии.

Последний к тому моменту уже принял все меры по предотвращению распространения «подстрекательской брошюры». 22 декабря Д. Гилмер в срочном порядке рекомендовал членам Генеральной ассамблеи запретить заход в гавани Джорджии любых кораблей с негритянскими экипажами и дальнейший допуск рабов для продажи. По этому поводу даже была созвана внеочередная сессия законодательного собрания штата. В итоге Генеральная ассамблея приняла законопроект № 80, запрещавший «цветным» матросам сходить на берег в течение 40 дней [Acts passed by the General Assembly of Georgia, 1830, с. 167]. Суровые меры были также предусмотрены и для чернокожих жителей Джорджии, пытавшихся вступить в контакт с приезжими.

Им угрожала порка — до 30 ударов. Одиннадцатый раздел указанного акта предписывал наказание в виде штрафа до 500 долларов за попытку обучения раба или свободного «цветного» грамоте или письму. И наконец, раздел № 12 запрещал ввоз и перевоз рабов через территорию штата. Отдельным актом запрещалось привлечение «цветных» для работы в типографии [Crockett, 2001, с. 311–312]. Помимо этого губернатор Джорджии пообещал рекордную награду в 10 тыс. долларов за поимку и доставление в штат самого Дэвида Уокера [Zinn, 2003, с. 180].

В начале января 1830 г. опасный памфлет появился в *Вирджинии.* 30 экземпляров были обнаружены в доме свободного негра *Томаса Льюиса* [1] в Ричмонде и также отправлены мэром *Джозефом Тейтом* губернатору *Уильяму Джайлсу.* Реакция была схожей, хотя и не столь быстрой. В апреле 1830 г. палата представителей Вирджинии на закрытом заседании приняла закон, запрещающий переписывать, перепечатывать или распространять среди рабов «Воззвание Уокера», а также обучать их чтению и письму. Наказание за нарушение данной нормы предусматривало штраф и тюремное заключение для свободных жителей и порку для рабов [Eaton, 1936, с. 329–330].

Аналогичную, хотя и еще более запоздалую, реакцию можно было наблюдать и в Северной Каролине. В августе 1830 г. в Уилмингтоне, родном городе Дэвида Уокера, некий свободный негр принес копию «Обращения» в полицию. Ее он получил лично от раба *Джейкоба Коуэна,* содержавшего по разрешению хозяина небольшую таверну и распространявшего «Воззвание» среди ее посетителей [Douglas, 2014]. Коуэн был немедленно арестован, допрошен, осужден и вскоре продан в Алабаму. Согласно показаниям, он получил 200 экземпляров от неназванного лица. В том же месяце в соседнем Фейетвилле после обнаружения копий «Воззвания» полицией была проведена целая операция по выявлению распространителей. По результатам расследования власти пришли к выводу, что в городе готовилось масштабное восстание.

15 ноября 1830 г. в *Северной Каролине* были приняты два закона. Первый, озаглавленный «Закон о предотвращении распространения крамольных публикаций», запрещал ввоз в штат любых публикаций, «способных вдохновить на революцию или сопротивление порабощенных или свободных чернокожих». Второй под угрозой штрафа (100–200 долл.) и тюремного заключения запрещал обучать невольников чтению и письму [North Carolina Legislature Mandates…]. Объединенный комитет по делам рабов и свободных цветных заявил об убежденности в существовании масштабного и разветвленного заговора. 9 декабря 1830 г. после доклада губернатора *Джона Оуэна* и комитета Генеральная ассамблея штата ужесточила санкции законопроектов. Лицам, осужденным за написание и распространение публикаций, «очевидная склонность к которым могла бы стать причиной восстания, грозило заключение в тюрьму на срок не менее года и порка, а повторное преступление каралось смертью» [Eaton, 1936, с. 332]. Кроме того, как и в Джорджии, были запрещены любые контакты с прибывающими «цветными» моряками.

Примечательно, что в конце ноября в Северной Каролине по показаниям задержанного беглого раба по имени Мозес было обнаружено сразу несколько тайников

[1] Примечательно, что сам Томас Льюис был к тому времени уже мертв.

с оружием и лагерь маронов. Еще один лагерь в декабре был разгромлен армией в лесу близ Нью-Берна, погибло порядка 60 рабов [Aptheker, 1974, с. 179–180]. Несмотря на отсутствие внятной информации по данному инциденту[1], пресса и власти связали эти события с появлением в штате «подстрекательского памфлета».

В *Южной Каролине* «Воззвание» было обнаружено весной 1830 г. 27 марта в Чарлстоне был задержан бостонский моряк *Эдвард Смит,* распространявший «опасную брошюру» в порту. Представ спустя два месяца перед Большим жюри, матрос был признан виновным. Его приговорили к году тюремного заключения и выплате 1 тыс. долларов штрафа [Pease, 1974]. Вообще стоит отметить, что в Южной Каролине обнаружение «Обращений» Уокера не вызвало жесткой общественной и законодательной реакции, т. к. почти все упомянутые ограничительные меры были приняты еще в 1822–1823 гг. после раскрытия заговора Д. Визи.

В начале весны 1830 г. «Воззвание» Уокера появилось в Новом Орлеане, штат *Луизиана.* 8 марта в городе был задержан свободный чернокожий лавочник *Роберт Смит,* обвинявшийся в распространении памфлета. Его допрос не дал особых результатов, т. к. показания обвиняемого выглядели «запутанными и неудовлетворительными» [The «Fanatical Insolence» of David Walker…]. Тем не менее вскоре были арестованы еще трое распространителей. Согласно тексту Г. Аптекера, в мае того же года в Новом Орлеане был вынесен приговор уроженцу Бостона *Джеймсу Смиту* [Aptheker, 1965, с. 47]. Последний отправился в тюрьму на год. В дальнейшем законодательное собрание Луизианы приняло закон, по которому за распространение опасной брошюры полагалась смертная казнь или пожизненное заключение, а также закон, запрещающий обучение рабов письму и чтению. Наказанием, предусмотренным за подобное нарушение, были три года каторжных работ. В марте спустя две недели после обнаружения памфлета Уокера в Новом Орлеане произошел бунт, в ходе которого 19 негров были убиты, еще 15 — приговорены к смертной казни [Hinks, 1997, с. 149–150].

Вообще, стоит отметить, что в Луизиане обстановка выглядела особенно напряженной. Еще в январе 1830 г. в Новом Орлеане вспыхнули несколько пожаров. Многие обвиняли в поджогах рабов. Можно предположить, что именно поэтому законодательная реакция со стороны местных властей была столь жесткой.

Заключение

Конечно, последствия выхода «Обращения» были гораздо шире. Причем затронули они не только Южные, но и «свободные» Северные штаты. В первую очередь это выражалось в изменении общественного мнения по отношению к вопросу рабства и положения чернокожего населения. Многие белые граждане, по всей видимости, были всерьез напуганы «Воззванием». Даже представители движения против рабства оказались перед непростым выбором, ведь поддержать «Призыв» Уокера означало бы

[1] О разгроме лагеря рабов близ Нью-Берна сохранились лишь отрывочные упоминания. Поэтому очень сложно понять, имел ли место сам факт восстания, или же солдаты и ополченцы расправились с Лагерным собранием негров.

оправдать неизбежное кровопролитие, а последнее выглядело абсолютно недопустимым. Именно поэтому ведущие аболиционисты поспешили максимально отмежеваться от крамольного документа и его автора. Подобная трактовка, нужно признать, не была лишена оснований, т. к. выход «Воззвания» в действительности способствовал принятию ряда репрессивных законов в Южных штатах.

Другое дело, что, как показывает анализ причин и предпосылок, данные изменения имели в целом объективный характер. На протяжении 1820-х гг. в Южных штатах происходило последовательное ужесточение расового и рабского законодательства. Главной причиной являлись социально-экономические и демографические процессы, а также события на международной арене. Оборотной стороной данного процесса, разумеется, был рост радикальных настроений среди афроамериканской общины. Его проявлением стало увеличение количества бунтов и беспорядков с участием рабов. Памфлет Дэвида Уокера являлся наглядным выражением указанной тенденции. Фактически автор озвучил то, что жаждали услышать многие его соотечественники.

Рассуждения о том, что «Воззвание Уокера» начисто оторвано от реалий того времени и являлось всего лишь плодом бурной фантазии и умозаключений бостонского аболициониста, не знакомого с положением рабов, едва ли можно назвать состоятельными. Достаточно вспомнить, что всю свою сознательную жизнь Уокер занимался общественно-политической работой; он объехал все Южные штаты, общаясь со многими представителями афроамериканской общины, как свободными, так и рабами. Логично предположить, что увиденное и услышанное там привело темнокожего аболициониста к выводу о складывании взрывоопасной ситуации на Юге, а следовательно, момент появления «Призыва» выглядел с его точки зрения наиболее подходящим. Другим мотивом, очевидно, был анализ международной ситуации и последних законодательных изменений в ряде европейских стран, позволявший надеяться на успешное распространение этого опыта на Юге США.

Памфлет Уокера, несомненно, задумывался как некий катализатор данного процесса и был призван подтолкнуть афроамериканскую общину к активному сопротивлению, а белое население — к движению в сторону эмансипации и преодоления дискриминации афроамериканцев под угрозой восстания. При этом автор прекрасно понимал, что негритянское население США еще не в полной мере готово к подобного рода действиям ввиду своей разобщенности и невежественности, о чем он напрямую заявлял в «Обращении».

В заключение стоит отметить, что «Призыв» Дэвида Уокера был услышан не только белым населением США, чьи страхи и опасения, вопреки ожиданиям автора, вызвали прямо противоположную реакцию, но и представителями афроамериканской общины. Спустя год после выхода третьего издания в округе Саутгемптон, штат Вирджиния, вспыхнет знаменитое восстание рабов под предводительством *Ната Тёрнера,* которое многие также свяжут с появлением крамольного памфлета. Несмотря на то, что прямой связи между двумя этими событиями так и не было установлено, они, несомненно, являются проявлением одной и той же тенденции к радикализации негритянской общины и ее стремления к активному сопротивлению.

Список источников

Шумаков А. А. 2022. Заговор Габриэля 1800 г.: история несостоявшегося восстания // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 8. № 3 (31). С. 125–142. https://doi.org/10.21684/2411-197X-2022-8-3-125-142

Шумаков А. А. 2023а. Заговор Денмарка Визи: причины и предпосылки // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. Том 23. № 1. С. 61–70.

Шумаков А. А. 2023б. Несостоявшаяся революция Габриэля 1800 года: причины и предпосылки // Известия Смоленского государственного университета. № 1 (61). С. 186–203.

Шумаков А. А. 2023в. Пол Каффи: мореплаватель, бизнесмен, аболиционист // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 9. № 2 (34). С. 69–86. https://doi.org/10.21684/2411-197X-2023-9-2-69-86

(1797) Prince Hall Speaks to The African Lodge, Cambridge, Massachusetts // Blackpast: website. 2007. Jan. 22. https://www.blackpast.org/african-american-history/1797-prince-hall-speaks-african-lodge-cambridge-massachusetts/ (дата обращения: 20.07.2023).

Acts passed by the General Assembly of Georgia. 1830. Milledgeville: Camak & Ragland, printers. https://books.google.ru/books?id=_wQ4AAAAIAAJ&pg=PA168&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 20.07.2023).

Allen R. 1794. An address to those who keep slaves, and approve the practice. https://www.ushistory.org/documents/richardallen.htm (дата обращения 20.07.2023).

Apap C. 2011. «Let no man of us budge one step»: David Walker and the Rhetoric African American Emplacement // Early American Literature. Vol. 46. No. 2. Pp. 319–350.

Aptheker H. 1965. One continual cry: David Walker's Appeal to the Colored Citizens of the World (1829–1830), Its Setting & Its Meaning. New York: Humanities press. 80 pp.

Aptheker H. 1974. American Negro Slave Revolts. New York: International Publishers. 565 pp.

Asukile T. 1999. The all-embracing black nationalist theories of David Walker's Appeal // The Black Scholar. No. 29 (4). Pp. 16–24.

Beck B. 2007. David Walker's Appeal and Everyday Abolition: a thesis submitted to the Faculty of the Graduate School of the University of Colorado in partial fulfillment of the requirement for the degree of Master of Arts Department of English. B.A., University of Vermont. 62 pp.

Crockett H. 2001. The Incendiary Pamphlet: David Walker's Appeal in Georgia // The Journal of Negro History. No. 86 (3). Pp. 305–318.

Dinius M. J. 2022. The Textual Effects of David Walker's Appeal. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. 312 pp.

Douglas N. 2014. Feature: know your Black History — abolitionist David Walker // Afropunk: website. https://afropunk.com/2014/12/feature-know-your-black-history-abolitionist-david-walker/ (дата обращения: 20.07.2023).

Dumond D. L. 1961. Antislavery: The Crusade for Freedom in America. Ann Arbor: University of Michigan Press. 422 pp.

Eaton C. 1936. A dangerous pamphlet in the Old South // Journal of Southern History. Vol. 2. No. 3. Pp. 323–334.

Egerton D. R. 2004. He Shall Go out Free: The Lives of Denmark Vesey. 2nd ed. Lanham: Rowman and Littlefield. 296 pp.

Filler L. 1960. The Crusade Against Slavery 1830–1860. N.Y.: Harper. 318 pp.

Finzsch N. 2014. David Walker and the Fight against Slavery. 21 pp. // Universität zu Köln: website. https://kups.ub.uni-koeln.de/5455/1/david_Walker_and_the_Fight_against_Slavery.doc.pdf (дата обращения: 30.05.2023).

Forten J. 1813. Letters from a man of colour, on a late bill before the Senate of Pennsylvania // Gilder Lehrman Institute of American History: website. https://www.gilderlehrman.org/collection/glc06046 (дата обращения: 30.05.2023).

Garnet H. H., Walker D. 1848. Walker's Appeal, with a brief sketch of his life, and also Garnet's address to the slaves of the United States of America. N-Y: Printed by J. H. Tobitt, 9 Spruce st. // Project Gutenberg: website. https://www.gutenberg.org/files/16516/16516-h/16516-h.htm (дата обращения: 30.05.2023).

Goodman P. 2000. Of One Blood: Abolitionism and the Origins of Racial Equality. Berkeley: University of California Press. 303 pp.

Hinks P. 1997. To Awaken My Afflicted Brethren: David Walker and Antebellum Slave Resistance. University Park, PA: Pennsylvania State Press. 301 pp.

Holm C. R. 2021. «To be free from the slavery of capitalism»: David Walker, Peter H. Clark, and George Washington Woodbey's black socialist thought… Dissertation presented to the Faculty of the Graduate School of The University of Texas at Austin in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy. The University of Texas at Austin. 227 pp.

Horton J. O. 1976. Generations of protest: Black Families and social reform in ante-bellum Boston // The New England Quarterly. No. 49 (2). Pp. 242–256.

Horton J. O., Horton L. E. 1997. In Hope of Liberty: Culture, Community, and Protest among Northern Free Blacks, 1700–1860. New York: Oxford University Press. 340 pp.

Horton J. O., Horton L. E. 2005. Slavery and the Making of America. N-Y: Oxford University Press, Inc. 264 pp.

Horton J. O., Horton L. E. (ed.). 2006. Slavery and Public History: The Tough Stuff of American History. New York: The New Press. 294 pp.

Jones A. 1808. A Thanksgiving Sermon // web.archive.org: website. https://web.archive.org/web/20080704142415/http://antislavery.eserver.org/religious/absalomjones/religious/absalomjones/absalomjones.html (дата обращения: 30.05.2023).

Linebaugh P., Rediker M. 2000. The Many-Headed Hydra: Sailors, Slaves, Commoners, and the Hidden History of the Revolutionary Atlantic. Boston: Beacon Press. 433 pp.

Mayer H. 1998. All on Fire: William Lloyd Garrison and the Abolition of Slavery. New York: St. Martin's Press. 707 pp.

May S. J. 1869. Some Recollections of the Anti-slavery Conflict. Boston: Fields, Osgood & co. 408 pp.

Moses W. J. 1996. Classical Black Nationalism: From the American Revolution to Marcus Garvey. New York: New York University Press. 257 pp.

North Carolina legislature mandates death sentence for repeated dissemination of anti-slavery pamphlet // Eji: website. https://calendar.eji.org/racial-injustice/nov/15 (дата обращения: 30.05.2023).

Pease W. H., Pease J. H. 1974. Walker's Appeal comes to Charleston: a note and documents // The Journal of Negro History. Vol. 59. No. 3. Pp. 287-292

Redding J.S. 1973. They came in chains: Americans from Africa (revised edition). Copyright 1950. Philadelphia, New York: J. B. Lippincott Company. 344 p.

Rogers M. L. 2014. David Walker and the political power of the Appeal // Political Theory. 43. No. 2. P. 208–233.

Stuckey S. 1987. Slave Culture: Nationalist Theory and the Foundations of Black America. New York: Oxford University Press. 425 pp.

Stuckey S. (ed.). 1972. The Ideological Origins of Black Nationalism. Boston: Beacon Press. 265 pp.

The «Fanatical Insolence» of David Walker: words to terrify the entire South // This Cruel War: website. https://thiscruelwar.wordpress.com/2016/03/24/fanatical-insolence-david-walker/ (дата обращения: 20.07.2023).

The Genius of Universal Emancipation. 1830-01-15. Vol. 4. Iss. 19. 8 pp. // Archive.org: website. https://archive.org/details/sim_genius-of-universal-emancipation_1830-01-15_4_19 (дата обращения: 20.07.2023).

The Genius of Universal Emancipation. 1830-04. Vol. 1. Iss. 1. 20 pp. // Archive.org: website. https://archive.org/details/sim_genius-of-universal-emancipation_1830-04_1_1/page/n5/mode/2up (дата обращения: 20.07. 2023).

Walker's Appeal, in Four Articles; together with a preamble, to the Coloured Citizens of the World, but in particular, and very expressly, to those of the United States of America, written in Boston, State of Massachusetts, september 28, 1829: Electronic Edition. Walker, David, 1785–1830 // Documenting the American South: website. https://docsouth.unc.edu/nc/walker/walker.html (дата обращения: 20.07.2023).

Zinn H. 2003. A People's History of the American States: 1492 to the Present. New York: Harper Collins Publishers. 756 pp.

References

Shumakov, A. A. (2022). Gabriel's Plot of 1800: The Story of the Failed Uprising. *Tyumen State University Herald. Humanitites Research. Humanitates*, *8*(3), 125–142. https://doi.org/10.21684/2411-197X-2022-8-3-125-142 [In Russian]

Shumakov, A. A. (2023a). The conspiracy of Denmark Vesey: causes and prerequisites. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, *23*(1), 61–70. [In Russian]

Shumakov, A. A. (2023b). Gabriel's failed revolution of 1800: causes and prerequisites. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, (1), 186–203. https://doi.org/10.21684/2411-197X-2023-9-2-69-86 [In Russian]

Shumakov, A. A. (2023c). Paul Cuffe: navigator, businessman, abolitionist. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, *9*, (2), 69–86. [In Russian]

Blackpast. (2007, Jan. 22). (1797) Prince Hall Speaks to The African Lodge, Cambridge, Massachusetts. *Blackpast*. Retrieved Jul. 20, 2023, from https://www.blackpast.org/african-american-history/1797-prince-hall-speaks-african-lodge-cambridge-massachusetts/

State of Georgia. (1830). *Acts passed by the General Assembly of the State of Georgia passed in Milledgeville at an Annual Session in November and December, 1829*. Camak & Ragland, printers. Retrieved Jul. 20, 2023, from https://books.google.ru/books?id=_wQ4AAAAIAAJ&pg=PA168&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false

Allen, R. (1794). *An address to those who keep slaves, and approve the practice*. Retrieved Jul. 20, 2023, from https://www.ushistory.org/documents/richardallen.htm

Apap, C. (2011). "Let no man of us budge one step": David Walker and the Rhetoric African American Emplacement. *Early American Literature, 46*(2), 319–350.

Aptheker, H. (1965). *One continual cry:* David Walker's Appeal *to the Colored Citizens of the World (1829–1830), its setting & its meaning*. Humanities Press.

Aptheker, H. (1974). *American Negro Slave Revolts*. International Publishers.

Asukile, T. (1999). The all-embracing black nationalist theories of *David Walker's Appeal. The Black Scholar, 29*(4), 16–24.

Beck, B. (2007). David Walker's Appeal *and Everyday Abolition* [Master of Arts' thesis, University of Vermont].

Crockett, H. (2001). The Incendiary Pamphlet: *David Walker's Appeal* in Georgia. *The Journal of Negro History, 86*(3), 305–318.

Dinius, M. J. (2022). *The Textual Effects of* David Walker's Appeal. University of Pennsylvania Press.

Douglas, N. (2014). *Feature: know your Black History — abolitionist David Walker*. Retrieved Jul. 20, 2023, from https://afropunk.com/2014/12/feature-know-your-black-history-abolitionist-david-walker/

Dumond, D. L. (1961). *Antislavery: the crusade for Freedom in America*. University of Michigan Press.

Eaton, C. (1936). A dangerous pamphlet in the Old South. *Journal of Southern History*. August, *2*(3), 323–334.

Egerton, D. R. (2004). *He shall go out free: the lives of Denmark Vesey* (2nd ed.). Rowman and Littlefield.

Filler, L. (1960). *The Crusade Against Slavery 1830–1860*. Harper.

Finzsch, N. (2014). *David Walker and the Fight against Slavery*. Retrieved May 30, 2023, from https://kups.ub.uni-koeln.de/5455/1/david_Walker_and_the_Fight_against_Slavery.doc.pdf

Forten, J. (1813). *Letters from a man of colour, on a late bill before the Senate of Pennsylvania*. Retrieved May 30, 2023, from https://www.gilderlehrman.org/collection/glc06046

Garnet, H. H., & Walker, D. (1848). *Walker's Appeal, with a brief sketch of his life, and also Garnet's address to the slaves of the United States of America*. J. H. Tobitt. Retrieved May 30, 2023, from https://www.gutenberg.org/files/16516/16516-h/16516-h.htm

Goodman, P. (2000). *Of one blood: abolitionism and the origins of racial equality*. University of California Press.

Hinks, P. (1997). *To Awaken My Afflicted Brethren: David Walker and antebellum slave resistance*. Pennsylvania State Press.

Holm, C. R. (2021). *"To be free from the slavery of capitalism": David Walker, Peter H. Clark, and George Washington Woodbey's black socialist thought* [Ph. D. Dissertation , University of Texas].

Horton, J. O. (1976, Jun.). Generations of protest: Black Families and social reform in ante-bellum Boston. *The New England Quarterly*, *49*(2), 242–256.

Horton, J. O., & Horton L. E. (1997). *In hope of liberty: culture, community, and protest among northern free blacks, 1700–1860*. Oxford University Press.

Horton, J. O., & Horton L. E. (2005). *Slavery and the making of America*. Oxford University Press.

Horton, J. O., & Horton L. E. (Eds.). (2006). *Slavery and public history: the tough stuff of American history*. New Press.

Jones, A. (1808). *A Thanksgiving Sermon* Retrieved May 30, 2023, from https://web.archive.org/web/20080704142415/http://antislavery.eserver.org/religious/absalomjones/religious/absalomjones/absalomjones.html

Linebaugh, P., & Rediker, M. (2000). *The many-headed hydra: sailors, slaves, commoners, and the hidden history of the revolutionary Atlantic*. Beacon Press.

Mayer, H. (1998). *All on fire: William Lloyd Garrison and the abolition of slavery*. St. Martin's Press.

May, S. J. (1869). *Some recollections of the anti-slavery conflict*. Fields, Osgood & Co.

Moses, W. J. (1996). *Classical Black nationalism: from the American Revolution to Marcus Garvey*. New York University Press.

EJI. (n.d.). *North Carolina legislature mandates death sentence for repeated dissemination of anti-slavery pamphlet*. Retrieved May 30, 2023, from https://calendar.eji.org/racial-injustice/nov/15

Pease, W. H., & Pease, J. H. (1974, Jul.) Walker's Appeal comes to Charleston: a note and documents. *The Journal of Negro History*, *59*(3), 287–292.

Redding, J. S. (1973). *They came in chains: Americans from Africa* (revised edition). J. B. Lippincott Company.

Rogers, M. L. (2014). David Walker and the political power of the Appeal. *Political Theory*, *43*(2), 208–233.

Stuckey, S. (1987). *Slave culture: nationalist theory and the foundations of Black America*. Oxford University Press.

Stuckey, S. (Ed.). (1972). *The Ideological Origins of Black Nationalism*. Beacon Press.

This Cruel War. (2016, Mar. 24). *The "Fanatical Insolence" of David Walker: words to terrify the entire South*. Retrieved Jul. 20, 2023, from https://thiscruelwar.wordpress.com/2016/03/24/fanatical-insolence-david-walker/

Lundy, B., & Garrison, W. M. L. (Eds.). (1830, Jan. 15). *The Genius of Universal Emancipation*, *4*(19). Retrieved Jul. 20, 2023, from https://archive.org/details/sim_genius-of-universal-emancipation_1830-01-15_4_19

Lundy, B., & Garrison, W. M. L. (Eds.). (1830, Apr. 1). *The Genius of Universal Emancipation*, *1*(1). Retrieved Jul. 20, 2023, from https://archive.org/details/sim_genius-of-universal-emancipation_1830-04_1_1/page/n5/mode/2up

Walker, D. (1830). *Walker's Appeal, in Four Articles; together with a preamble, to the Coloured Citizens of the World, but in particular, and very expressly, to those of the United States of America, written in Boston, State of Massachusetts, September 28, 1829* [Electronic Edition]. Retrieved Jul. 20, 2023, from https://docsouth.unc.edu/nc/walker/walker.html

Zinn, H. (2003). *A People's history of the American States: 1492 to the present*. Harper Collins Publishers.

Информация об авторе

Андрей Андреевич Шумаков, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Тульский филиал Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, Тула, Россия
takamori@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0003-4184-6232

Information about the author

Andrey A. Shumakov, Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor, Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, Tula Branch of the Plekhanov Russian University of Economics, Tula, Russia
takamori@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0003-4184-6232

Научная статья / Research Article
История
https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-1-153-174
УДК 327.7

Проблема возвращения похищенных артефактов в современных международных отношениях: пример стран Ближнего Востока

Галина Александровна Нелаева✉, Мария Тиграновна Шахназарян

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
Контакт для переписки: g.a.nelaeva@utmn.ru✉

Аннотация. Уничтожение и разграбление культурного наследия давно является серьезной проблемой, стоящей перед международным сообществом. Несмотря на значительное количество различных многосторонних соглашений, резолюций и рекомендаций международных организаций, способы и методы борьбы с подобными преступлениями пока являются недостаточными. Отчасти это связано с тем, что торговля культурными ценностями представляет из себя прибыльный бизнес, и страны не торопятся вводить жесткий контроль за перемещением артефактов. Страны, из которых наследие вывозится и продается на «черном рынке», обращаются с запросом о возвращении похищенных ценностей. В настоящей статье рассматривается проблема возвращения, или реституции, культурного наследия в страны происхождения на примере ближневосточного региона. Цель исследования — проследить публичный дискурс о возвращении похищенных артефактов в такие страны, как Ирак, Сирия, Ливия и Йемен, из стран Западной Европы и США. Используя количественный и качественный контент-анализ при изучении документов, медийного дискурса и высказываний официальных лиц, мы рассматриваем, как проблема возвращения наследия, зачастую находящегося в европейских и американских музеях, представлена в публичном поле изучаемых стран. Делается вывод о том, что процесс «деколонизации» европейских музеев проходит медленно и сложно, т. к. в общественном сознании до сих пор сохраняется образ «другого» — слабого, зависимого, конфликтного, нестабильного Ближнего Востока, неспособного позаботиться о собственном наследии.

Ключевые слова: культурное наследие, реституция, возвращение, Ближний Восток, ЮНЕСКО

© Автор(ы), 2024

Цитирование: Нелаева Г. А., Шахназарян М. Т. 2024. Проблема возвращения похищенных артефактов в современных международных отношениях: пример стран Ближнего Востока // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 10. № 1 (37). С. 153–174. https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-1-153-174

Поступила 17.10.2023; одобрена 21.01.2024; принята 04.03.2024

The question of looted heritage return in contemporary international relations: Middle East as a case-study

Galina A. Nelaeva✉, Maria T. Shakhnazaryan

Tyumen State University, Tyumen, Russia
Corresponding author: g.a.nelaeva@utmn.ru✉

Abstract. The problem of destruction and looting of cultural heritage has long been a serious problem for the international community. Despite a significant number of various multilateral agreements, resolutions and recommendations of international organizations, the methods and means of combating such crimes remain insufficient. This is partly due to the fact that the trade in cultural property is a lucrative business, and countries are in no hurry to introduce strict controls on the movement of artifacts. Countries from which heritage is extracted and sold on the black market are asking for the return of stolen property. This article examines the problem of the return or restitution of cultural heritage to countries of origin on the example of the Middle East region. The study aims to trace the public discourse about the return of stolen artifacts to countries such as Iraq, Syria, Libya, and Yemen from Western Europe and the United States. Using quantitative and qualitative content analysis to study documents, media discourse and official statements, we examine how the issue of restitution and return of heritage, often located in European and American museums, is presented in the public sphere of the countries studied. The results show that the process of "decolonization" of European museums is slow and difficult, since the public consciousness still retains the image of the "other": a weak, dependent, conflict-ridden, unstable Middle East, unable to take care of its own heritage.

Keywords: cultural heritage, restitution, return, Middle East, UNESCO

Citation: Nelaeva, G. A., & Shakhnazaryan, M. T. (2024). The question of looted heritage return in contemporary international relations: Middle East as a case-study. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, 10*(1), 153–174. https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-1-153-174

Received Oct. 17, 2023; Reviewed Jan. 21, 2024; Accepted Mar. 4, 2024

Введение

Проблема возвращения, или реституции, культурного наследия имеет множество аспектов: во-первых, проблема разграбления культурных ценностей и доходы, получаемые от незаконного оборота похищенных артефактов, насчитывают миллиарды долларов США. По данным исследования, проведенного швейцарскими экспертами, в 2021 г. на мировом рынке было продано предметов искусства и антиквариата на сумму 65,1 млрд долларов [McAndrew, 2022]. Черный рынок, посредством которого культурные ценности переправляются на продажу, является третьим по доходности после рынка оружия и наркотиков. По данным Интерпола, только в 2020 г. было задержано 854 742 предмета искусства (монеты, медали, скульптуры, археологические находки, картины и др.), большая часть которых находилась в Европе (567 465 предметов). Интерпол отмечает тренд на увеличение нелегальной торговли предметами искусства, которые были похищены с палеонтологических или археологических участков: увеличение на 32% в Африке, Северной и Южной Америке (187%), в Азии и на тихоокеанских островах (3,812%) [Cultural Property crime thrives, 2021]. Нелегальные археологические раскопки, разграбление палеонтологических находок гораздо труднее контролировать, т. к. палеонтологические и археологические места гораздо хуже охраняются, чем, например, музеи или картинные галереи. В базе данных похищенных культурных ценностей, созданной Интерполом, в настоящий момент содержится 52 000 объектов [Stolen Works of Art Database].

Во-вторых, проблема разграбления культурных ценностей особенно остро стоит в период военных действий и беспорядков, когда вследствие вооруженных столкновений разрушаются, уничтожаются, расхищаются многочисленные многовековые памятники культуры. Меры по борьбе с проблемой уничтожения культурных ценностей принимает Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. ЮНЕСКО пытается бороться с последствиями вооруженных конфликтов и обеспечивать безопасность памятникам культуры. Для борьбы с проблемой уничтожения культурного достояния ЮНЕСКО разрабатывает многочисленные резолюции, сотрудничает с другими международными организациями: Международным Комитетом Красного Креста (МККК), Международным советом музеев (ИКОМ), Международным исследовательским центром по сохранению и реставрации культурных ценностей (ИККРОМ) и т. д. Гаагская Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (1954) накладывает на государства обязательства сохранять

культурные ценности, пресекать акты грабежа и вандализма. Проблема, впрочем, заключается в том, что большая часть наследия оказывается утеряна безвозвратно, т. к. разрушенные объекты не подлежат восстановлению, а также в том, что часто подобные преступления совершаются вооруженными неправительственными формированиями, участников которых гораздо труднее привлечь к ответственности [Lostal и др., 2017].

И, наконец, еще одна проблема, которая в настоящее время является актуальной, — это возвращение артефактов, похищенных в ходе колониального правления и иностранных интервенций. В настоящее время в европейских и американских музеях и частных коллекциях хранится неисчислимое множество объектов, вывезенных из стран Африки, Азии и Ближнего Востока. В одном лишь музее Тервюрена (Королевский музей Центральной Африки) в Бельгии хранятся сотни тысяч предметов африканского искусства [Africa Museum Collections]. Огромное количество этих объектов безвозвратно утеряно из-за халатного обращения с ними, т. к. долгое время неевропейское искусство не считалось искусством (в лучшем случае считалось примитивным искусством) [Vellut, 2017]. Поскольку некоторые предметы (маски, статуэтки) были сделаны из дерева и покрыты красками из натуральных красителей, со временем они разрушились.

В-четвертых, проблема возвращения музейных экспонатов связана и с многочисленными этическими дилеммами. В частности, в музеях до сих пор хранится большое количество объектов, публичная экспозиция которых в настоящее время вызывает много вопросов. К таким объектам относятся человеческие останки: кости, черепа, мумифицированные части тела и другие объекты, выставлять которые считается неэтичным [Monza и др., 2019]. Ведутся переговоры о возвращении человеческих останков в страны или общины, откуда они были вывезены [Potter, 2023].

Дебаты о возвращении культурного наследия ведутся в контексте «деколонизации» западных музеев [Twaij, 2021], однако этот процесс является сложным и противоречивым, т. к. считается, что только западные страны могут сохранять культурное наследие должным образом, а в случае возвращения артефакты будут повреждены, проданы на черном рынке и утрачены [Weiss, 2022]. Считается, что культурное наследие не будет сохраняться в странах, где имеет место политическая нестабильность и конфликты, поэтому западные страны должны «временно позаботиться» о культурном наследии [Mungai, 2023]. База данных ЮНЕСКО, посвященная возвращению, или реституции, артефактов под эгидой межправительственной комиссии «Возвращение и реституция», содержит всего несколько примеров возвращения культурных ценностей в страны происхождения, последний из которых датирован 2011 г. и связан с возвращением Германией древнего сфинкса, обнаруженного немецкими археологами в 1915 г. в Турции [UNESCO. Cases of returns and restitutions]. Впрочем, в 2023 г. количество возвращенных объектов было значительным и включало такие страны, как Йемен, Камбоджа, Мьянма и др. [Burack, 2023].

Методы

Путем количественного и качественного контент-анализа нам бы хотелось проанализировать современный дискурс о возвращении похищенного культурного наследия

в страны Ближнего Востока [van Dijk, 2000]. Анализируется дискурс западных и арабских СМИ, а также аудиовизуальные источники: материалы (документальные фильмы, новостные материалы) международных медиа, в частности Al Jazeera, Arab News, CNN, The Independent, The Guardian, The New York Times, The Washington Post, The Art Newspaper, Le Monde и др. Мы делаем акцент на стратегиях представления событий в дискурсе для выявления особенностей позиций акторов, способов, которыми акторы создают и моделируют широкий социокультурный и политический контекст. Фрейминг относится к коллективным действиям социальных акторов, которые конструируют свои собственные версии проблемы разграбления и контрабанды культурных ценностей в процессе «сознательной коммуникации» [King, 2017, с. 24]. Данный анализ позволяет изучить особенности репрезентации западных и незападных стран и международного сообщества в рамках постколониального дискурса, выявить стереотипы, до сих пор используемые в СМИ и публичных дискуссиях.

Выбор региона Ближнего Востока обусловлен тем, что это территория распространения древних народов, цивилизаций, оттуда человечество взяло свое начало. Здесь находится множество исторических памятников культуры. Так, памятники Сирии и Ирака являются достоянием всего человечества. К ним относятся античная Пальмира, Старый город Дамаска, руины Угарита в Сирии; руины Хатры, город Самарра, шумерский город-государство Ур в Ираке. Все эти памятники были основаны еще до нашей эры и имеют большое историческое и культурное значение. Культурное наследие постоянно подвергается разрушению вследствие воздействия как естественных факторов и халатного отношения человека, так и различных вооруженных конфликтов. Тем не менее данный регион остается малоизученным. Вопрос возвращения и репатриации культурных ценностей обсуждается в основном в отношении африканского наследия, споры о возвращении которого ведутся не одно десятилетие, практически с самого начала деколонизации [Stroobants, 2021]. В 2018 г. вышел специальный отчет «Реституция африканского культурного наследия» [Sarr, Savoy, 2018], подготовленный сенегальскими и французскими учеными, в котором подчеркивается необходимость взаимодействия музеев разных стран в процессе реституции (остается неясным, что делать с частными коллекциями).

Результаты и обсуждение

Вопрос возвращения культурных ценностей в международном праве

Проблема сохранения культурного наследия давно стоит на повестке дня государств. Вторая мировая война, к последствиям которой относится и широкомасштабное разрушение и разграбление культурного наследия, дала толчок появлению международных соглашений и национальных законов, посвященных реституции материальных культурных объектов. Похищенные культурные артефакты были возвращены не только странам, откуда они были вывезены, но и частным владельцам [Rankin, 2022]. Некоторые страны приняли специальные законы, регулирующие реституцию [La loi du 22 juillet 2023].

Конвенция ЮНЕСКО о незаконном обороте культурных ценностей (1970) была инициирована латиноамериканскими странами, Перу и Мексикой, в надежде на возвращение объектов, похищенных в колониальный период, а также с целью предотвращения незаконных раскопок [Bator, 1982]. Однако в итоге ни возвращение объектов, похищенных в колониальный период, ни объекты, полученные в ходе незаконных раскопок, в конвенции даже не упоминаются, а сама конвенция применяется к событиям с момента ее вступления в силу (1972). Также конвенция не затрагивает проблему частных коллекционеров, напротив, предусматривает выплату компенсации добросовестным приобретателям (ст. 7bii). Более того, сфера действия конвенции ограничивается объектами, похищенными из музеев и религиозных и светских памятников, которые должны содержаться в описи предметов, принадлежащих этому учреждению (ст. 7bi). Механизм конвенции предусматривает возвращение объектов, которые были приобретены музеями (но не частными лицами или другими акторами). Страны, в которых находятся центры мировой торговли культурными объектами (США, Великобритания, Германия, Швейцария), не ратифицировали конвенцию [UNESCO. Convention on the Means of Prohibiting and Preventing the Illicit Import…, 1970].

Конвенция УНИДРУА по возврату похищенных или незаконно вывезенных культурных ценностей (1995) является шире по сфере применения, чем конвенция ЮНЕСКО. Статья 5, впрочем, устанавливает условия для государства-истца, которые необходимо доказать (хотя бы одно из них), чтобы добиться возвращения вывезенной ценности. Необходимо установить, что вывоз ценности наносит ущерб «a) материальной сохранности ценности или ее контекста (среды или состава), b) целостности всей ценности, c) сохранению информации, особенно научного или исторического характера, относящейся к ценности, d) традиционному или ритуальному использованию ценности сообществом коренных жителей (туземцев) или племен» [UNIDROIT Convention, 1995].

В 2021 г. Генассамблея ООН единогласно приняла резолюцию «Возвращение, или реституция, культурных ценностей странам их происхождения» [A/RES/76/16]. Резолюция была принята без голосования и поддержана 111 странами. Что касается терминов, в документе используются такие понятия, как «возвращение, или реституция», но не уточняется, что под ними подразумевается. Следует отметить, что Генеральная Ассамблея рассматривает проблему хищений культурных ценностей в нескольких ее аспектах. Во-первых, подчеркивается связь культурного наследия и прав человека. Во-вторых, отмечается, что подобные деяния являются нарушением международного права, в частности таких международных соглашений, как Конвенция УНИДРУА по похищенным или незаконно вывезенным культурным ценностям (1995), Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (1954), Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (1972) и др. В-третьих, подчеркивается связь между разграблением культурных ценностей и терроризмом: незаконный оборот культурных ценностей может служить для финансирования террористических операций. Признается тот факт, что все регионы мира сталкиваются с незаконным оборотом культурных ценностей, а регион Ближнего Востока подвергается беспрецедентным нападениям на культурные объекты.

Резолюция 2347 Совета Безопасности ООН о защите культурного наследия была принята в 2017 г. [UNESCO. UN Security Council Highlights the Role…, 2017]. Стоит отметить, что все члены Совета Безопасности ООН единогласно приняли проект Резолюции, что означает признание важности защиты и сохранения памятников культуры. В ходе заседания Генеральный директор ЮНЕСКО, Ирина Бокова, выступила с речью о необходимости данного документа: «Целенаправленное уничтожение наследия является военным преступлением. Оно стало тактикой ведения войны, призванной расколоть общество в долгосрочной перспективе посредством стратегии культурной чистки. Именно поэтому защита культурного наследия — это не только вопрос культуры, это необходимое условие безопасности, неразрывно связанное с защитой жизни людей» [UNESCO Director-General welcomes the liberation of Hatra, 2017]. Следует отметить, что это был первый в истории случай, когда Генеральный директор ЮНЕСКО присутствовал на заседании, что еще раз подчеркивает важность вопроса. Резолюция 2347 (2017) осуждает уничтожение культурного наследия: различных архитектурных памятников, музеев, религиозных сооружений, произведений искусства и многого другого, а также порицает разграбление и нелегальный вывоз культурных объектов. Данная резолюция отмечает угрозу, которую представляют террористические организации по отношению к памятникам культуры, поскольку они готовы уничтожать любые культурные ценности, каким-либо образом противоречащие их идеологии, не задумываясь о том, что они посягают на культуру, права и идентичность других народов. В документе также прописана необходимость международного сотрудничества государств друг с другом и международными организациями и укрепления связей для достижения положительных результатов в борьбе с уничтожением и разграблением культурных объектов.

Таким образом, положения международного права, касающиеся реституции культурных ценностей, всё еще очень ограничены. К серьезным проблемам можно отнести то, что они применяются для узкой категории предметов, имеют небольшое количество ратификаций и не имеют обратной силы, таким образом исключая возможность возвращения ценностей, похищенных до вступления договора в силу. Единственной возможностью реституции культурных ценностей для многих государств являются дипломатические переговоры, которые часто не приводят к желаемому результату [Snowball и др., 2021].

Проблема разрушения и разграбления культурного наследия в странах Ближнего Востока

Иракский конфликт начался 20 марта 2003 г., когда США вторглись на территорию страны, объясняя необходимость вторжения угрозой, которую несет оружие массового поражения, якобы расположенное на территории Ирака, а также желанием избавить иракский народ от «гнета диктатуры Саддама Хусейна» [Moniz Bandeira, 2017].

Военный конфликт таких масштабов нанес колоссальный вред памятникам культуры, расположенным на территории Ирака. В ходе войны было разрушено множество культурных объектов, некоторые из них превратились в груду пыли. В уничтожении памятников культуры виноваты как Исламское Государство Ирака и Леванта — ИГИЛ

(запрещенная террористическая группировка на территории Российской Федерации), так и Соединенные Штаты Америки. И те, и другие преследуют цель получения прибыли от продажи исторических артефактов [Turku, 2018, с. 7]. Другие культурные объекты пострадали от военных действий. Были разрушены многие святые места, в частности церковь Девы Марии и храм Аль-Тахера, халдейская католическая церковь Святого Маркуркаса и церковь Са'а Кадима. Сильно пострадал город Мосул — один из центров христиан, где были захоронены пророки из Ветхого Завета. В результате всех этих действий было уничтожено несколько сотен икон и рукописей. В 2006 г. террористическая группировка Аль-Каида взорвала шиитскую мечеть в Республике Ирак под названием Аль-Аскари, которая была построена в 994 г. Через год ИГИЛ взорвали мечеть Марям хатун, расположенную в западной части Мосула, та же участь постигла мечеть Султана Ваиса и Аль-Хадра (все вышеупомянутые мечети относятся к постройкам XIX в.). В 2017 г. в Мосуле была уничтожена мечеть ан-Нури [Matthews, Rasheed, 2020].

Боевики разрушали и незаконно вывозили за пределы Ирака различные культурные объекты с целью нелегальной продажи на черном рынке или же на онлайн-платформах, занимающихся антиквариатом. Также для сбыта украденных предметов террористы использовали социальные сети, где размещали фотографии памятников культуры, а их администраторы курировали покупателей. Однако не только террористы грабят и продают культурное наследие Республики Ирак, то же преступление относится и к Соединенным Штатам Америки. Многие свидетели не раз рассказывали о том, как представители армии США разрушали и грабили культурные объекты Ирака [Thurlow, 2005, с. 153]. Они приходили в исторические места и сгребали все ценные предметы в мешки, которые так же, как в случае с террористами, были нелегально вывезены с их места происхождения. Есть предположение о намеренных действиях американцев: на местах кражи были обнаружены карты с точным указанием расположения всех ценностей. Также США расположили свою тяжелую технику и вертолеты именно в местах древних памятников, которые и так в случае небрежного отношения подвержены разрушению. В общей сложности пятнадцать тысяч исторических мест было разрушено Соединенными Штатами Америки на территории Ирака [Thurlow, 2005, с. 153]. Разграбление музея Багдада американцами, их союзниками и гражданскими лицами привело к потере 600 000 предметов искусства, больше половины из которых до сих пор не найдены [Barker, 2018]. Музей в Мосуле, второй по величине в стране, также был разграблен и лишился ценных коллекций [Bailey, 2003].

События «арабской весны» и последовавшие за ней конфликты в Йемене, Сирии, Ливии повлекли за собой массовый ущерб архитектурным памятникам, храмам, произведениям искусства. Некоторые памятники культуры были разрушены в процессе боевых действий, другие — вследствие деятельности террористических организаций [Cunliffe и др., 2016, с. 3]. Экстремисты уничтожали культурные объекты как для получения прибыли, так и в религиозных целях [Dib и др., 2021]. Одним из наиболее вопиющих случаев является захват многовекового города Пальмиры, разрушенного боевиками в 2015 г. Несмотря на то, что сирийские власти попытались эвакуировать некоторые

памятники культуры, большинство из них остались и подверглись уничтожению. ИГИЛ взорвало древний город, в результате чего были разрушены: пальмирская Триумфальная арка, храм Баалшамина, храм Бэла, погребальные башни и множество других, более 200 архитектурных памятников, которые являются достоянием всего человечества [Doppelhofer, 2016, с. 2–3]. Множество памятников культуры были нелегально вывезены из страны происхождения с целью их сбыта [Schmidt-Colinet, 2020, с. 24]. Ценности, похищенные из Пальмиры, обнаруживают в разных европейских городах, таких как Женева [Agerholm, 2016].

Вопрос репатриации похищенных артефактов

Вопрос репатриации похищенных из Ирака артефактов был поднят практически сразу после вторжения. Так, уже в 2003 г. на онлайн-аукционах стали появляться предметы, похищенные из иракских музеев. Многие предметы находились на территории США, куда были доставлены незаконным путем. Медийный дискурс, впрочем, на первый план выдвигает «бездействие» американских солдат, «позволивших» толпе разграбить музей [Voon, 2022]. Подчеркивается, что в грабеже участвовали неустановленные частные лица, которые действовали спонтанно и импульсивно, пользуясь появившейся возможностью. Количество грабителей значительно превышало количество американских солдат, которые не могли им противостоять, по сути, выступая в качестве безмолвных наблюдателей. Не уточняется возраст или пол нападавших, были ли они при этом вооружены, сколько их было вообще (используется собирательный термин «грабители»). За два дня толпа разграбила коллекции Национального музея Багдада, оставив на полу горы мусора. Сотрудники музея обратились к американцам за помощью, те прибыли на место, но смогли пробыть там лишь полчаса, т. к. должны были охранять более важные объекты. Тем временем толпа разграбила другие музеи, библиотеки и места археологических раскопок. Американские элиты, такие как Госсекретарь Колин Пауэлл, показаны как лица, контролирующие ситуацию, намеревающиеся действовать решительно: «США понимают свои обязательства и возьмут на себя ведущую роль в отношении древностей в целом, и в отношении этого музея в частности» [Bailey, 2003]. Таким образом, объясняют СМИ, иракцы разрушают и расхищают собственную культуру. Они действуют, осознавая свою безнаказанность, т. к. в условиях «операций такого масштаба» нарушаются законы и воцаряется беспорядок. Тем более, как считают медиа, иракцы, недовольные режимом Саддама Хуссейна, «использовавшего историческое наследие страны для поддержки своего правления», не рассматривают музеи как культурное достояние, а лишь как «обычные правительственные здания» [Bailey, 2018]. Подчеркивается, что иракцы не ценили свое наследие и до вторжения американцев: ссылаясь на некоего археолога из Университета Чикаго, «Нью-Йорк Таймз» повествует о том, что в Ираке места археологических раскопок разграблялись местными жителями с целью наживы и раньше, еще при Саддаме Хуссейне [Gottlieb, Meier, 2003]. Подобные патерналистские и расистские высказывания показывают иракцев как людей, не способных ценить собственную культуру, не понимающих важности ее сохранения для потомков, стремящихся нажиться на контрабанде культурных ценностей.

Дискурс о беспомощных американских солдатах, наблюдавших за разграблением иракского культурного наследия, подвергается сомнению в книге «Воры Багдада» (2005), написанной полковником Мэттью Богданосом, и в его статьях на эту тему. Богданос, участвовавший в поисках похищенных артефактов, подчеркивает, что проблема не только в ворах или контрабандистах, она гораздо шире и касается дилеров, брокеров, покупателей, историков и экспертов, которые подтверждают подлинность украденных древностей для покупателей, сотрудников музеев и даже правительств, взимающих пошлины на импорт, не задаваясь вопросом о том, откуда ввозятся предметы и как они были приобретены [Bogdanos, 2005].

Возвращение награбленных предметов Ираку заняло много лет. Процесс возвращения был долгим, сопряженным с множеством проблем. В частности, одной из таких проблем стала невозможность доказать, что предмет был украден из иракского музея, т. к. многие похищенные предметы не были включены в музейные каталоги, что облегчило их продажу на аукционах [Sigal, 2018]. Несколько значимых артефактов, таких как статуя шумерского царя Энтемены из Лагаша, статуи ассирийского царя Саргона II были обнаружены в США и возвращены Ираку. Однако Нью-Йорк по-прежнему остается крупнейшим центом торговли антиквариатом, и неизвестно, сколько предметов иракского искусства остается у частных лиц, например, у американских солдат, вывезших из Ирака подобные «трофеи» [Sigal, 2018].

В 2020 г. Великобритания вернула Ираку 5 000 древних ценностей, среди которых была шумерская реликвия возрастом 4 000 лет, обнаруженная на онлайн-аукционе [UK to return 5,000 ancient artifacts…, 2020]. Частично эти артефакты были похищены в 2003 г. во время разграбления иракских музеев, но многие из них находились в Великобритании еще с начала XX в., когда британские археологи вывезли их после раскопок. В материалах СМИ не упоминается, как именно были обнаружены артефакты и почему они оказались в британских музеях, но делается акцент на том, что правительство, как и Британский музей, активно способствует возвращению артефактов в страны их происхождения (среди которых упоминается и Афганистан) [Forrest, 2019].

В 2021 г. США вернули Ираку 17 000 предметов искусства, среди которых была клинописная табличка, содержащая часть древней поэмы «Эпос о Гильгамеше». Табличку ввез в страну торговец антиквариатом, «не задекларировавший» ее как ценность. Она много раз была перепродана на аукционах, пока не очутилась в Музее Библии в Вашингтоне. Кристис, международный аукционный дом, продавший ее за 1,6 млн долларов, заявил, что не видит в своих действиях ничего противозаконного [Le Blanc, 2021]. СМИ цитируют представителя Министерства юстиции США, который заверяет, что «Правительство Соединенных Штатов примет меры по конфискации и репатриации древностей и других важных предметов культурного наследия, которые были утрачены и незаконно доставлены в Соединенные Штаты», однако, не уточняя, какие меры были приняты с целью наказания виновных за такой «незадекларированный ввоз» и какие меры будет предприняты в будущем для пресечения подобных действий [US returns stolen ancient artifacts…, 2021]. 17 предметов были возвращены в Ирак из других стран: Италии, Японии, Нидерландов [Holland, 2021].

Что касается других стран региона, таких как Ливия, Йемен и Сирия, ситуация осложняется нестабильной политической обстановкой, что является предлогом не возвращать артефакты или удерживать их «временно». Например, в 2023 г. Смитсоновский институт в США заявил, что вернет 77 ценностей, похищенных из Йемена, но не сейчас, т. к. ситуация в Йемене «трагическая». Так как в стране на данный момент имеет место гуманитарный кризис, разграбление культурного наследия является обыденным явлением. В подтверждение сказанного цитируется посол Йемена в США, который заявляет, что, действительно, сейчас время для реституции неподходящее. Тем временем предметы будут выставлены в Национальном музее азиатского искусства в Вашингтоне, чтобы приобщить посетителей «к древнему йеменскому искусству». Предметы будут использованы в специальных экспозициях, где акцент будет сделан на уничтожении культурного наследия Йемена и «успешном возвращении ценностей» [Bowley, Mashberg, 2023]. Так как в Йемене на данный момент идут военные действия, свирепствуют голод и болезни, выставки такого рода «помогут привлечь внимание общественности к проблемам Йемена», а в будущем «поспособствуют развитию туризма» [Floyd, 2023]. Впрочем, гражданская война, нестабильность, гуманитарная катастрофа и прочие бедствия не помешали Ливану вернуть в Йемен похищенные артефакты, до этого выставлявшиеся в музее Бейрута [Lebanese Museum Return Ancient Artifacts…, 2023].

Похожая ситуация складывается и в Сирии, когда похищенные артефакты удерживаются западными странами с целью их «сохранения». В качестве «хранителей» выступает, в частности, Британский музей, в ведении которого находятся предметы из разрушенной Пальмиры, но которые, по словам директора музея, «однажды» будут возвращены [Burgess, 2015]. Реституция осложняется еще и тем обстоятельством, что между многими странами и Сирией отсутствуют прямые дипломатические связи, и приходится осуществлять переговоры через посредников [The Hermitage has helped to return a stone architrave…, 2023].

Запросы Ливии о возвращении культурного наследия также остаются без ответа, т. к. «правительство не может выполнить условия, требующие от него защиты и сохранения ливийского наследия» и не способно реализовать «Меморандум о взаимопонимании» с США [State Dept Renews Blockade…, 2023]. В 2023 г. впервые США вернули один артефакт, относящийся к ассирийской цивилизации 700–800 гг. до н. э., в Палестину. Была организована специальная церемония передачи этого древнего предмета, на которой прозвучали уверения в важности культурного сотрудничества, подчеркивалось, что контрабандисты и прочие преступники наживаются на нелегальной торговле наследием, но благодаря действиям правоохранительных органов подобные преступления пресекаются, а предметы возвращаются «туда, где они по праву принадлежат» [United States Repatriates Cultural Antiquity…, 2023].

Дискурс арабских СМИ показывает озабоченность властей, экспертов и археологов проблемой реституции культурных ценностей, которые были незаконно вывезены из стран происхождения. Это подтверждается многочисленными статьями, в которых говорится об украденных объектах, их возможном местоположении или фактическом нахождении на территории западных стран и США [التصريح الصحفي الخاص باسترداد الاثار العراقية من الولايات المتحدة الامريكية, ٢٠٢١]. В медиапространстве арабских стран постоянно говорят

о проблеме торговли незаконно вывезенными культурными ценностями на черном рынке, о всевозможных аукционах, на которых террористы, отдельные аукционные компании, частные лица распродают за огромные деньги бесценную историю народа [The Thieves of Baghdad, 2007].

Археологи, культурологи и эксперты в данной сфере посредством медиа призывают международное сообщество к действиям по защите культурных объектов от незаконной продажи и исчезновения, а также просят помощи в возвращении тех артефактов, которые необоснованно хранятся в музеях стран в разных углах планеты. Лидеры ближневосточных государств обращаются и к ЮНЕСКО с просьбой предотвратить продажу похищенных ценностей на европейских и американских торговых площадках, объявить подобную торговлю незаконной [Yemen urges European countries…, 2022].

СМИ транслируют случившееся как культурную катастрофу, поскольку были украдены сотни тысяч объектов, из которых только 10% удалось вернуть обратно. Арабские археологи проводят исследовательские работы, составляют списки исчезнувших и вывезенных объектов, а также координируют действия, совместно с властями, по поиску и возвращению культурного наследия. Страны Ближнего Востока, столкнувшиеся с проблемой разграбления культуры, считают виновников ворами и преступниками, которых необходимо наказать, ведь они используют культурные ценности, которые принадлежат человечеству, в своих целях, для получения прибыли.

Сегодня в арабских СМИ торжественно упоминают любое возвращение на территорию происхождения предмета истории, даже самого незначительного артефакта, ведь это считается всё же маленькой победой. Археологи восторженно встречают исторические объекты и рады возможности прикоснуться к ним [British Museum to Hand Over…, 2018]. Объект, возвращенный на родину, располагают в главных музеях страны, где население может прикоснуться к истории.

Подводя итог, можно сказать, что в медийном дискурсе западных стран ввоз культурных объектов в страны Европы и США представлен как преступная деятельность, совершаемая некими неназываемыми организованными группировками или отдельными лицами, намеренно скрывающими или не понимающими ценности ввозимого. С ними успешно борются представители правоохранительных органов, Министерства юстиции, Интерпола и других организаций. Со своей стороны, правительство принимает все необходимые меры, чтобы наследие сохранить, охотно возвращает это наследие в страны происхождения, удостоверившись, что наследию не угрожает опасность. Так как страны Ближнего Востока находятся в состоянии конфликта и не могут заботиться о своем наследии должным образом, это объясняет, по мнению СМИ, почему предметы искусства до сих пор хранятся и выставляются в европейских и американских музеях.

В дискурсе арабских СМИ, напротив, подчеркивается необходимость реституции незаконно вывезенных объектов, поскольку они должны находиться на месте своего происхождения [الولايات المتحدة تعيد آلاف القطع الأثرية المهربة للعراق, ٢٠١٨]. По их мнению, множество объектов и так утеряны, и с целью сохранения истории нужно вернуть то, что удалось установить и найти. Следует упомянуть, что власти арабских стран утверждают: сегодня они в силе позаботиться о сохранности собственного культурного наследия.

Заключение

Проблема разрушения культурных ценностей вызвана различными причинами. Так, это может быть постепенное старение того или иного объекта, которое может привести к его повреждению, даже гибели, далее вандализм, а также намеренное уничтожение памятников. Особенно остро встает вопрос о культурном наследии стран Ближнего Востока, где разрушено огромное количество культурных объектов. Проблема разрушения культурного достояния практически нерешаема, особенно если нет фотографий первичного экземпляра. Помимо этого, величия культурного объекта уже не вернуть любыми манипуляциями, однако можно рассмотреть его реставрацию при возможности. Также многие предметы были разрушены Соединенными Штатами Америки и их союзниками намеренно. Многочисленные объекты культуры были незаконно проданы на глобальном рынке произведений искусства, центрами которой являются Лондон и Нью-Йорк. Усилия международных организаций, таких как ЮНЕСКО, Интерпол и др., пока недостаточны для предотвращения и пресечения незаконного оборота культурных ценностей.

Современный дискурс о реституции культурных ценностей мало отличается от более ранних периодов истории, описанных Эдвардом Саидом в его ставшим классическим труде «Ориентализм»: в нем присутствует тот же предвзятый взгляд на незападный мир как неспособный позаботиться о собственном наследии, конфликтный, нестабильный. Если сейчас не подвергают сомнению, что незападное искусство также является искусством, незападный мир по-прежнему представляется как слабый, отсталый, требующий постоянной опеки. В публичном дискурсе западных стран до сих пор присутствует сомнение, нужно ли вообще возвращать культурные ценности [Hunt, 2019], является ли реституция этическим или юридическим обязательством (если вообще им является) [Torrao, 2020; Labadie, 2021]. Еще более сложным является вопрос возвращения археологических находок, обнаруженных западными археологами, т. к. считается, что только западные ученые являются экспертами по ближневосточному искусству, и страны с полным правом могут удерживать эти объекты [Act of Plunder, 2022].

Более того, нежелание государств вносить ограничения на торговлю предметами искусства, нечеткий характер положений международного права, слабый механизм реализации запрета на глобальную торговлю похищенными предметами приводит к тому, что реституция культурных ценностей до сих пор остается одной из наиболее серьезных нерешенных проблем международного сообщества.

Список источников

'Act of plunder': Egyptians want the Rosetta Stone back. 2022. November 30 // Al Jazeera: website. https://www.aljazeera.com/news/2022/11/30/after-220-years-egypt-demands-the-return-of-the-rosetta-stone (дата обращения: 08.09.2023).

Africa Museum Collections. Cultural Anthropology and History // Africa Museum: website. https://www.africamuseum.be/en/research/collections_libraries/human_sciences/collections (дата обращения: 08.09.2023).

Agerholm H. 2016. December). Stolen artifacts from Palmyra and Yemen seized in Geneva // The Independent: website. https://www.independent.co.uk/news/world/europe/stolen-artifacts-palmyra-yemen-geneva-enesco-switzerland-a7454001.html (дата обращения: 06.10.2023).

Bailey M. 2003. May 1. International outrage as Iraq's National Museum is sacked by civilians // The Art Newspaper: website. https://www.theartnewspaper.com/2003/05/01/international-outrage-as-iraqs-national-museum-is-sacked-by-civilians (дата обращения: 23.09.2023).

Barker C. 2018. April 9. Fifteen years after looting, thousands of artefacts are still missing from Iraq's National Museum // The Conversation: website. https://theconversation.com/fifteen-years-after-looting-thousands-of-artefacts-are-still-missing-from-iraqs-national-museum-93949 (дата обращения: 08.09.2023).

Bator P. M. 1982. An essay on the international trade in art // Stanford Law Review. No. 34 (2). Pp. 275–384.

Bogdanos M. 2005. The casualties of war: the truth about the Iraq Museum // American Journal of Archaeology. No. 109 (3). Pp. 477–526. http://www.jstor.org/stable/40026122

Bowley G., Mashberg T. 2023. February 21. Looted artifacts, returned to Yemen, will go to the Smithsonian, for now // The New York Times: website. https://www.nytimes.com/2023/02/21/arts/design/yemen-looted-artifacts-smithsonian.html (дата обращения: 28.09.2023).

British Museum to hand over looted antiquities to Iraqi embassy. 2018. August 9 // Al Jazeera: website. https://www.aljazeera.com/features/2018/8/9/british-museum-to-hand-over-looted-antiquities-to-iraqi-embassy (дата обращения: 06.10.2023).

Burack E. 2023. September 20. Is 2023 the year looted art returns home? // Town & Country: website. https://www.townandcountrymag.com/leisure/arts-and-culture/a42660309/repatriated-artwork-timeline-2023 (дата обращения: 08.09.2023).

Burgess K. 2015. June 5. British Museum guarding antiquity looted in Syria // The Times: website. https://www.thetimes.co.uk/article/british-museum-guarding-antiquity-looted-in-syria-bq92pnzvq2f (дата обращения: 15.09.2023).

Cases of returns and restitutions under the aegis of the ICPRCP // UNESCO: website. https://en.unesco.org/fighttrafficking/Cases_of_Return_and_Restitution_ICPRCP (дата обращения: 13.09.2023).

Convention on the means of prohibiting and preventing the illicit import, export and transfer of ownership of cultural property. 1970. November 14 // UNESCO: website. https://www.unesco.org/en/legal-affairs/convention-means-prohibiting-and-preventing-illicit-import-export-and-transfer-ownership-cultural#item-2 (дата обращения: 10.09.2023).

Cultural property crime thrives throughout pandemic says new INTERPOL survey. 2021. October 18 // INTERPOL: website. https://www.interpol.int/en/News-and-Events/News/2021/Cultural-property-crime-thrives-throughout-pandemic-says-new-INTERPOL-survey (дата обращения: 08.09.2023).

Cunliffe E., Muhesen N., Lostal M. 2016. The destruction of cultural property in the Syrian Conflict: legal implications and obligations // International Journal of Cultural Property. No. 23. Pp. 1–31.

Dib A., Izquierdo M. A. R. 2021. Terrorism and the loss of cultural heritage: the case of ISIS in Iraq and Syria // Transcultural Diplomacy and International Law in Heritage Conservation / Niglio O., Lee E. Y. J. (eds). Singapore: Springer. Pp. 377–393.

Doppelhofer C. 2016. Will Palmyra Rise Again? — War Crimes against Cultural Heritage and Post-war Reconstruction // UN Human Rights. Office of the High Commissioner. https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/Issues/CulturalRights/DestructionHeritage/NGOS/Ch.Doppelhofer.pdf (дата обращения: 20.10.2022).

Floyd T. 2023. February 21. Smithsonian to house stolen Yemeni artifacts until they can be returned // The Washington Post: website. https://www.washingtonpost.com/arts-entertainment/2023/02/21/smithsonian-yemen-artifacts-sackler/ (дата обращения: 08.09.2023).

Forrest A. 2019. July 8. British Museum to return precious artefacts looted from Iraq and Afghanistan // The Independent: website. https://www.independent.co.uk/news/uk/home-news/british-museum-afghanistan-iraq-buddhist-heads-mesopotamian-tablets-artefacts-a8996191.html (дата обращения: 08.09.2023).

Gottlieb M., Meier B. 2003. May 1. Aftereffects: The Plunder; Of 2,000 treasures stolen in Gulf War of 1991, only 12 have been recovered // The New York Times: website. https://www.nytimes.com/2003/05/01/world/aftereffects-plunder-2000-treasures-stolen-gulf-war-1991-only-12-have-been.html (дата обращения: 11.09.2023).

Holland O. 2021. August 5. US returns over 17,000 looted artifacts to Iraq // CNN: website. https://edition.cnn.com/style/article/iraq-us-artifacts-repatriation/index.html#:~:text=The%20US%20has%20returned%20more,and%20carvings%20from%20ancient%20Mesopotamia (дата обращения: 01.10.2023).

Hunt T. 2019. June 29. Should museums return their colonial artefacts? // The Guardian: website. https://www.theguardian.com/culture/2019/jun/29/should-museums-return-their-colonial-artefacts (дата обращения: 08.09.2023).

King E. 2017. What framing analysis can teach us about history textbooks, peace, and conflict: the case of Rwanda // Constructing Memory: Education, Identity, and Conflict / Bellino M. J. *et al.* (eds.). Rotterdam/Boston/Taipei: Sense Publishers. Pp. 23–48.

La loi du 22 juillet 2023 sur la restitution des biens culturels spoliés dans le contexte des persécutions antisémites perpétrées entre 1933 et 1945 a été publiée au Journal officiel. 2023 // Ministère de la Culture: website. https://www.culture.gouv.fr/Nous-connaitre/Organisation-du-ministere/Le-secretariat-general/Mission-de-recherche-et-de-restitution-des-biens-culturels-spolies-entre-1933-et-1945/Actualites/La-loi-du-22-juillet-2023-sur-la-restitution-des-biens-culturels-spolies-dans-le-contexte-des-persecutions-antisemites-perpetrees-entre-1933-et-194 (дата обращения: 08.09.2023).

Labadie C. 2021. Decolonizing collections: a legal perspective on the restitution of cultural artifacts // ICOFOM Study Series [En ligne]. No. 49–2. Pp. 132–146. https://doi.org/10.4000/iss.3784

Le Blanc P. 2021. July 27. Hobby Lobby ordered to forfeit ancient artifact bought for $1.6 million in 2014 // CNN: website. https://edition.cnn.com/2021/07/27/politics/epic-of-gilgamesh-hobby-lobby/index.html (дата обращения: 12.09.2023).

Lebanese museum returns ancient artifacts to Syria. 2023. January 23 // Reuters: website. https://www.youtube.com/watch?v=zDVh4o-rBYM&ab_channel=Reuters (дата обращения: 08.09.2023).

Lostal M., Hausler K., Bongard P. 2017. Armed non-state actors and cultural heritage in armed conflict // International Journal of Cultural Property. No. 24 (4). Pp. 407–427.

Matthews R., Rasheed Q. H. 2020. Heritage and cultural healing: Iraq in a post-Daesh era // International Journal of Heritage Studies. No. 26 (2). Pp. 120–141.

McAndrew C. 2022. The Art Market 2022 / An Art Basel & UBS Report. https://d2u3kfwd92fzu7.cloudfront.net/Art%20Market%202022.pdf (дата обращения: 11.09.2023).

Moniz Bandeira L. A. 2017. The Second Cold War. Geopolitics and the Strategic Dimensions of the USA. Cham: Springer. 465 pp.

Monza F., Ciliberti R., Anastasio R., Licata M. 2019. Museums and human remains: ethical issues in curating and displaying // Éthique & Santé. No. 16 (3). Pp. 133–136.

Mungai C. 2018. December 3. Who are Western museums guarding African artefacts from? // Al Jazeera: website. https://www.aljazeera.com/opinions/2018/12/3/who-are-western-museums-guarding-african-artefacts-from (дата обращения: 02.09.2023).

Potter L. 2023. May 15. Ethical considerations for human remains // The University of Utah Research: website. https://attheu.utah.edu/facultystaff/ethical-considerations-for-human-remains (дата обращения: 08.09.2023).

Rankin J. 2022. February 10. 'Justice can triumph': painting looted by Nazis returned to owners after 80 years // The Guardian: website. https://www.theguardian.com/artanddesign/2022/feb/10/justice-can-triumph-painting-looted-by-nazis-returned-to-owners-after-80-years (дата обращения: 28.09.2023).

Sarr F., Savoy B. 2018. November. Rapport sur la restitution du patrimoine culturel africain. Vers une nouvelle éthique relationnelle // Vie-publique: website. https://medias.vie-publique.fr/data_storage_s3/rapport/pdf/194000291.pdf (дата обращения: 08.09.2023).

Schmidt-Colinet A. 2020. Recent destructions in Palmyra, Syria: looting and illegal antiquities trade // Remote Sensing for Archaeology and Cultural Landscapes / Hadjimitsis D., *et al.* Springer Remote Sensing/Photogrammetry. Springer, Cham. Pp. 19–28.

Sigal S. 2018. March 19. It's disturbingly easy to buy Iraq's archeological treasures // The Atlantic: website. https://www.theatlantic.com/international/archive/2018/03/iraq-war-archeology-invasion/555200/ (дата обращения: 18.09.2023).

Snowball J., Nwauche E. S., Collins A. 2021. Examining restitution and repatriation options for cultural artefacts: an empirical enquiry in South Africa // International Journal of Cultural Property. No. 28 (5). Pp. 531–545.

Stantis C., de la Cova C., Lippert D. *et al.* 2023. Biological anthropology must reassess museum collections for a more ethical future // Nature Ecology & Evolution. No. 7. Pp. 786–789.

State Dept renews blockade on Libyan art, ignoring law and facts. 2023. February 24 // Cultural Property News: website. https://culturalpropertynews.org/state-dept-renews-blockade-on-libyan-art-ignoring-law-and-facts (дата обращения: 08.09.2023).

Stolen Works of Art Database // INTERPOL: website. https://www.interpol.int/en/Crimes/Cultural-heritage-crime/Stolen-Works-of-Art-Database (дата обращения: 08.09.2023).

Stroobants J.-P. 2021. August 11. La Belgique fait un pas vers la restitution de biens culturels au Congo // Le Monde: website. https://www.lemonde.fr/culture/article/2021/08/11/la-belgique-fait-un-pas-vers-la-restitution-de-biens-culturels-au-congo_6091145_3246.html (дата обращения: 08.09.2023).

The Hermitage has helped to return a stone architrave to Syria from the UK. 2023. September 19 // The Hermitage News: website. https://www.hermitagemuseum.org/wps/portal/hermitage/news/news-item/news/2023/news_240_23?lng=en&url (дата обращения: 16.02.2024).

The Thieves of Baghdad. 2007. September 17 // Al Jazeera Arabic: website. https://www.youtube.com/watch?v=X4Q_0p1L_YU&ab_channel=AlJazeeraArabic%D9%82%D9%86%D8%A7%D8%A9%D8%A7%D9%84%D8%AC%D8%B2%D9%8A%D8%B1%D8%A9 (дата обращения: 28.09.2023).

Thurlow M. D. 2005. Protecting cultural property in Iraq: how American military policy comports with international law // Yale Human Rights and Development Journal. No. 8. Pp. 175–185. https://paperity.org/p/83158447/protecting-cultural-property-in-iraq-how-american-military-policy-comports-with (дата обращения: 09.09.2023).

Torrao M. M. 2020. June 26. Restitution of artifacts: a colonial obligation? // The Cambridge Global Affair: website. https://www.thecambridgeglobalaffair.co.uk/our-articles/restitution-of-cultural-artifacts (дата обращения: 08.09.2023).

Turku H. 2018. The Destruction of Cultural Property as a Weapon of War. ISIS in Syria and Iraq. Cham: Palgrave Macmillan. 207 pp.

Twaij A. 2021. November 4. When will the West truly decolonize its museums? // Foreign Policy: website. https://foreignpolicy.com/2021/11/04/decolonize-museums-us-iraq-artifacts-repatriation-nigeria-benin-bronzes (дата обращения: 08.09.2023).

UK to return 5,000 ancient artifacts to Iraq. 2020. October 23 // Al-Monitor: website. https://www.al-monitor.com/originals/2020/10/iraq-artifacts-kadhimi-british-government-return-looted.html (дата обращения: 28.09.2023).

UNESCO Director-General welcomes the liberation of Hatra and will send Emergency Assessment mission "as soon as possible". 2017. April 28 // UNESCO: website. https://whc.unesco.org/en/news/1658/ (дата обращения: 01.10.2023).

UN Security Council highlights the role of cultural heritage for peace and security. 2017. November 30 // UNESCO: website. https://www.unesco.org/en/articles/un-security-council-highlights-role-cultural-heritage-peace-and-security (дата обращения: 08.10.2023).

UNIDROIT Convention on the International Return of Stolen or Illegally Exported Cultural Objects. 1995. June 24 // UNIDROIT: website. https://www.unidroit.org/instruments/cultural-property/1995-convention (дата обращения: 08.09.2023).

United States repatriates cultural antiquity to Palestinian authority. 2023. January 5 // U.S. Office of Palestinian Affairs: website. https://palestinianaffairs.state.gov/united-states-repatriates-cultural-antiquity-to-palestinian-authority (дата обращения: 08.09.2023).

US returns stolen ancient artifacts to Iraq in repatriation ceremony. 2021. September 24 // US Immigration and Customs Enforcement: website. https://www.ice.gov/news/releases/us-returns-stolen-ancient-artifacts-iraq-repatriation-ceremony (дата обращения: 08.09.2023).

van Dijk T. A. 2000. Ideology and Discourse: A Multidisciplinary Introduction. London: SAGE Publications.

Vellut, J.-L. 2017. Le Congo dans les esthétiques de l'Occident, l'Occident dans les esthétiques du Congo // Congo: Ambitions et désenchantements 1880–1960 / Vellut J. Paris: Karthala. Pp. 287–308.

Voon C. 2022. December 16. US officials return antiquities looted from Iraq Museum in 2003 // The Art Newspaper: website. https://www.theartnewspaper.com/2022/12/16/antiquities-looted-iraq-museum-returned-seals (дата обращения: 28.09.2023).

Weiss E. 2022. August 17. Repatriation of artefacts: a recipe for disaster // History Reclaimed: website. https://historyreclaimed.co.uk/repatriation-of-artefacts-a-recipe-for-disaster (дата обращения: 22.09.2023).

Yemen urges European countries to ban agencies auctioning Yemeni antiquities. 2022. June 11 // Arab News: website. https://www.arabnews.com/node/2105321/middle-east (дата обращения: 06.01.2023).

التصريح الصحفي الخاص باسترداد الاثار العراقية من الولايات المتحدة الامريكية. July 29, 2021 // Iraqi News HD: website. https://www.youtube.com/watch?v=i9Fi1L4lc5k (дата обращения: 06.01.2023).

الولايات المتحدة تعيد آلاف القطع الأثرية المهربة للعراق. May 3, 2018 // FRANCE 24 Arabic: website. https://www.youtube.com/watch?v=YldBuhf1vrE (дата обращения: 06.01.2023).

References

Al Jazeera. (2022, Nov. 30). *'Act of plunder': Egyptians want the Rosetta Stone back.* Retrieved Sep. 8, 2023, from https://www.aljazeera.com/news/2022/11/30/after-220-years-egypt-demands-the-return-of-the-rosetta-stone

Africa Museum Collections. Cultural Anthropology and History. (n.d.). Retrieved Sep. 8, 2023, from https://www.africamuseum.be/en/research/collections_libraries/human_sciences/collections

Agerholm, H. (2016, Dec. 4). Stolen artifacts from Palmyra and Yemen seized in Geneva. *The Independent*. Retrieved Oct. 6, 2023, from https://www.independent.co.uk/news/world/europe/stolen-artifacts-palmyra-yemen-geneva-enesco-switzerland-a7454001.html

Bailey, M. (2003, May 1). International outrage as Iraq's National Museum is sacked by civilians. *The Art Newspaper.* Retrieved Sep. 23, 2023, from https://www.theartnewspaper.com/2003/05/01/international-outrage-as-iraqs-national-museum-is-sacked-by-civilians

Barker, C. (2018, Apr. 9). Fifteen years after looting, thousands of artefacts are still missing from Iraq's national museum. *The Conversation*. Retrieved Sep. 8, 2023, from https://theconversation.com/fifteen-years-after-looting-thousands-of-artefacts-are-still-missing-from-iraqs-national-museum-93949

Bator, P. M. (1982). An Essay on the International Trade in Art. *Stanford Law Review*, (34), 275–384.

Bogdanos, M. (2005). The Casualties of War: The Truth about the Iraq Museum. *American Journal of Archaeology,* (109), 477–526. Retrieved Sep. 18, 2023, from http://www.jstor.org/stable/40026122

Bowley, G., & Mashberg, T. (2023, Feb. 21). Looted Artifacts, Returned to Yemen, Will Go to the Smithsonian, for Now. *The New York Times.* Retrieved Sep. 28, 2023 from https://www.nytimes.com/2023/02/21/arts/design/yemen-looted-artifacts-smithsonian.html

Al Jazeera. (2018, Aug. 9). *British Museum to hand over looted antiquities to Iraqi embassy.* Retrieved Oct. 6, 2023, from https://www.aljazeera.com/features/2018/8/9/british-museum-to-hand-over-looted-antiquities-to-iraqi-embassy

Burack, E. (2023, Sep. 20). Is 2023 the Year Looted Art Returns Home? *Town & Country*. Retrieved Sep. 8, 2023, from https://www.townandcountrymag.com/leisure/arts-and-culture/a42660309/repatriated-artwork-timeline-2023

Burgess, K. (2015, Jun. 5). British Museum guarding antiquity looted in Syria. *The Times.* Retrieved Sep. 15, 2023, from https://www.thetimes.co.uk/article/british-museum-guarding-antiquity-looted-in-syria-bq92pnzvq2f

UNESCO. (n.d.). *Cases of returns and restitutions under the aegis of the ICPRCP*. Retrieved Sep. 13, 2023 from https://en.unesco.org/fighttrafficking/Cases_of_Return_and_Restitution_ICPRCP

UNESCO. (1970, Nov. 14). *Convention on the Means of Prohibiting and Preventing the Illicit Import, Export and Transfer of Ownership of Cultural Property.* Retrieved Sep. 10, 2023, from https://www.unesco.org/en/legal-affairs/convention-means-prohibiting-and-preventing-illicit-import-export-and-transfer-ownership-cultural#item-2

INTERPOL. (2021, Oct. 18). *Cultural property crime thrives throughout pandemic says new INTERPOL survey*. Retrieved Sep. 8, 2023 from https://www.interpol.int/en/News-and-Events/News/2021/Cultural-property-crime-thrives-throughout-pandemic-says-new-INTERPOL-survey

Cunliffe, E., Muhesen, N., & Lostal, M. (2016). The Destruction of Cultural Property in the Syrian Conflict: Legal Implications and Obligations. *International Journal of Cultural Property,* (23), 1–31.

Dib, A., & Izquierdo, M. A. R. (2021). Terrorism and the Loss of Cultural Heritage: The Case of ISIS in Iraq and Syria. In O. Niglio, & E. Y. J. Lee (Eds.), *Transcultural Diplomacy and International Law in Heritage Conservation* (pp. 377–393). Singapore Springer.

Doppelhofer, C. (2016). Will Palmyra rise again? — War Crimes against Cultural Heritage and Post-war Reconstruction. *UN Human Rights. Office of the High Commissioner*. Retrieved Sep. 8, 2023, from https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/Issues/CulturalRights/DestructionHeritage/NGOS/Ch.Doppelhofer.pdf

Floyd, T. (2023, Feb. 21). Smithsonian to house stolen Yemeni artifacts until they can be returned. *The Washington Post*. Retrieved Sep. 8, 2023, from https://www.washingtonpost.com/arts-entertainment/2023/02/21/smithsonian-yemen-artifacts-sackler/

Forrest, A. (2019, Jul. 8). British Museum to return precious artefacts looted from Iraq and Afghanistan. *The Independent*. Retrieved Sep. 8, 2023, from https://www.independent.co.uk/news/uk/home-news/british-museum-afghanistan-iraq-buddhist-heads-mesopotamian-tablets-artefacts-a8996191.html

Gottlieb, M., & Meier, B. (2003, May 1). Aftereffects: the plunder; of 2,000 treasures stolen in Gulf War of 1991, only 12 have been recovered. *The New York Times*. Retrieved Sep. 11, 2023, from https://www.nytimes.com/2003/05/01/world/aftereffects-plunder-2000-treasures-stolen-gulf-war-1991-only-12-have-been.html

Holland, O. (2021, Aug. 5). US returns over 17,000 looted artifacts to Iraq *CNN.* Retrieved Oct. 1, 2023, from https://edition.cnn.com/style/article/iraq-us-artifacts-repatriation/index.html#:~:text=The%20US%20has%20returned%20more,and%20carvings%20from%20ancient%20Mesopotamia

Hunt, T. (2019, Jun. 29). Should museums return their colonial artefacts? *The Guardian*. Retrieved Sep. 8, 2023, from https://www.theguardian.com/culture/2019/jun/29/should-museums-return-their-colonial-artefacts

King, E. (2017). What framing analysis can teach us about history textbooks, peace, and conflict: the case of Rwanda. In M. J. Bellino *et al.* (Eds.), *Constructing Memory: Education, Identity, and Conflict* (pp. 23–48). Sense Publishers.

Ministère de la Culture. (2023). *La loi du 22 juillet 2023 sur la restitution des biens culturels spoliés dans le contexte des persécutions antisémites perpétrées entre 1933 et 1945 a été publiée au Journal official.* Retrieved Sep. 8, 2023, from https://www.culture.gouv.fr/Nous-connaitre/Organisation-du-

ministere/Le-secretariat-general/Mission-de-recherche-et-de-restitution-des-biens-culturels-spolies-entre-1933-et-1945/Actualites/La-loi-du-22-juillet-2023-sur-la-restitution-des-biens-culturels-spolies-dans-le-contexte-des-persecutions-antisemites-perpetrees-entre-1933-et-194

Labadie, C. (2021). Decolonizing collections: a legal perspective on the restitution of cultural artifacts. *ICOFOM Study Series [En ligne],* (49–2). Retrieved Sep. 28, 2023, from https://doi.org/10.4000/iss.3784

Le Blanc, P. (2021, Jul. 27). Hobby Lobby ordered to forfeit ancient artifact bought for $1.6 million in 2014. *CNN*. Retrieved Sep. 12, 2023, from https://edition.cnn.com/2021/07/27/politics/epic-of-gilgamesh-hobby-lobby/index.html

Reuters. (2023, Jan. 23). Lebanese museum returns ancient artifacts to Syria *Reuters*. Retrieved Sep. 8, 2023, from https://www.youtube.com/watch?v=zDVh4o-rBYM&ab_channel=Reuters

Lostal, M., Hausler, K., & Bongard, P. (2017). Armed Non-State Actors and Cultural Heritage in Armed Conflict. *International Journal of Cultural Property*, (24), 407–427.

Matthews, R., & Rasheed, Q. H. (2020). Heritage and cultural healing: Iraq in a post-Daesh era. *International Journal of Heritage Studies*, (26), 120–141.

McAndrew, C. (2022). *The Art Market. An Art Basel & UBS Report*. Retrieved Sep. 11, 2023, from https://d2u3kfwd92fzu7.cloudfront.net/Art%20Market%202022.pdf

Moniz Bandeira, L.A. (2017). *The Second Cold War. Geopolitics and the Strategic Dimensions of the USA*. Springer.

Monza, F., Ciliberti, R., Anastasio, R., & Licata, M. (2019). Museums and human remains: Ethical issues in curating and displaying. *Éthique & Santé*, (16), 133–136.

Mungai, C. (2018, Dec. 3). Who are Western museums guarding African artefacts from? *Al Jazeera*. Retrieved Sep. 2, 2023, from https://www.aljazeera.com/opinions/2018/12/3/who-are-western-museums-guarding-african-artefacts-from

Potter, L. (2023, May 15). *Ethical considerations for human remains. The University of Utah Research*. Retrieved Sep. 8, 2023, from https://attheu.utah.edu/facultystaff/ethical-considerations-for-human-remains

Rankin, J. (2022, Feb. 10). 'Justice can triumph': painting looted by Nazis returned to owners after 80 years. *The Guardian*. Retrieved Sep. 28, 2023, from https://www.theguardian.com/artanddesign/2022/feb/10/justice-can-triumph-painting-looted-by-nazis-returned-to-owners-after-80-years

Sarr, F., & Savoy, B. (2018, Nov.). Rapport sur la restitution du patrimoine culturel africain. Vers une nouvelle éthique relationnelle. Retrieved Sep. 8, 2023, from https://medias.vie-publique.fr/data_storage_s3/rapport/pdf/194000291.pdf

Schmidt-Colinet, A. (2020). Recent Destructions in Palmyra, Syria: Looting and Illegal Antiquities Trade. Recent Destructions in Palmyra, Syria: Looting and Illegal Antiquities Trade. In D. Hadjimitsis, *et al. Remote Sensing for Archaeology and Cultural Landscapes* (pp. 19–28). Springer.

Sigal, S. (2018, Mar. 19). It's Disturbingly Easy to Buy Iraq's Archeological Treasures. *The Atlantic*. Retrieved Sep. 18, 2023, from https://www.theatlantic.com/international/archive/2018/03/iraq-war-archeology-invasion/555200/

Snowball, J., Nwauche, E. S., & Collins, A. (2021). Examining restitution and repatriation options for cultural artefacts: an empirical enquiry in South Africa. *International Journal of Cultural Property*, (28), 531–545.

Stantis, C., de la Cova, C., Lippert, D. *et al.* (2023). Biological anthropology must reassess museum collections for a more ethical future. *Nature Ecology & Evolution,* (7), 786–789.

Cultural Property News. (2023, Feb. 24). State Dept Renews Blockade on Libyan Art, Ignoring Law and Facts. *Cultural Property News*. Retrieved Sep. 8, 2023, from https://culturalpropertynews.org/state-dept-renews-blockade-on-libyan-art-ignoring-law-and-facts

INTERPOL. (n.d.). *Stolen Works of Art Database*. Retrieved Sep. 8, 2023, from https://www.interpol.int/en/Crimes/Cultural-heritage-crime/Stolen-Works-of-Art-Database

Stroobants, J.-P. (2021, Aug. 11). La Belgique fait un pas vers la restitution de biens culturels au Congo. *Le Monde*. Retrieved Sep. 8, 2023, from https://www.lemonde.fr/culture/article/2021/08/11/la-belgique-fait-un-pas-vers-la-restitution-de-biens-culturels-au-congo_6091145_3246.html

The Hermitage has helped to return a stone architrave to Syria from the UK (2023, Sep. 19). *The Hermitage News*. https://www.hermitagemuseum.org/wps/portal/hermitage/news/news-item/news/2023/news_240_23?lng=en&url

The Thieves of Baghdad (2007, Sep. 17). *Al Jazeera Arabic*. Retrieved Sep. 28, 2023, from https://www.youtube.com/watch?v=X4Q_0p1L_YU&ab_channel=AlJazeeraArabic%D9%82%D9%86%D8%A7%D8%A9%D8%A7%D9%84%D8%AC%D8%B2%D9%8A%D8%B1%D8%A9

Thurlow, M. D. (2005). Protecting Cultural Property in Iraq: How American Military Policy Comports with International Law. *Yale Human Rights and Development Journal*, (8), 175–185. Retrieved Sep. 9, 2023, from https://paperity.org/p/83158447/protecting-cultural-property-in-iraq-how-american-military-policy-comports-with

Torrao, M. M. (2020, Jun. 26). Restitution of Artifacts: A Colonial Obligation? *The Cambridge Global Affair.* Retrieved Sep. 8, 2023, from https://www.thecambridgeglobalaffair.co.uk/our-articles/restitution-of-cultural-artifacts

Turku, H. (2018). *The Destruction of Cultural Property as a Weapon of War. ISIS in Syria and Iraq*. Palgrave Macmillan.

Twaij, A. (2021, Nov. 4). When Will the West Truly Decolonize Its Museums? *Foreign Policy.* Retrieved Sep. 8, 2023, from https://foreignpolicy.com/2021/11/04/decolonize-museums-us-iraq-artifacts-repatriation-nigeria-benin-bronzes

Al-Monitor. (2020, Oct. 23). UK to return 5,000 ancient artifacts to Iraq. *Al-Monitor*. Retrieved Sep. 28, 2023, from https://www.al-monitor.com/originals/2020/10/iraq-artifacts-kadhimi-british-government-return-looted.html

UNESCO. (2017, Apr. 28). *UNESCO Director-General welcomes the liberation of Hatra and will send Emergency Assessment mission "as soon as possible."* Retrieved Sep. 8, 2023, from https://whc.unesco.org/en/news/1658/

UNESCO. (2017, Nov. 30). *UN Security Council Highlights the Role of Cultural Heritage for Peace and Security.* Retrieved Oct. 8, 2023, from https://www.unesco.org/en/articles/un-security-council-highlights-role-cultural-heritage-peace-and-security

UNIDROIT. (1995, Jun. 24). *UNIDROIT Convention on the International Return of Stolen or Illegally Exported Cultural Objects.* Retrieved Sep. 8, 2023, from https://www.unidroit.org/instruments/cultural-property/1995-convention

U.S. Office of Palestinian Affairs. (2023, Jan. 5). *United States Repatriates Cultural Antiquity to Palestinian Authority.* Retrieved Sep. 8, 2023, from https://palestinianaffairs.state.gov/united-states-repatriates-cultural-antiquity-to-palestinian-authority

US Immigration and Customs Enforcement. (2021, Sep. 24). *US returns stolen ancient artifacts to Iraq in repatriation ceremony.* Retrieved Sep. 8, 2023, from https://www.ice.gov/news/releases/us-returns-stolen-ancient-artifacts-iraq-repatriation-ceremony

van Dijk, T. A. (2000). *Ideology and Discourse: A Multidisciplinary Introduction*. SAGE Publications.

Vellut, J.-L. (2017). Le Congo dans les esthétiques de l'Occident, l'Occident dans les esthétiques du Congo. In J. Vellut. *Congo: Ambitions et désenchantements 1880–1960* (pp. 287–308). Karthala.

Voon, C. (2022, Dec. 16). US officials return antiquities looted from Iraq Museum in 2003. *The Art Newspaper.* Retrieved Sep. 28, 2023, from https://www.theartnewspaper.com/2022/12/16/antiquities-looted-iraq-museum-returned-seals

Weiss, E. (2022, Aug. 17). Repatriation of artefacts: a recipe for disaster. *History Reclaimed*. Retrieved Sep. 22, 2023, from https://historyreclaimed.co.uk/repatriation-of-artefacts-a-recipe-for-disaster

Arab News. (2022, Jun. 17). Yemen urges European countries to ban agencies auctioning Yemeni antiquities. *Arab News*. Retrieved 6 Oct. 2023, from https://www.arabnews.com/node/2105321/middle-east

Iraqi News HD. (2021, Jul. 29) التصريح الصحفي الخاص باسترداد الاثار العراقية من الولايات المتحدة الامريكية [Video]. YouTube. Retrieved 6 Oct., 2023 from https://www.youtube.com/watch?v=i9Fi1L4lc5k

FRANCE 24 Arabic. (2018, May 3) الولايات المتحدة تعيد آلاف القطع الأثرية المهربة للعراق [Video]. YouTube. Retrieved 6 Oct., 2023 from https://www.youtube.com/watch?v=YldBuhf1vrE

Информация об авторах

Галина Александровна Нелаева, кандидат политических наук, профессор, кафедра международных отношений и регионоведения, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
g.a.nelaeva@utmn.ru, https://orcid.org/0000-0002-8877-9893

Мария Тиграновна Шахназарян, студентка направления «Зарубежное регионоведение», Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
stud0000240263@utmn.ru, https://orcid.org/0009-0005-9776-6233

Information about the authors

Galina A. Nelaeva, Cand. Sci. (Polit.), Professor, Department of International Relations and Regional Studies, University of Tyumen, Tyumen, Russia
g.a.nelaeva@utmn.ru, https://orcid.org/0000-0002-8877-9893

Maria T. Shakhnazaryan, Undergraduate Student, Department of International Relations and Regional Studies, University of Tyumen, Tyumen, Russia
stud0000240263@utmn.ru, https://orcid.org/0009-0005-9776-6233

Интервью / Interview
Обзоры, рецензии, научные события

https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-1-175-186
УДК 930(47)

Медиевистика как ремесло и искусство: беседа с А. Г. Емановым

Дмитрий Валерьевич Байдуж✉, **Александр Георгиевич Еманов**

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
Контакт для переписки: bayduzh@yandex.ru✉

31 октября 2023 г. отметил 65-летие А. Г. Еманов, профессор Института социально-гуманитарных наук Тюменского университета, почетный работник высшего профессионального образования РФ, доктор исторических наук. Мы приводим запись беседы с известным ученым о буднях тюменской медиевистики.

Беседа состоялась 12 октября 2023 г. в Тюмени. Вопросы задавал Д. В. Байдуж, к. и. н., доцент кафедры истории ТюмГУ.

— Хотелось бы спросить, над чем Вы трудитесь сейчас как исследователь, что реализуете, какие проекты, возможно, подходят к концу, какие только начинаются?

— У меня сейчас реализуется проект Российского научного фонда[1], который посвящен такому направлению, как талассоистория. Казалось бы, нет недостатка в книгах, посвященных изучению взаимодействия человека и моря, но до сих пор все исследования проводились в двух парадигмах. Одну можно условно назвать «антропоцентричной». То есть на первый план исследований выдвигался человек с его запросами, потребностями, интересами и амбициями. Другая парадигма может быть определена как «природоцентричная». Здесь главное место в качестве объекта исследования занимала океаносфера в естественнонаучном измерении, со всеми ее вихревыми водными потоками, движениями верхних и нижних пластов морской воды, их обменом, подъемами и спадами уровня мирового океана, потеплением и похолоданием температуры морской воды, колебаниями ее солености, изменениями флоры и фауны, минеральных ресурсов и энергетики моря. Мне видится, что как для первой, так и для второй парадигмы свойственны серьезные искажения: первая недооценивает всей мощи морской стихии, вторая исключает человека. И в этом знаниевом разрыве предлагается новое направление — «талассоистория». Здесь объектом исследования становятся и талассосфера, море, и человек одновременно. Греческое слово «ἱστορία» изначально предполагает

[1] Еманов А. Г. 2023. Феномен морских плаваний в культурах премодерна: контракт с морем, модели и практики // Российский научный фонд (грант № 23-28-01592).

© Автор(ы), 2024

присутствие познающего субъекта, человека, для которого море открывает неисчерпаемые возможности, оно разделяет народы, но и создает уникальные перспективы коммуникации между ними, тормозит развитие одних и, наоборот, вызывает бурные прорывы других. Еще одно, не столь часто употребляемое греческое слово «θάλασσα» обозначает как раз море и отводит ему первенствующее значение, поскольку морская стихия обладает немыслимой масштабностью: она более чем в 2 раза превышает сушу по площади, а по объемному пространству для жизни так и вообще в 80 раз, осваивается много медленнее (человек вышел в космос раньше, нежели достиг Марианской впадины, самой глубокой точки мирового океана); к тому же морская стихия обладает невероятной мощью, перед которой человек оказывается просто песчинкой.

— *Как Одиссей, да?*

— Да! Такой, кажется, ничтожной малостью. В общем-то, это осознание было свойственно человеку прошлых эпох. Это сегодня человек слишком много о себе возомнил: что он способен подчинить себе всё и вся, все стихии. Талассоистория задает понимание правильной иерархии: море изначально первее, значительнее, могущественнее человека, его игнорирование чревато катастрофическими последствиями не только для отдельных человеческих сообществ, но и для человечества в целом. К тому же новый эвристический потенциал талассоистории открывает признание морской стихии живой субстанцией, обладающей правами субъекта, как и человек. До сих пор к морю относились как к вещи, призванной удовлетворять утилитарные потребности человека. В целом, талассоистория очень продуктивно может разрабатываться как раз на материале Средних веков, поскольку здесь историки располагают достаточно внушительными массивами источников: письменными, вещественными, археологическими и, что принципиально важно, природными, которые только в последнее время стали входить в научный оборот.

Насколько важно понимание природных особенностей талассосферы, показывают недавние открытия в Черном море. Там в нижних слоях воды обнаруживается предельно высокое содержание сероводорода, который купирует всякую жизнь. Это же самое свойство сероводорода привело к феноменальной консервации затонувших предметов. Болгарские подводные археологи на расстоянии 250 км от болгарского побережья Черного моря натолкнулись на целое кладбище кораблей средневековой эпохи. Там обнаружены и византийские дромоны, и трапезундские хеландии, и венецианские галеры, и генуэзские навы; там были и арабские дау, и турецкие мавны; все они были великолепной сохранности. До сих пор археологи имели дело только со скелетами средневековых кораблей, то есть с килем и шпангоутами; что было на палубе, всевозможные баки, деки, надстройки являлись результатом гипотетических реконструкций. Здесь впервые представилась возможность увидеть средневековый корабль во всем его действительном объеме — с верхними палубами, мачтами, рулевым управлением, устройствами для отдачи якоря и т. п. Попытка что-либо поднять наверх приводила к разрушению; в конечном счете, сочли, что самый лучший способ — это ничего не трогать, а попробовать зафиксировать с помощью подводной видеотехники все эти конструкции и произвести их измерения.

Помимо этого, существуют мощные морские коралловые рифы, они оказались удивительным подводным архивом, в кернах которого отразились природно-климатические

изменения на протяжении столетий и даже всего средневекового тысячелетия. К этому нужно добавить ледники Антарктиды, которые сегодня рассматривают как самую совершенную ледовую хронику, зафиксировавшую изменения талассосферы в большой временной длительности, влияния на нее атмосферных осадков, извержений вулканов, солнечной радиации и других космических энергий. Как раз эти открытия последних лет и сделали возможной талассоисторию как особое направление науки. Ее следует воспринимать не в терминах междисциплинарности, или мультидисциплинарности, о чем очень много говорилось, а метадисциплинарности, когда становится возможным преодоление узких дисциплинарных границ, возвышение над ними и на этой основе достижение более объемного, более точного познания мира и его прошлого.

— *Море, смывающее любые дисциплинарные разграничения.*

— Поразительно, но это так! Как раз средневековый материал позволяет почувствовать принципиально важные изменения в талассоистории, которые невозможно обнаружить ни в древности, ни тем более в современности. Первое, что бросается в глаза, в Средние века сложилась идея контракта человеческого сообщества с морем. Уже одно это говорит о том, что море воспринималось живым, субъектом права, как и человек. Конечно же, этот особый мистический «контракт» нельзя воспринимать в современном прагматическом смысле, в терминах нынешней правовой культуры. Скорее, то был договор по типу феода, где выделялась старшая сторона, обязанная покровительством и заступничеством, и определялась младшая сторона, призванная к служению. Как раз море признавалось этой старшей стороной, а человек — младшей.

— *Как у венецианских дожей — обручение с морем.*

— Абсолютно верно! Вновь избранный дож, пожизненный глава Венецианской республики, на специально подготовленной, торжественно украшенной галере выходил в море и бросал в морские волны золотое кольцо в знак обручения. Слово «море», по-итальянски «Il mare», передавалось существительным мужского рода, т. е. оно занимало положение мужа, супруга, представляло сторону старшего; дож выступал представителем республики Венеции, слово «la Repubblica» было женского рода, т. е. Венеция представала в этом мистическом брачном союзе женой, супругой, представляла младшую сторону.

— *Но тем не менее, если говорить о феодальной логике, там стороны обладали взаимными обязательствами.*

— Конечно! Обязанностью Венеции как добродетельной супруги было служение мужу, а долгом моря как благодетельного супруга было щедрое одаривание жены всеми доступными ему богатствами.

Поразительно, но за тысячи миль от Венеции, в крымской Кафе, сложился, судя по всему, более архаичный ритуал умилостивления моря[1]. В день Богоявления (Θεοφάνια), отмечавшийся 6 января, когда вспоминалось евангельское событие крещения Иисуса Христа в Иордане, городская община словно бы жертвовала морю самое лучшее свое

[1] Еманов А. Г. 2023. Кафа как талассополития: генезис гражданской «морской идентичности» позднесредневекового города // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. Т. 25. № 3. С. 104–105.

достояние — прекраснейших юношей, которые по благословению греческих священников, под пение «Καλημέρας», прославлявшее начало доброго дня, восход солнца, гладь моря, раздевались и бросались в море, затем они словно возвращались морем назад, торжественно встречались горожанами на берегу овациями, одаривались серебряными дангами Кафы. Этот ритуал призван был благоприятствовать взаимоотношениям между городской общиной и морем, должен был расположить морскую стихию к людям. Как раз в этом ритуальном действе, заново разыгрывавшемся каждый год, подтверждалось возобновление мистического договора между гражданским сообществом и морем.

— Здесь море воспринималось еще и как крещенская купель, когда вода очищала от грехов всю общину.

— Именно так! Море оказывалось кладезем самых разных смыслов, контекстов. Оно и страшило, и пугало, но одновременно очищало от грехов, рождало эмоции счастья; оно и — адова пучина, и — путь спасения. В самых сокровенных иконах Средневековья, например, «Исхождение из ада», считывается наиболее выразительный морской нарратив: из черноты гигантской пасти морского чудовища вереницей выходят грешники под водительством Христа и направляются прямо из пучины моря к небесному царству.

При этом надо понимать, что некоторые качества, отличающие культуру модерности, впервые начали проявляться именно в Средние века. Море воспринималось как заветная мечта, в особенности море теплых, южных стран. Оно манило, магнетизировало, порождало ностальгию по утраченному теплому материнскому лону, водному примордиальному пространству, когда человек пребывал в равновесном состоянии и гармонии. В этом интуитивном стремлении к морю скрывалось желание обрести утраченное, потерянное лоно без искушений греховного мира, мечта вернуться в первоначальное природное состояние до грехопадения.

— «Контракт с морем» может быть понят и как ответ на глобальную экологическую повестку современности. Средневековый рецепт, как можно справиться с этими проблемами.

— Если угодно, да!

— Александр Георгиевич, если развивать дальше тему ваших исследований, то как методологически Вы позиционируете себя в качестве приверженца или, возможно, основоположника какого-то направления? Меня на этот вопрос навела старая дискуссия, которая была инициирована еще в 1980-е гг. Постмодернистский вызов историографии, вопросы о статусе истории, наука это, или не наука. Знаменитый тезис Х. Уайта и попытки историков, насколько я знаю, по сию пору не увенчавшиеся равноубедительным результатом дать ответ. Как Вы методологически позиционируете свои исследования?

— Спасибо за столь остро артикулированный вопрос. Да, действительно, науку историю очень часто критикуют, ругают, откровенно третируют, может, даже и презирают за то, что в ней якобы нет ни грамма научности. Что она — вид беллетристики, плод воображения, игра ума, состязание интеллектуалов в оригинальности интерпретации прошлого, этакая забава для избранных, и одновременно — особая миссия неких моральных судей, выносящих высший вердикт событиям прошлого, вершителям судеб целых народов далеких и близких эпох. И всё же именно сегодня история становится не просто наукой,

а наукой наук, как в Средние века теология, а в античности — философия. В истории впервые становится возможным достижение точного знания, как в естественных науках, когда в ее арсенал входят ландшафтные, природные источники. Наибольшие перспективы имеют исследования историков в альянсе с биологами, географами, химиками, физиками. Примером такого успешного взаимодействия является Институт геоантропологии имени Макса Планка в Йене. Там впервые для целей и задач исторических исследований создаются Базы больших данных палинологии, где аккумулированы образцы спор и пыльцы ископаемых растений из самых различных частей света в большой хронологической ретроспективе; они позволяют судить о рационе, структуре питания человека прошлых эпох, его гастрономических предпочтениях и отвержениях, симпатиях и антипатиях. Существуют аналогичные базы данных по морским отложениям из разных мест мирового океана; по кернам тысячелетних коралловых рифов и антарктических ледников, которые позволяют выявлять изменения климата, биоразнообразия, антропогенное воздействие на состояние окружающей среды, океаносферы. Сегодня надежно выделены климатические пессимумы и оптимумы, климатические аномалии на протяжении Средних веков, эпохи непредсказуемых экстремальных метеорологических явлений, пики сверхвлажности и сверсухости, выявлены масштабы глобальных пандемий средневековья[1]. Чего стоит только «Дантовская аномалия» 1315 г., о каковой ученые не знали еще несколько лет назад, словно бы провидчески предсказанная Данте в его «Божественной комедии», потому и названная его именем:

… дождь струится,
Проклятый, вечный, грузный, ледяной,
Всегда такой же, он всё так же длится.
Тяжелый град, и снег, и мокрый гной
Пронизывает воздух непроглядный,
Земля смердит под жидкой пеленой[2].

Научное направление, которое охватывает мои нынешние исследования[3] [Еманов, 2023в; Еманов, 2023г; Еманов, 2023д], уже названо: талассоистория.

— *Можно ли обозначить ее методологию? Имеет ли она какое-то название?*

— Пока, пожалуй, можно в самом общем виде говорить о методах талассоистории, которые метадисциплинарны по своей природе, включают в себя оперирование как данными по изменениям талассосферы, почерпнутыми из природных, ландшафтных источников,

[1] Еманов А. Г. 2013. Великая пандемия середины XIV в. как финал средневековой истории // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. № 2. С. 49–55.

[2] Данте Алигьери. 1982. Божественная комедия / пер. со староит. М. Л. Лозинский. М.: Правда. 640 с.

[3] Еманов А. Г. 2023. Россия и циркумросская политосфера X в. // Questio Rossica. Vol. XI. No. 3. С. 1101–1110; Еманов А. Г. 2023г. Черноморские порты Золотой Орды по кастильской «Книге знаний всех царств» XIV в. // Золотоордынское обозрение. Т. 11. № 3. С. 611–635; Еманов А. Г. 2023. Quod non iretur ad Tanam // Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. Вып. 84. № 2. С. 184–189.

так и данными по трансформации поведения человека, извлеченными из самых разнообразных исторических источников, в особенности праксиологических (инструменты навигации, средства мореплавания Средних веков, корабельное оборудование).

— То есть это направление только оформляется, оно еще слишком новое, чтобы можно было дать точное определение. А с какими предшествующими направлениями талассоистория пересекается в большей степени, ведь ничего не возникает из пустоты. Какие традиции она развивает? Может быть, какие-то имена мэтров?

— Из ближайших предшественников можно, пожалуй, выделить Изабель Хофмейр[1], почетного профессора африканских литератур Университета в Йоханнесбурге. Она признается пионером в области изучения глобальных, океанических, транснациональных форм культурной истории, в исследовании Индийского океана как локуса глобального Юга, граничившего с Тихим и Атлантическим океанами, ввела в научный оборот целый ряд новых категорий, как, к примеру, «гидроколониализм», новых познавательных инструментов, как, скажем, «причальное чтение», «видение сквозь воду». Первое связано с пониманием портовых городов, морских причалов как топоса интенсивных взаимодействий множества людей, прибывавших из самых разных уголков мира, из разных частей света, которые обменивались между собой рассказами о причудливых траекториях персональных жизненных судеб, гидрогеографии личных странствий; второе сопряжено с открытием части портовой инфраструктуры старых приморских городов под водой, на дне моря, что стало следствием подъема уровня мирового океана за последнее тысячелетие. Сферу своих научных интересов она обозначала тоже достаточно оригинально — «гуманитарная океанология» (Oceanic Humanities).

— Вопрос, который носит скорее прагматический характер. Зачем, на Ваш взгляд, нужна история? Не как наука, а история как вузовский предмет. Что, например, не историки могут получить от преподавателя-медиевиста? Зачем сегодня нужны медиевисты в России?

— Да, оправданный вопрос. История, в целом, история Средних веков, в частности, имеет глобальный характер[2]. Сегодня нужны не национальные нарративы истории, а обсуждение универсальных феноменов (изменения климата, эпидемии, «зеленая», или даже «синяя», если речь идет о море, экономика и др.), универсальные вызовы внешней природной среды, на которые разными территориальными сообществами могли быть найдены несхожие ответы. Средневековая эпоха, независимо от места ее проявления, отличалась тонким пониманием договорной природы отношений между человеком и внешним миром, между разными группами людей. Уже сама по себе договороспособность предполагала признание другой стороны как потенциально равной, свободной и полноправной. Этим качеством средневековый мир радикально отличался от древности, в каковой различались люди и нелюди. Стало быть, люди — заведомо

[1] Hofmeyr I., Gupta P., Pearson M. (eds.). 2010. Eyes across the Water. Navigating the Indian Ocean. Pretoria: University of South Africa Press. 396 pp.

[2] Еманов А. Г. 2009. Есть ли смысл в медиевистских штудиях в российской провинции? // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. № 1. С. 11–15.

господа, а нелюди пригодны быть только рабами, только лишь обслугой; если последние становились «неправильными», обнаруживали свои собственные воления и желания, то их просто подвергали утилизации.

Надо сказать, что культура модерна восприняла многие ущербные идеи от Возрождения и Просвещения, когда не только античные идеалы, но и антиидеалы заново были подняты на щит, тогда произошел новый всплеск рабства в более худших и бесчеловечных формах, нежели в античности, стоит только вспомнить рабство афроамериканцев в США, лагеря беженцев, мигрантов в западном мире со всеми ужасами концлагерной жизни. И в этом плане средневековая культура представляет особый интерес.

— Какие дисциплины в рамках университетского преподавания Вы предлагаете студентам, которые позволяют почувствовать всю эту актуальность Средневековья для нас сейчас?

— Это тоже очень непростой вопрос. Первоначально я шел по пути специализации, всё большего дробления исторического знания. Поэтому я инициировал специализацию по истории Средних веков, затем магистратуру, аспирантуру и даже докторантуру по истории Средних веков. И эта логика специализации неизбежно выдвигала на первый план дисциплины, которые среди прочих исторических дисциплин до последнего времени занимали статус служебных, словно бы сервильных, вспомогательных исторических дисциплин. Среди таковых, мне казалось, первое место должна была занять латинская палеография, призванная научить читать средневековые тексты, особенно трудное для понимания готическое письмо с двойным изломом букв.

Затем мне казалось важным подойти к исторической картографии, научить навыкам чтения средневековых латинских карт. После попробовали подступиться к сигиллографии, к изучению средневековых латинских печатей; к нумизматике, к осмыслению монет средневековых эмитентов, прежде всего городов; к геральдике, к пониманию гербов средневековой эпохи.

В пору создания кафедры истории Древнего мира и Средних веков в Тюменском университете, где древности почти не было, и всё было заполнено медиевистикой и византиноведением, довелось общаться с Александром Черных, лучшим геральдистом позднего СССР и современной России. Меня поразила его фраза, что на самом деле не геральдика является вспомогательной исторической дисциплиной, а всеобщая история выступает вспомогательной исторической дисциплиной по отношению к геральдике. Это перевернуло всю оптику исторического познания. Сегодня более предпочтителен путь не дальнейшего дробления дисциплин, а наоборот, поиск интегральных метадисциплин. Так я пришел к конструированию принципиально иных курсов, охватывающих все эпохи и все регионы мира, например, «История перформативности», где анализируются перформативные практики от архаичных ритуалов, мистерий Осириса, к античным дионисийским празднествам и вакханалиям, далее к средневековым городским карнавалам и от них — к современным трендам повседневных представлений в публичных пространствах; курсу «Предгород — город — постгород», где рассматриваются судьбы урбанизации от эмбрионального состояния протогородских форм эпохи неолита — до футуристических форм постгородского существования.

— Александр Георгиевич, Вы заложили в университете основы изучения специальных дисциплин, которые развивают Ваши ученики. Может, Вы расскажете что-то об их достижениях, успехах, которых они достигли. У Вас всегда было много учеников.

— Не поверите, были эпизоды, когда весь курс в полном составе записывался на подготовку курсовых работ под моим руководством. Мне было даже трудно сформулировать такое количество тем. Конечно, ученики — наибольшая радость, ну и — наибольшие испытания.

Прежде всего, назову Михаила Деминцева[1]. Он — необыкновенный эрудит, в студенчестве постоянно участвовал в олимпиадах по всеобщей истории, побеждал на Всероссийской олимпиаде, был награжден именными часами президента России; по-моему, это единственный эпизод в истории нашего университета. С первого курса увлекся историей Византии, писал у меня курсовые работы, изучал наследие Георгия Пахимера, яркого интеллектуала эпохи Палеологовского Возрождения, занимался древнегреческим языком, пробовал разобраться со среднегреческим. В аспирантуре он выиграл грант серьезного фонда, полгода стажировался в Институте всеобщей истории РАН у Юрия Вина, провел оцифровку «Ромейской истории» Георгия Пахимера, что потребовало разработки специальной программы распознавания греческих букв с диакритикой. Пахимеров текст, надо сказать, очень сложный, написан весьма изощренным языком, к тому же занимал тысячу страниц. К концу стажировки был получен полный словник этого византийского автора, где приводились все слова от «α» до «ω» с указанием частотности их употребления. И это сразу создало представление о подлинном масштабе творческой личности в Византии рубежа XIII–XIV вв. В словнике оказалось 35 000 слов. Для сравнения: словарь Александра Пушкина, составленный на основе не одного, как у Пахимера, а всех его произведений — 21 000. Для изучения политического мышления византийского интеллектуала были выделены наиболее значимые семантические поля, в них были определены ключевые термины, позитивные, негативные и гибридные контексты их употребления, частота их использования. На этой основе была создана ментальная карта политического сознания Пахимера. Эти предварительные итоги были показаны одному из лидеров в России в области разработки искусственных интеллектуальных систем, который заявил о возможности создания модели искусственного интеллекта византийца рубежа XIII–XIV вв., который, исходя из горизонта своего знания, был бы способен отвечать на самые сложные вопросы историка. Но эта мысль осталась нереализованной мечтой…

У Михаила появились публикации в признанных в мире византинистики журналах — «Byzantinoslavica», «Зборник радова Византолошког института», читал курс «Истории Византии», дававший понимание сегодняшних проблем Святых земель, Балкан, Кавказа. И тут он решил радикально изменить жизненную траекторию, прошел строгий отбор кандидатов в Департамент недропользования и экологии Тюменской области. Конечно, я рад за областное правительство — оно приобрело незаурядного интеллектуала, но я огорчен за Тюменский университет, потерявший ценного и многообещающего молодого византиниста.

[1] Деминцев М. С. 2004. Политические воззрения Георгия Пахимера: автореф. дис. … канд. ист. наук. Тюмень: ТюмГУ. 24 с.

Из моих учеников выделил бы еще Фёдора Корандея[1]. Он начал заниматься у меня с первого курса, увлекся изучением кельтских плаваний. Я поддержал это его стремление. Фёдор — поэтическая натура, увлекающаяся самыми необычными сюжетами, он обратился к изучению ирландского монашеского опыта визионерских плаваний в потусторонний мир, воображаемого посещения мистических островов блаженных. Он подошел к постижению таких особых ирландских феноменов, как «топофилия» и «топофобия», когда подобные термины еще не были в ходу, не набрали оборотов интеллектуальной моды. В аспирантские годы у него были гранты разных фондов, он стажировался в Москве и Петербурге. В Российской национальной библиотеке им был выявлен самый ранний рукописный текст «Плавания святого Брендана», который тогда еще никем не исследовался и не был известен западным специалистам. Он оцифровал этот памятник. Активно занимался его переводом, что-то вошло в его кандидатскую диссертацию.

Меня поражает его дальнейшая интеллектуальная трансформация. Он занялся составлением корпуса западных травелогов в Сибирь с описанием Тюмени с XV по XIX в. В ходе этой работы он пришел к идее долгого Средневековья, которое продолжалось вплоть до появления индустриальных средств коммуникации и логистики (пароходный, железнодорожный, авиационный транспорт). Общество, жизненный уклад, сознание вплоть до этого оказывались достаточно традиционными, весьма консервативными. Радикальные изменения произошли только под воздействием транспортной революции индустриальной эпохи. Сейчас он переключился на изучение Северного морского пути.

Отрадно, что проблематика плаваний в северных широтах в последние годы нашла продолжение в диссертационном исследовании другого моего ученика — Анастасии Богдановой[2]. Она рассмотрела средневековые ирландские «immrama» не как литературный вымысел, а как особый узус, в котором отразились заучивавшиеся наизусть, как стихи, морские лоции.

Назову и моего vis-à-vis — Дмитрия Байдужа[3], изучающего эмблематику Немецкого ордена позднего средневековья, разработавшего курсы по сфрагистике, геральдике, визуальной истории…

Не могу не сказать о Сергее Козлове[4]. Он с первого курса заинтересовался скифской проблематикой, писал курсовые работы по скифам, занимался латинским и древнегреческим языками, однажды принес курсовую работу, титул которой был оформлен по-латински, чем меня весьма порадовал. Как-то я попросил его написать эссе на тему «Пить

---

[1] Корандей Ф. С. 2005. Паломничества в раннесредневековой ирландской традиции: автореф. дис. … канд. ист. наук. Тюмень: ТюмГУ. 28 с.

[2] Богданова А. А. 2023. Исторический и культурный контексты средневековых ирландских Immrama: автореф. дис. … канд. ист. наук. Нижний Новгород: Нац. исслед. Нижегорд. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. 31 с.

[3] Байдуж Д. В. 2007. Самосознание и эмблематика Немецкого ордена (конец XII — начало XIV вв.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Тюмень: ТюмГУ. 22 с.

[4] Козлов С. А. 2012. Византийцы и тюркоязычные кочевники Восточной Европы в конце IX — начале XIII в. в византийской нарративной традиции: автореф. дис. … канд. ист. наук. Тюмень: ТюмГУ. 28 с.

как скиф». И он принес яркий, убедительный текст о скифском состязании в питии, наиболее стойкие в этом испытании занимали самое высокое положение в обществе. Впечатлил образ огромного медного чана, наполненного хмельным напитком сома, в котором чрезмерно амбициозные спорщики захлебывались. Его дипломная работа была удостоена золотой медали РАН, которую он получал из рук тогдашнего президента академии Юрия Осипова, уроженца Тобольска. В аспирантуре ему пришлось переключиться на Средневековье, попросил проанализировать политоним «скифы» в византийских текстах. Начав с нуля, за три года он подготовил прекрасную диссертацию. После окончания аспирантуры не было возможности взять его на кафедру. Тогдашний ректор, Валерий Фальков, предложил ему выступить с проектом молодежной научно-исследовательской лаборатории на попечительском совете. Презентация проекта оказалась настолько убедительной, что совет единогласно его поддержал.

— *Давайте перейдем от микроуровня к макро. Как бы Вы ответили на вопрос о возможном будущем российской медиевистики в меняющемся мире?*

— Несмотря на ряд болезненных явлений последних лет — отъезд части медиевистов молодого и творчески самого активного возраста за границу, отход маститых ученых от академических дел по возрасту, — у российской медиевистики сохраняется тренд роста творческого потенциала. Я сужу по нескольким индикаторам: по количеству проектов с медиевистической исследовательской повесткой, поддержанных РНФ; по росту количества и качества изданий книг, монографий, переводов источников медиевистической тематики; по переполненности медиевистическими сюжетами общеисторических журналов; по нарастающей конференционной активности медиевистов.

— *Чем ценна была советская медиевистика? В силу чего она была так востребована? Что было ее стержнем, знаком качества?*

— Вы знаете, я много размышлял над тем, как российским медиевистам советской эпохи удавалось сохранять высокий научный уровень, без регулярных поездок за границу, без обширнейшей западной периодики по медиевистике, без живого общения с зарубежными учеными, как им удавалось быть конкурентоспособными с западными коллегами, поскольку они действовали на чужом поле, тогда как западные медиевисты работали на своем собственном поле: французы, конечно же, углубленнее всего изучали историю Франции, немцы — историю немецких земель, англичане — историю Англии, испанцы — историю испанских королевств… где они были непревзойденными асами. Результаты исследований российских медиевистов, на самом деле, были исключительно важны и значимы для их западных коллег. Они позволяли им отстраненно, с дистанции, оценивать свое собственное прошлое и, соответственно, настоящее, корректировать образ своей истории, преодолевая патриотически деформированные мифологемы. Для российского медиевиста изучение латинского и византийского средневековья приобретало вообще экзистенциальный смысл, позволяло определять контуры социального существования стремительно менявшейся советской России. Без преувеличения, история вообще и медиевистика в частности приобрели в СССР смысл стратегического ресурса. Посудите сами, в 1942 г., когда весь мир в напряжении ждал, чем закончится Сталинградская битва, крупнейшая битва Второй мировой

войны, начал выходить журнал «Средние века». В 1943 г., еще до капитуляции армии Паулюса под Сталинградом, Михаил Сюзюмов в Свердловске, в Уральском университете, где в эвакуации находились профессора МГУ, с блеском защитил кандидатскую диссертацию по эпохе иконоборчества в Византии, закончившейся, как известно, восстановлением иконопочитания. Кандидатские диссертации тогда имели гораздо больший вес, чем сейчас, способны были оказывать реальное воздействие на общественные изменения. Не удивительно, что в это же время был восстановлен статус Русской православной церкви, была возрождена патриархия, которая исчезла в пору петровских реформ, вновь в русскую общественную жизнь возвратились иконы. Одну из них, икону Казанской Божией Матери, на самолете провезли вокруг Сталинграда, после чего чаша весов в сталинградском противостоянии склонилась в пользу Красной армии… Перед лицом таких масштабных экзистенциальных вызовов советский историк-медиевист совершенно иначе себя вел: в отличие от его западноевропейских коллег, ему абсолютно не важны были условия жизненного комфорта, не существенна была еда, ему не страшны были никакие тяготы и лишения. Сам облик Сюзюмова, сохранившийся до старости, выразительно говорил об этом: худое лицо с глубоким проникновенным взглядом, истощенное тело в сильно поношенной одежде. Его образ изоморфен восковой скульптуре русского воина Второй мировой войны в Имперском военном музее Лондона — скелет, обтянутый кожей, на котором, как на вешалке, висит шинель; это образ человека, который всё пожертвовал на алтарь отечества, ради победы. Никакой западный медиевист ничем не готов был жертвовать.

— *Можно вспомнить разве что Марка Блока, героя французского Сопротивления, который написал свое знаменитое «Ремесло историка», находясь в окопах, без архивов и рукописей, без книг, без журналов, обращаясь только к своей эрудиции и памяти...*

— Да, для Запада это — единичный случай. Для России же это — норма. В этом году мне довелось побывать в Нижнем Новгороде, там как раз защищалась моя ученица Анастасия Богданова. Там в Государственном архиве Нижегородской области соприкоснулся с документами личного фонда профессора Николая Соколова.

— *Венецией занимался?*

— Именно. Он и выглядел так же — чрезмерная худоба, старая изношенная одежда. В том же 1943 г. защитил кандидатскую диссертацию. Тогда же было принято решение о создании византийской группы в Институте истории Академии Наук СССР, ставилась задача восстановить российское византиноведение. Он ввел понятие «Венецианская колониальная империя», что может показаться оксюмороном, поскольку Венеция была республикой, причем одной из самых старых и устойчивых. В его же концепции понятие «империя» приобретало другое значение — морское могущество, военно-морская сила, способная отстоять все свои самые отдаленные заморские поселения. Венеция отличалась удивительной способностью вовлечь в «имперостроительство» самые различные народы Пелопоннеса, Балкан, Малой Азии, Кавказа и даже нижнего Подонья. Его размышления оказались весьма востребованы в контексте созидания видоизмененной «советской империи», конструирования под ее главенством альянса стран Варшавского договора.

— Если отойти от наших научных вопросов и обратиться к человеческому аспекту. В чем секрет Вашей молодости, как удается сохранять такую потрясающую работоспособность? Сколько помню, в восемь часов Вы уже на работе, трудитесь просто безостановочно. Как Вы живете? Каков ритм Вашей жизни? Что способствует такой продуктивности? Поделитесь секретом.

— Попробую ответить с предельной ясностью. Любите свое ремесло, любите тех, кто проявляет к нему интерес. Учеников надо любить, не критиковать, не ругать, а находить слова поддержки. Тогда с ними возможно чудо преображения, а оно отразится и на вас.

Содержание за 2023 год

Том 9. № 1 (33)

Языкознание

6 Пилотный корпус текстов учебников немецкого языка для учащихся вторых классов
Нечаева П. О., Паршина В. В.

20 Сопоставительный анализ элементов текстовых миров в литературной сказке «Золушка» Ш. Перро (в переводе на русский) и одноименном киносценарии Е. Шварца
Евсеев О. В., Кох А. Н., Михалькова Е. В.

Литературоведение

43 Функции аллюзий в поэтической книге «Популярная наука о кошках, написанная Старым Опоссумом» Т. С. Элиота
Маршания К. М.

58 Экзистенциальная амбивалентность юного Лермонтова: Байрон или другой?
Мысовских Л. О.

История

78 Здравоохранение Тобольского Севера в середине XIX – начале XX века
Шуляк Е. В.

97 Образы кладбища в картине мира православного духовенства и их влияние на народную культуру (на материалах церковной публицистики конца XIX – начала XX века)
Бушуева А. А.

114 Микрорайон как элемент визуальной репрезентации города на примере Тюменской области
Бубнов Д. О.

Том 9. № 2 (34)

Языкознание

6 Арамейские таргумы и повседневная религиозная жизнь
Сидоренко Н. В

26 Признаки процесса зрительного восприятия: лексикографический аспект
Передриенко Т. Ю.

Литературоведение

40 Феноменологическая рефлексия заглавия книги стихов Б. Пастернака «Близнец в тучах»
Барыкин А. В.

54 Образ Москвы в книге Наринэ Абгарян «Понаехавшая»
Гриднева Н. А.

История

69 Пол Каффи: мореплаватель, бизнесмен, аболиционист
Шумаков А. А.

Том 9. № 3 (35)

Литературоведение

6 Эдвард Хоппер и Эрнест Хемингуэй: к проблеме творческих связей
Мейстер Г.

25 Casus Гоготишвили: критические замечания к концепции предикативного символизма
Каяниди Л. Г.

40 Многозначность образа внутреннего ребенка в романе Й. Макьюэна «Дитя во времени»
Седова Е. С.

История

60 Законодательная база уголовного процесса в России в 1750–1760-е гг.
Петрова М. С.

77 Практики публичных дискуссий периода перестройки (на примере обсуждения фильма «ЧП районного масштаба»)
Моисеенко А. Д.

Том 9. № 4 (36)

Языкознание

6 Глагольная форма «получается» на динамической шкале переходности («точечное» исследование)
Богданова-Бегларян Н. В., Саватьева С. В.

23 Адъективный предикат «плохой/хороший» при местоимении Я
Маркасова Е. В.

36 Создание базы данных коннекторов современного русского языка: принципы, проблемы, результаты
Кобозева И. М., Сердобольская Н. В., Крюкова А. И., Пилюгина Д. А.

48 Субстантивация и местоименные конструкции в русском языке
Кустова Г. И.

63 О введении в научный оборот рукописных материалов краеведов Тобольской губернии XIX века
Багирова Е. П.

Литературоведение

82 Мифопоэтика романа В. Я. Зазубрина «Горы»: Эрос и Танатос
Богумил Т. А.

94 Семиотика цвета в прозе С. Н. Дурылина в свете идей Е. Н. Трубецкого и П. А. Флоренского
Непомнящих Н. А.

История

106 Исламский ландшафт Тюменского края с начала XX до начала XXI века
Мавлютова Г. Ш., Черепанов М. С., Поплавский Р. О., Костомаров В. М.

Contents for 2023

Vol. 9. No. 1 (33)

Linguistics

6 The pilot corpus of German language textbooks for the second-grade students
Nechaeva, P. O., & Parshina, V. V.

20 A comparative analysis of text worlds' elements in the literary tale "Cinderella" by Charles Perrault (translated into Russian) and its screenplay by Yevgeny Schwartz
Evseev, O. V., Koh, A. N., & Mikhalkova, E. V.

Literature Studies

43 The functions of literary allusions in Old Possum's Book of Practical Cats by T. S. Eliot
Marshaniya, K. M.

58 The existential ambivalence of the young Lermontov: Byron or the other?
Mysovskikh, L. O.

History

78 Healthcare of the Tobolsk North in the middle 19th – early 20th century
Shulyak, E. V.

97 Images of the cemetery in the worldview of the Orthodox clergy and their influence on folk culture (the case of church journalism of the late 19th – early 20th c.)
Bushueva, A. A.

114 Microdistrict as an element of a city's visual representation the Tyumen region
Bubnov, D. O.

Vol. 9. No. 2 (34)

Linguistics

6 Aramaic targums and daily religious life
Sidorenko, N. V.

26 Features of the visual perception process: lexicographic aspect
Peredrienko, T. Yu.

Literature Studies

40 Phenomenological aspect of the title of B. Pasternak's book of poems *The Twin in the Clouds*
Barykin, A. V.

54 The image of Moscow in Narine Abgaryan's *The Newcomer*
Gridneva, N. A.

History

69 Paul Cuffe: navigator, businessman, abolitionist
Shumakov, A. A.

Vol. 9. No. 3 (35)

Literature Studies

6 Edward Hopper and Ernest Hemingway: Problem of Creative Connections
Meister, G.

25 Casus Gogotishvili: critical remarks on the concept of predicative symbolism
Kaianidi, L. G.

40 The ambiguity of the inner child image in Ian McEwan's novel *The Child in Time*
Sedova, E. S.

History

60 The legislative framework of the investigative process in Russia in the 1750–1760s
Petrova, M. S.

77 Practices of public debates during perestroika (discussing the film Emergency of the District Scale)
Moiseenko, A. D.

Vol. 9. No. 4 (36)

Linguistics

6 The verb form "poluchayetsya" on the dynamic scale of transitability ("point" study)
Bogdanova-Beglarian, N. V., & Savatyeva, S. V.

23 Adjectival predicate "bad/good" with the pronoun I
Markasova, E. V.

36 Creating a database of Modern Russian clause linkers: principles, problems, results
Kobozeva, I. M., Serdobolskaya, N. V., Kryukova, A. I., & Pilyugina, D. A.

48 Nominalization and pronominal constructions in Russian
Kustova, G. I.

63 Introduction of 19th century manuscripts from local historians of the Tobolsk Province into scholarly research
Bagirova, E. P.

Literature Studies

82 Mythopoetics of V. Y. Zazubrin's novel "Mountains": Eros and Thanatos
Bogumil, T. A.

94 Semiotics of color in S. N. Durylin's prose in light of E. Troubetzkoy's and P. Florensky's ideas
Nepomnyashchikh, N. A.

History

106 Islamic landscape of Tyumen Region in the early 20th — early 21st c.
Mavlyutova, G. Sh., Cherepanov, M. S., Poplavsky, R. O., & Kostomarov, V. M.

Научное издание

16+

ВЕСТНИК ТЮМЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Гуманитарные исследования. Humanitates
2024. Том 10. № 1 (37)

Редактор *Д. В. Лангавая*
Перевод *Т. А. Протасов, В. О. Виноградова*
Компьютерная верстка *Т. П. Сербин*
Дизайн обложки *Г. Ф. Бикмулина*
Печать *А. В. Башкиров*

Дата выхода в свет 26.04.2024
Формат 70 × 108/16. Бумага Xerox Perfect Print
Обложка Stromcard LI. Гарнитура Arno Pro
Печать цифровая. 16,98 усл. печ. л., 13,58 уч.-изд. л.
Цена свободная.
Тираж 500 экз. Заказ № 15